

ЗАПИСКИ

Графа Николая Егоровича

Комаровскаго.

95-28-4998

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Wheeler

Прилагаемыя записки, къ сожалѣнію неоконченныя, переданы были Графомъ Н. Е. Комаровскимъ въ распоряженіе нашего Общества незадолго до своей кончины, послѣдовавшей 8 августа 1909 года.

Г. А. Рязскій, въ своей памятке о немъ, весьма вѣрно характеризуетъ личность покойнаго.

Вотъ его слова:

„8 августа въ Виллахъ (Каринтія) скончался на 66 году жизни отъ послѣдствій операціи Графъ Николай Егоровичъ Комаровскій.

Еслибы потребовалось охарактеризовать покойнаго однимъ словомъ, мы сказали бы, что въ его лицѣ сошелъ въ могилу рыцарь— „духомъ смѣлый и прямой“, дворянинъ въ истинномъ и благороднѣйшемъ значеніи этого наименованія.

Почившій Графъ Николай Егоровичъ по своему рожденію, по своимъ дружественнымъ и служебнымъ связямъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлать блестящую служебную карьеру. Но онъ ее не сдѣлалъ, болѣе того—онъ не желалъ ее дѣлать. Матеріальныя блага никогда его не манили, а служебное честолюбіе у него отсутствовало. Притомъ же въ немъ была въ высшей степени развита благородная независимость: если онъ служилъ, то служилъ дѣлу, а не лицамъ, никогда не поддаживаясь къ мнѣнію и взглядамъ начальства и слѣдуя исключительно велѣніямъ совѣсти и долгу принятой имъ присяги.

Естественно, что при такихъ взглядахъ и душевныхъ качествахъ служебная карьера не могла быть для него очень удачной.... Да онъ и не особенно скорбѣлъ объ этомъ....

Его манило къ себѣ другое поприще—поприще публициста. Связанный узами близкаго родства съ семьями, носящими имена, записанныя въ лѣтописяхъ родной литературы—Веневитиновыми и Соллогубами, горячій поклонникъ личности и таланта М. Н. Каткова, графъ Николай Егоровичъ долгіе годы мечталъ о широкомъ журнальномъ поприщѣ, гдѣ ему представилась бы возможность развернуть свои силы и бороться съ перомъ въ рукѣ за свои завѣтные идеалы. Осуществить свои мечты въ полномъ объемѣ—ему по многимъ причинамъ не удалось....

Но и то немногое, что имъ было напечатано (рядъ статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Свѣтъ* и др. изданіяхъ, брошюра, посвященная памяти Графа А. П. Игнатъева и др.), свидѣтельствовало объ его несомнѣнномъ дарованіи и горячемъ публицистическомъ темпераментѣ. Послѣ него остались воспоминанія, представляющія, по отзывамъ лицъ, слышавшихъ ихъ въ чтеніи покойнаго Графа, немалый историческій и литературный интересъ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія остались неоконченными.

Графъ Николай Егоровичъ страстно отстаивалъ, какъ перомъ, такъ и живымъ словомъ, тѣ исконныя русскіе идеалы, которымъ онъ былъ всю жизнь всецѣло и „безъ лести“ преданъ.

Но стоя на стражѣ чистоты и неприкосновенности дорогихъ всякому, въ комъ бьется русское сердце, началъ, онъ рыцарски умѣлъ цѣнить безкорыстіе побужденій и въ самыхъ своихъ противникахъ. И тѣмъ непримиримѣе бичевалъ онъ всякую фальшь, всякій оппортунизмъ, подъ какой-бы маской они ни скрывались.

Вѣрный сынъ Православной Церкви, онъ чутко различалъ историческую сущность роднаго православія отъ разныхъ вѣяній, нерѣдко рационалистическаго характера, исходившихъ изъ разнаго рода канцелярій.

Въ личной жизни покойный Графъ былъ образцомъ внимательности и доброты. Въ немъ билось, поистинѣ, золотое сердце. Не умѣя и не желая хлопотать о себѣ и о своихъ личныхъ интересахъ, онъ вѣчно хлопоталъ за другихъ, пуская въ ходъ всѣ свои связи. Помимо природной доброты, его побуждало къ этому твердое убѣжденіе, что всякая народность, всякая партія сильны взаимной поддержкой лицъ, въ нихъ входящихъ, и что эта простая истина давно

уже усвоена всѣми, кромѣ русскихъ, которые до сихъ поръ, по выраженію Юрія Крижанича, „другъ друга ѣдятъ и тѣмъ сыты бываютъ“.

Эта русская рознь доставила покойному немало горькихъ минутъ. Теперь пламенно любившая и много страдавшая душа его успокоилась навѣки въ обители, озаренной Тихимъ, Немерцающимъ Свѣтомъ.

Свѣтлая-же память о немъ никогда не изгладится въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ и любившихъ его.“

* *
*

I.

Самыя отдаленныя воспоминанія моего дѣтства восходятъ до начала пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Я былъ младшій изъ пяти сыновей отца, который всецѣло посвятилъ себя нашему домашнему воспитанію.

Самъ отецъ мой, Графъ Егоръ Евграфовичъ былъ воспитанникомъ извѣстной въ свое время коллегіи Іезуитовъ, допущенныхъ въ Россію Императоромъ Александромъ I, подъ честнымъ словомъ, что, открывъ въ Петербургѣ учебное заведеніе, они отнюдь не будутъ имъ пользоваться для совращенія вѣрной ихъ обученію русской молодежи въ лоно Римско-католической Церкви.

Отцу моему было всего 13—14 лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день было объявлено всѣмъ воспитанникамъ, живущимъ въ Іезуитскомъ пансіонѣ, что они свободны и могутъ возвратиться въ домъ своихъ родителей, такъ какъ сами воспитатели, патеры Іезуиты, должны были немедленно оставить Петербургъ. Сидящіе въ карцерѣ ученики были въ свою очередь торжественно выпущены на свободу, въ виду внезапной невзгоды, постигшей самихъ наставниковъ. Въ ту же ночь Іезуиты должны были выѣхать изъ столицы.

Дѣло было такъ. Одинъ изъ воспитанниковъ коллегіи молодой Князь Гагаринъ находился въ домовой церкви Министерства Народнаго Просвѣщенія, Министръ котораго приходился ему близкимъ родственникомъ. По окончаніи службы Гагаринъ демонстративно отказался приложиться къ кресту, объяснивъ, что онъ не можетъ цѣловать не настоящій крестъ, а на вопросъ, какой же онъ считаетъ таковымъ, убѣжденно отвѣтилъ, что настоящій крестъ есть тотъ, которому поклоняются его воспитатели патеры Іезуиты. Случай

этотъ немедленно былъ доложенъ Министромъ Государю, который тутъ же приказалъ въ 24 часа убрать Іезуитовъ изъ Петербурга, считая эту мѣру лишь справедливымъ возмездіемъ за невыполненное Іезуитами обѣщаніе не производить католической пропаганды среди православныхъ воспитанниковъ ихъ коллегій.

Іезуитскій пансіонъ, по справедливости, считался лучшимъ воспитательнымъ заведеніемъ того времени и въ немъ получали образованіе дѣти такъ-называемаго высшаго русскаго общества. Въ свое время въ немъ воспитывался извѣстный всему образованному міру Князь Петръ Андреевичъ Виземскій. Позднѣе современниками моего отца были Графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ, отецъ Петра Андреевича, посла въ Лондонъ, участника Берлинскаго Конгресса и Павла Андреевича, недавно умершаго, бывшаго нашего посла въ Берлинъ, Графъ Павелъ Дмитріевичъ Толстой и Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, вмѣстѣ съ которымъ отецъ мой впослѣдствіи поступилъ юнкеромъ въ Конногвардейскій полкъ и къ которому всю жизнь сохранилъ чувства товарищеской привязанности и дружбы.

Въ ту пору коллегія Іезуитовъ помѣщалась во дворѣ католической церкви Св. Екатерины, на Невскомъ. Внѣшняя сторона воспитательнаго дѣла въ пансіонѣ Іезуитовъ была поставлена въ условія удобства и даже роскоши, дотолѣ невѣдомой въ Петербургѣ: каждый воспитанникъ имѣлъ свою комнату, въ родѣ келіи, которую въ извѣстные часы, назначенные для приготовленія уроковъ, не имѣлъ права оставить. Дисциплина, введенная въ этомъ заведеніи, ничѣмъ не уступала таковой же въ нашихъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, съ той лишь разницею, что въ пансіонѣ Іезуитовъ она облекалась въ болѣе мягкія и вѣжливыя формы. Очевидно почтенные патеры руководствовались въ своихъ педагогическихъ приемахъ излюбленной ими французской поговоркой: *gant de velours, main de fer* (желѣзная рука въ бархатной перчаткѣ).

Ровно въ 6 часовъ утра патерь Іезуитъ обходилъ обширный корридоръ заведенія съ ключемъ въ рукахъ, которымъ троекратно стучалъ въ двери каждой келіи, и этимъ способомъ, замѣнявшимъ барабанный бой въ корпусахъ, онъ подавалъ сигналъ къ началу трудового дня. Уже черезъ четверть часа всѣ ученики пансіона должны были быть собраны въ ректеуарѣ (столовой), а черезъ слѣду-

ющую четверть часа начинались классы подъ непосредственнымъ руководствомъ патеровъ.

Первое мѣсто въ общей системѣ образованія въ Іезуитскомъ пансіонѣ занимало изученіе латинскаго языка, по самой обширной программѣ, но не въ *долбяшку*, съ помощью учебника въ родѣ Кюнера, какъ то практиковалось впослѣдствіи въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ, но вдумчивымъ изученіемъ всѣхъ тонкостей языка, для правильнаго и изысканнаго на немъ оборота рѣчи, выражающей мысль. При изученіи латыни, въ этой области отъ учениковъ требовалась извѣстная доля творчества и, вслѣдъ за толковымъ изученіемъ синтаксиса и перевода самыхъ легкихъ латинскихъ авторовъ, имъ уже задавались на латинскомъ языкѣ сочиненія въ прозѣ и стихахъ на легкія темы, доступныя ихъ возрасту.

Въ этомъ случаѣ задача Іезуитовъ была выработать во вѣрнопной имъ молодежи, главнымъ образомъ, привычку къ самостоятельному труду и къ извѣстному дисциплинированію мысли. Съ этимъ направленіемъ, конечно, нельзя не согласиться. Отецъ мой хорошо помнилъ, какъ 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ онъ сиживалъ уединенно, въ своей кельѣ за сочиненіемъ латинскихъ стиховъ, и время, казалось ему, летѣло незамѣтно. Этимъ самымъ Іезуитами было достигнуто многое, а именно, что мальчикъ не скучалъ заниматься.

Совмѣстно съ усиленнымъ преподаваніемъ древнихъ языковъ, въ Іезуитскомъ пансіонѣ особенное вниманіе было обращено на толковое изученіе всеобщей исторіи. При этомъ и въ этой области старательно возбуждалась въ ученикѣ его самостоятельная работа и поддерживался интересъ къ преподаваемому предмету.

Съ одной стороны строгая дисциплина, не допускающая ни малѣйшаго исключенія въ разѣ установленномъ порядкѣ, поддерживала авторитетъ Іезуитовъ среди учениковъ, а съ другой же ихъ осмысленное и терпѣливое преподаваніе, сопряженное съ пріятнымъ и ласковымъ обращеніемъ, чуждымъ всякой формальности, невольно увлекали дѣтей и располагали ихъ въ пользу своихъ воспитателей. Патеры Іезуиты умѣли использовать не только часы уроковъ, но и, находясь неотлучно при воспитанникахъ во время рекреаціи, занимали ихъ интересными разсказами преимущественно изъ исторіи, устраивали имъ игры и разныя развлеченія, и такимъ образомъ достигали

главной задачи, находится всегда въ самомъ ближайшемъ общеніи со вѣрными имъ юношествомъ.

Съ національной точки зрѣнія, весьма понятно, что образованіе, преподаваемое въ стѣнахъ коллегіи Іезуитовъ, гдѣ русскій языкъ и русская исторія считались чуть ли не предметами второстепенными, носило характеръ космополитическій и непригодный для достоинства великаго народа, но вѣдь и вся образованная Россія въ ту пору была въ значительной степени не національная, а какъ разъ такая, каковую ее хотѣли бы сдѣлать и сейчасъ разные современные говоруны.

Въ пансіонѣ Іезуитовъ успѣхи въ русскомъ языкѣ были рассчитаны на пребываніе учениковъ среди ихъ семействъ, куда они отпускались по праздникамъ. Но и въ эти дни они должны были обязательно почевать въ заведеніи. Исключеніе дѣлалось лишь для первыхъ дней Рождества и Пасхи. На каникулы дѣти отпускались домой лишь на одинъ мѣсяць.

Собственно, Іезуиты положили начало въ Россіи системѣ классическаго образованія, надъ которымъ столь потрудились въ свое время М. Н. Катковъ и его ближайшій сотрудникъ П. М. Леонтьевъ. Къ несчастію, тогда не было обращено вниманіе на совмѣстное съ образованіемъ и воспитательное начало, въ которомъ Іезуиты, само собой, усматривали необходимое условіе для правильнаго примѣненія классицизма въ учебныхъ заведеніяхъ. Строгая классическая система вполне была возможна у насъ лишь въ закрытыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, гдѣ среда и весь складъ жизни учениковъ былъ бы поставленъ въ соотвѣтствіе съ общей системой преподаванія. Въ противномъ случаѣ, изученіе древнихъ языковъ является въ обществѣ лишь долбашкой, потребной для сдачи урока или экзамена, а нерѣдко служащей переутомленію учащагося.

М. Н. Катковъ хорошо понималъ эту истину, когда основывалъ въ Москвѣ закрытое заведеніе, Лицей Цесаревича Николая. Дальнѣйшіе шаги по введенію въ Россіи классицизма во времена Гр. Д. А. Толстого должны быть отнесены скорѣе къ дѣятельности сотрудника Каткова, Леонтьева. Въ то время все вниманіе самого Каткова было поглощено уже вопросами нашей внѣшней политики.

Послѣ закрытія Іезуитскаго пансіона въ 1816—17 году, отецъ

мой продолжалъ уже воспитаніе въ домѣ своихъ родителей и къ нему былъ приставленъ въ качествѣ наставника французъ эмигрантъ Г. Баронъ, а также приглашены лучшіе учителя въ Петербургѣ.

Дѣдъ мой былъ первымъ Генераль-Адъютантомъ въ царствованіе Императора Александра I-го и жилъ въ то время въ своемъ домѣ на углу Фонтанки и Семіоновскаго моста.

Въ началѣ царствованія Александра Павловича, было всего 4 Генераль-Адъютанта и, по положенію, они ежедневно должны были обѣдать у Государя. Этому обычаю положило конецъ, однажды, не совсѣмъ удобное по выбору выраженій, пререканіе во время обѣда, между Генераль-Адъютантами Графомъ Орловымъ-Денисовымъ и Графомъ Толемъ. Съ этого дня Генераль-Адъютантовъ уже не приглашали къ Высочайшему столу и имъ начали выдавать впервые такъ называемыя столовыя деньги. Къ обѣду же являлся лишь дежурный Генераль-Адъютантъ, поставленный такимъ образомъ въ невозможность вести слишкомъ оживленныя бесѣды съ своими коллегами, въ присутствіи Императрицы.

Къ раннему дѣтству моего отца относится одно интересное, по своему значенію, обстоятельство. Въ 1808—9 году мой дѣдъ Евграфъ Федотовичъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи бабушки Елизаветы Егоровны и своего старшаго сына, моего отца, которому тогда было 6-тъ лѣтъ отъ роду. Не вполне установлено, была ли эта поѣздка предпринята для исполненія секретнаго порученія Императора Александра Павловича къ Наполеону I, но извѣстно, что дѣдъ былъ принятъ Наполеономъ и вступилъ въ сношенія съ тогдашними Французскими политическими дѣятелями. Дабы не оставлять моего отца одного, во время обязательныхъ выѣздовъ, и бабушки, къ нему былъ нанятъ молодой французъ, по имени Пелисье, въ качествѣ такъ-называемаго въ тѣ времена *menin* т. е. дядьки; обязанность котораго состояла водить гулять отца по садамъ Парижа и показывать ему все, что могло интересовать ребенка его лѣтъ. Когда снова вспыхнула война 9-го года, дѣдъ мой немедленно долженъ былъ оставить Парижъ, и по усиленной просьбѣ этого самаго Пелисье и привыкшаго къ нему моего отца, рѣшилъ взять съ собой 20-лѣтняго француза, который и отправился въ путь на козлахъ дорожной кареты. Пелисье подлежалъ набору въ военную службу и

могъ быть узнанъ и задержанъ по дорогѣ, занятой уже передвиженіемъ французскихъ войскъ, но благодаря открытому листу, полученному дѣдомъ отъ Наполеона, дѣло обошлось благополучно и въ Петербургѣ онъ снова вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей дядьки при отцѣ. Но вскорѣ дѣдъ мой заподозрилъ mentor'a въ шпіонствѣ и отправилъ его обратно во Францію, гдѣ на этотъ разъ онъ и поступилъ на военную службу. Вторично онъ явился уже въ 1854 году въ чинѣ дивизіоннаго генерала, а затѣмъ маршала подъ стѣнами Севастополя.

Мнѣ извѣстно, что отецъ мой интересовался тогда, что было общаго между бывшимъ дядькой и французскимъ маршаломъ, и, какъ оказалось, это было одно и то же лицо. Какъ потомъ говорилъ отецъ, онъ бы охотно упробилъ вторично дѣда не отпускать Пелисье, только на этотъ разъ, уже изъ Россіи.

Въ 1820 году отецъ мой поступилъ юнкеромъ въ Л. Гв. Конный полкъ, а его почтенный воспитатель открылъ пансіонъ, въ которомъ между прочимъ воспитывался братъ отца, дядя Графъ Павелъ Евграфовичъ.

Въ полку отецъ снова встрѣтился съ Княземъ Александромъ Аркадьевичемъ Суворовымъ, своимъ одноклассникомъ по Іезуитскому пансіону, также вступившимъ юнкеромъ въ тотъ же полкъ. Вмѣстѣ они, уже офицерами, участвовали въ усмирении мятежа 14 Декабря 1825 г. и у нихъ на глазахъ, во время атаки на Дворцовой площади, у командира эскадрона, Барона Веліо, была ядромъ оторвана рука. Дѣдъ мой находился въ этотъ день при Государѣ Николаѣ Павловичѣ и былъ посланъ имъ привести на площадь Л. Гв. Финляндскій полкъ, уже послѣ того, какъ командиръ І-го баталіона этого полка, Баронъ Фредериксъ, палъ жертвой мятежа. Ночь съ 14 на 15 Декабря Конногвардейскій полкъ провелъ бивуакомъ на Дворцовой площади и здѣсь произошелъ, хотя и незначительный самъ по себѣ, но весьма характерный, случай, указывающій, насколько тогдашняя молодежь извѣстнаго круга, была поставлена въ условіяхъ космополитической, не русской жизни. Отецъ мой грѣлся у костра, разговаривая съ однимъ изъ своихъ товарищей, кажется Донауровымъ, о событіяхъ дня, и разговоръ происходилъ, какъ и обыкновенно, на французскомъ языкѣ. Въ это время, по близости

къ нимъ у костра же всталъ только-что прибывшій къ нимъ въ полкъ молодой офицеръ. Не желая продолжать разговора въ присутствіи совсѣмъ еще незнакомаго имъ человѣка, отецъ съ Донауровымъ заговорили уже по русски, такъ какъ новый товарищъ, Князь Голицынъ, ни единого слова на русскомъ языкѣ не понималъ. Такимъ образомъ нашъ родной языкъ оказался на положеніи иностраннаго....

Когда, спустя многіе годы, отцу случилось упоминать объ этомъ случаѣ, то помню, какъ по его лицу пробѣгала грустная тѣнь. Онъ вполнѣ сознавалъ, что космополитизмъ, охватившій во времена его молодости высшіе слои Петербургскаго общества, настолько же отражался и на всѣхъ общественныхъ и правящихъ слояхъ страны. Этотъ космополитизмъ и совращалъ Россію съ ея національнаго, естественнаго пути.

Не смотря на полученное воспитаніе, отецъ мой всю жизнь сохранялъ самую искреннюю привязанность къ своей родинѣ и къ своему народу, съ которымъ въ тѣ времена Петербургская молодежь сталкивалась единственно на почвѣ военной службы, сближающей людей посредствомъ понятія объ общей участи передъ лицомъ смерти и помогающей ихъ познавать.

Чувство національнаго самосознанія особенно укрѣпилось въ общемъ міросозерцаніи моего отца со времени его сближенія, въ Москвѣ, съ Славянофилами того времени. Многіе изъ нихъ, какъ то, Кирѣевскіе, Хомяковъ, были близкими ему друзьями. Хомякова онъ зналъ еще по Конной гвардіи. Въ полку отецъ былъ особенно друженъ, за исключеніемъ Суворова, съ Княземъ Одоевскимъ, не взирая на различіе существующихъ между ними убѣжденій. Одоевскій былъ замѣшанъ въ политическомъ движеніи 1825 года и за участіе въ заговорѣ 14-го Декабря былъ, какъ извѣстно, сосланъ въ Сибирь. Одоевскій былъ поэтъ и отличался выдающимися качествами сердца и ума. Отецъ мой былъ къ нему искренно привязанъ и, не смотря на неудобства, представляемыя обстоятельствами того времени, до самой смерти своего друга въ изгнаніи, находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ и, какъ то усматривается изъ сохранившихся писемъ, былъ посредникомъ при перепискѣ Одоевскаго съ близкими ему родственниками.

Дружба, существовавшая въ полку между Одоевскимъ, моимъ отцомъ и Суворовымъ, подала поводъ Государю Николаю Павловичу усумниться въ непринадлежности къ заговору 14 Декабря и двухъ послѣднихъ, но было установлено, что и отецъ и Суворовъ, ссылаясь на свои коренныя убѣжденія, прямо отказались отъ участія въ какихъ-либо политическихъ собраніяхъ, бывшихъ по этому поводу, дабы не быть поставленными, по чувству долга и присяги, въ положеніе выдать своихъ товарищей, на что ни Суворовъ, ни отецъ, не были бы способны.

Какъ извѣстно, офицеръ Гвардіи Ростовцевъ напелъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы поступить иначе.

Во время слѣдствія по событію 14 Декабря, дѣдъ мой, назначенный верховнымъ судьей для разбора этого дѣла, на вопросъ однажды Николая Павловича: „неужели я узнаю, что твой сынъ и Суворовъ тоже были тамъ?“ отвѣтилъ: „нѣтъ, Государь, не узнаете, такъ какъ и тотъ и другой въ такомъ случаѣ уже стояли бы добровольно передъ Вами“. Къ концу двадцатыхъ годовъ относится знакомство отца съ молодымъ поэтомъ Веневитиновымъ, Дмитриемъ Владиміровичемъ, а засимъ и женитьба на его сестрѣ Софіи Владиміровнѣ Веневитиновой.

Семья Веневитиновыхъ, стариннаго рода Воронежскихъ дворянъ, проживала въ своей вотчинѣ с. Н. Животинномъ, Воронежской губерніи и уѣзда, на берегу живописнаго Дона, а на зиму, какъ и большинство зажиточнаго въ то время помѣстнаго дворянства, со всѣмъ домою перебиралась на жительство въ Москву. Въ Москвѣ у Веневитиновыхъ, на Мясницкой, въ приходѣ Св. Евпла, былъ свой собственный обширный барскій домъ и ежегодно осенью въ него вгребалась вся семья моего дѣда Владиміра Петровича съ многочисленными домочадцами и проживающими для компаніи, мелкопомѣстными дворянами.

Любопытное зрѣлище представлялъ собой переѣздъ на долгихъ изъ деревни въ городъ и обратно. Впереди ѣхали, въ каретахъ на высокихъ рессорахъ, господа съ дѣтьми, близкіе имъ родственники, нахлѣбники и приживалки изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Интересно, что въ жизни помѣщичьихъ дворянъ первой половины прошлаго вѣка способъ передвиженія имѣлъ своеобразное

значеніе въ смыслѣ опредѣленія общественнаго положенія, и сидѣніемъ на рессорахъ объяснялась извѣстная степень благородства или исключительной близости къ господамъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, въ первомъ нерессорномъ экипажѣ, въ тарантасѣ сидѣли по чину мосье и мадамъ, т.-е. гувернеръ и гувернантка господскихъ дѣтей, за ними слѣдовали въ тарантасахъ же няньки, мамки и старшіе домочадцы, вся же прочая дворян и сѣнные дѣвушки довольствовались передвиженіемъ въ повозкахъ и бричкахъ. Всѣхъ экипажей набиралось до пятнадцати—двадцати.

Комнатныя собаки, обыкновенно дворяншки, сопровождали господъ, подвизаясь подъ именами героевъ древности и мифологическихъ богинь. Въ заключеніе всей вереницы разнородныхъ экипажей слѣдовалъ еще многочисленный обозъ съ вещами и всякой рухлядью—необходимой спутницей всякихъ господскихъ привычекъ и развлеченій. Драгоцѣнные семейные образа распредѣлялись по рессорнымъ экипажамъ, а младшіе изъ нихъ въ чинѣ по тарантасамъ и повозкамъ.

Въ обѣденное время вся эта ватага останавливалась въ деревняхъ по пути слѣдованія, а въ хорошую погоду прямо на чистомъ воздухѣ въ лѣсу. Повара немедленно раскладывали все необходимое, чтобы составить обѣдъ, а мажоръ д'омъ (дворецкій) распоряжался на счетъ чая и закуски.

Эти подробности заимствованы мной изъ рассказовъ моей нянюшки Анны Степановны, которая умерла въ домѣ моихъ родителей уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ эта почтенная старушка оставалась въ нашей семьѣ около 60-ти лѣтъ. Дѣвочкой лѣтъ 15-ти она была взята въ комнаты и впослѣдствіи оказалась въ приданомъ у моей матери въ качествѣ сѣнной дѣвушки. Воспитаніе моей матери съ сестрой, умершей въ малолѣтствѣ, и ея братьевъ Дмитрія и Алексѣя было поручено почтенной четѣ французскихъ эмигрантовъ Г-ну и Г-жѣ Д'Ореръ, М-г et М-me D'Horger. Онъ состоялъ гувернеромъ двухъ мальчиковъ, а она занималась дѣвочками.

Дѣдъ мой Веневитиновъ началъ службу въ Преображенскомъ полку и, какъ свидѣтельствуютъ преданія, много кутилъ. Кстати сказать, я тоже въ свое время служилъ въ томъ же полку и, что

касается послѣдняго обстоятельства, могу лишь преклониться передъ неисповѣдимыми судьбами атавизма.

Дѣдъ жилъ широко и его постоянныя затѣи, а главное картежная игра, обременили долгами его, впрочемъ, огромное имущество Веневитиновыхъ.

Бабушка моя Анна Николаевна, рожденная Кн. Оболенская, всецѣло посвятивъ себя, послѣ смерти мужа, воспитанію дѣтей и управленію имѣніями въ разныхъ губерніяхъ, сумѣла окружить себя дѣловыми управляющими и при помощи ихъ сохранить своимъ дѣтямъ свободныя отъ долговъ имѣнія.

Одинаково, изъ разсказовъ нянюшки Анны Степановны, почерпнулъ я нѣкоторые подробности о житьѣ-бытьѣ семьи Веневитиновыхъ въ Москвѣ на Мясницкой. Домъ ихъ былъ, что называлось, „полная чаша“ и гостепріимный очагъ для многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ бабушки.

Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Веневитиновыхъ въ Москвѣ, была извѣстная въ то время Княгиня Зинаида Волконская, рожденная Кн. Бѣлосельская, къ которой Пушкинъ обращался въ восторженныхъ стихахъ, считаясь однимъ изъ ея самыхъ ярыхъ поклонниковъ. Княгиня Волконская вдохновила также своимъ умомъ и красотою и молодого поэта Дмитрія Владиміровича Веневитинова, который питалъ къ очаровательной Княгинѣ чувства самой глубокой и почтительной привязанности. Послѣдствіемъ этой несчастной любви, растревожившей бабушку Анну Николаевну, и былъ переводъ сына на службу въ Петербургъ.

Это обстоятельство относится къ тому времени, когда неудавшійся въ Петербургѣ мятежъ 1825 года побудилъ Правительство оболѣдовать всѣ нити этого прискорбнаго происшествія и слишкомъ, быть можетъ, усиленно принятыя за розыскъ разныхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ этому дѣлу, что въ свою очередь, при несовершенствѣ тогдашнихъ судебныхъ и полицейскихъ учреждений, повлекло за собой массу недоразумѣній и ошибокъ.

Жертвой одной изъ такихъ ошибокъ сдѣлался и юный Веневитиновъ, дорого за нее заплатившій. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ былъ арестованъ по недоразумѣнію и на другой же день выпущенъ на свободу, но ночь, проведенную въ сыромъ казематѣ Петро-

павловской крѣпости, не выдержало его здоровье, и безъ того потрясенное нравственнымъ волненіемъ несчастной любви. Тифъ явился послѣдствіемъ злосчастнаго ареста, и Дмитрій Владиміровичъ скончался 15 марта 1827 года, всего на 22 году отъ рожденія. Его поэтическій талантъ, еще не успѣвъ вполне развиться и окрѣпнуть, уже по достоинству оцѣненъ всей образованной Россіей. Особенно глѣжно любилъ дядя свою младшую сестру, мою мать. Онъ постоянно ей читалъ написанныя стихотворенія и посвящать ей лучшіе плоды своего еще дѣтскаго вдохновенія.

А. С. Пушкинъ, въ бытность свою въ Москвѣ, запросто посѣщалъ домъ Веневитиновыхъ, какъ и прочіе ихъ друзья и товарищи—Черкасскіе, Сумароковы, Аксаковы, Соболевскій и др. Съ бабушкой Анной Николаевной онъ считался какимъ-то родствомъ, какимъ именно не знаю, не потому ли, что ея мать была урожденная Музина Пушкина. Онъ, впрочемъ, всегда звалъ бабушку *ma tante*, а ея дѣтей *cousins* и *cousines*. Вообще Пушкинъ былъ принятъ у Веневитиновыхъ, какъ родной, и хотя былъ старше Дмитрія Владиміровича, но очень былъ съ нимъ друженъ и говорилъ, что онъ единственно страшится его критики своихъ стиховъ. Въ домѣ Веневитиновыхъ онъ читалъ впервые своего „Бориса Годунова“.

Какъ извѣстно, до своей женитьбы Пушкинъ отличался самымъ веселымъ и безпечнымъ характеромъ, и многіе эпизоды изъ его молодости остались въ преданіяхъ семьи Веневитиновыхъ. Нянюшка Анна Степановна, бывшая въ тѣ времена еще, кажется, въ разрядѣ сѣбныхъ дѣвушекъ хорошо помнила молодого Пушкина и рассказывала мнѣ, что когда Александръ Сергѣевичъ являлся въ домъ на Мясницкой, то онъ иной разъ прямо, не заходя въ гостиную бабушки, отправлялся въ дѣвичьи, гдѣ по часамъ и балагурилъ съ горничными, восхищая ихъ своими экспромптами изъ обыденной ихъ жизни. Къ несчастію, старушка няня уже не помнила этихъ экспромптовъ, но она не забыла, что вниманіе Пушкина было постоянно обращено на ея подругу, черноокою и красивую Феклушу. Куда-то она дѣвчалась, эта Феклуша, потревожившая, быть можетъ, мимолетно сердце юнаго знаменитаго поэта?

Въ цѣломудренномъ домѣ Веневитиновыхъ, конечно, дѣло дальшенѣжныхъ признаній дойти не могло. Въ противномъ случаѣ пре-

красныя очи любимой Феклуши подверглись бы серьезному испытанію, такъ какъ, по выраженію Анны Степановны, за такія глупости экономка, завѣдывающая нравственностью домочадцовъ, „выпарала бы ей всѣ глаза“. Перспектива—сама по себѣ не располагающая къ какимъ-либо похождениямъ романическаго характера. Ему же въ свою очередь, по увѣренію доброй няни, было бы „отказано“ отъ дому. Видно, въ старину съ этимъ дѣломъ не особенно шутили.... Сама Анна Степановна вышла замужъ за избраннаго ея сердца, за буфетчика Абрашку, служившаго въ послѣдствіи многіе годы въ домѣ моихъ родителей уже въ должности дворецкаго, съ подобающимъ его положенію переименованіемъ въ Абрама Ивановича.

Братъ моей бабушки, Князь Алексѣй Николаевичъ Оболенскій былъ женатъ на Княгинѣ Варварѣ Александровнѣ Голицыной и отличался, по преданію, хотя и добрымъ, но самовластнымъ характеромъ. Онъ строго держалъ свою семью въ подчиненіи своему причудливому нраву и завѣтамъ старины.

Онъ за что-то остался недоволенъ тогдашнимъ правительствомъ, или же его чѣмъ-то обогли, сказать не могу, но онъ рано оставилъ службу и поселился въ своей вотчинѣ въ с. Мендюкинѣ, Рязанской губ., Зарайскаго уѣзда. Второго брата бабушки, Князя Николая Николаевича я еще засталъ и въ его честь былъ крещенъ его именемъ—Николай. Въ дѣтствѣ я очень любилъ этого дѣдушку и особенно имъ интересовался, потому что у него былъ стеклянный глазъ взамѣнъ настоящаго, который онъ потерялъ при Бородинскомъ сраженіи. Этотъ глазъ приковывалъ всегда мое вниманіе, и въ моемъ дѣтскомъ воображеніи съ трудомъ совмѣщалось понятіе о добротѣ ко мнѣ дѣдушки съ представленіемъ о ехидствѣ кривой бабы-яги, фантастическая сказка о походе на которой служила лучшимъ способомъ для моей няни располагать меня ко сну. Николай Николаевичъ отличался любовью къ дѣтямъ и меня особенно баловалъ. Дѣтскія сабли, барабаны, оловянные солдатики были обыкновенными спутниками его посѣщенія нашей дѣтской. Не смотря на его близость къ моимъ родителямъ, отъ моей дѣтской наблюдательности не ускользнуло неувловимый отбѣнокъ сдержанности со стороны ихъ относительно любимаго мною дѣдушки. Въ послѣдствіи я лишь узналъ, что причиной существовавшей неловкости были его отношенія къ одной замужней дамѣ, съ которой

онъ жилъ въ одномъ домѣ. Дѣдушка былъ холостой, и въ тѣ времена женитьба на заму́жней женщинѣ не представлялась возможной, открытое же сожителство, не смотря на всю любовь и уваженіе къ ихъ близкому родственнику, никакъ не укладывалось въ благочестивыхъ понятіяхъ отца и матери.

Я помню, что по воскресеньямъ дѣдушка привозилъ къ намъ обѣдать свою крестницу, очень красивую дѣвочку, постарше меня. Многіе годы спустя, уже въ бытность офицеромъ, на одномъ балу я былъ представленъ одной очень богатой красивой Петербургской дамѣ, окруженной поклонниками, высшего полета, въ которой я узналъ маленькую крестницу давно умершаго дѣдушки. Мы вспомнили дѣтство, но о немъ мы не говорили....

Со всей семьей Оболенскихъ бабушка Вeneвѣтинова поддерживала самыя близкія родственныя отношенія. Еще во времена нашествія Наполеона, когда французскія войска приближались къ Москвѣ, вся семья Вeneвѣтиновыхъ покинула столицу и переехала въ Мендюкину. Покойная матушка ясно помнила, какъ она 4-хъ лѣтъ отъ роду любовалась съ балкона Мендюкинскаго дома на громадное зарево, пылавшее на горизонтѣ—то былъ пожаръ Москвы двѣнадцати года.

II.

Въ 1827 году наши отношенія къ Турціи, подстрекаемой традиціонной и тогда враждебной намъ политикой Франціи, окончательно испортились и привели насъ въ слѣдующемъ году къ разрыву съ Оттоманской Имперіей. Немедленно по объявленіи войны отецъ мой оставилъ Конную Гвардію и поступилъ адъютантомъ къ Принцу Евгенію Виртембергскому*), назначенному командовать корпусомъ въ дѣйствующей арміи.

Мнѣ кажется умѣстнымъ здѣсь упомянуть объ одномъ эпизодѣ во время этой войны, о которомъ отецъ мой, по врожденной ему скромности, никогда не распространялся, но который мнѣ передавалъ одинъ изъ очевидцевъ Баронъ Николай Петровичъ Остенъ-Сакенъ,

*) Родственнику Императрицы Маріи Феодоровны.

служившій въ Л. Гв. Уланскомъ полку, участвовавшемъ въ числѣ прочихъ кавалерійскихъ частей въ сраженіи при...*)

Въ одинъ изъ моментовъ боя, полкъ этотъ очутился подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Обреченный на бездѣйствіе, подъ обстрѣломъ Турокъ, полкъ тѣмъ не менѣе не могъ оставить безъ приказанія занятую позицію. Между тѣмъ уже два адъютанта, посланные изъ штаба главнокомандующаго, чтобы вывести полкъ изъ огня, были послѣдовательно убиты, не добравшись до него, такъ какъ вся прилегающая мѣстность находилась въ сферѣ сильнѣйшаго огня. Судьба нашего славнаго Уланскаго полка была такимъ образомъ предрѣшена, когда отецъ мой, находившійся въ это время при Штабѣ, вызвался еще разъ попытать счастье, чтобы передать необходимое приказаніе. Дѣйствительно, отцу удалось достигнуть полка и вывести его изъ огня. „При этомъ“, продолжалъ добродушно Баронъ Николай Петровичъ, „мой другъ George (такъ онъ называлъ отца) сдѣлалъ то, что потомъ и всю жизнь духовно исполнялъ: я самъ видѣлъ, какъ, снявъ мундиръ, онъ сорвалъ съ себя собственную рубашку и отдалъ для перевязки раненыхъ, которыхъ мы, конечно, не оставили за собой.“

Когда я спросилъ отца, почему онъ никогда не упоминалъ объ описанномъ случаѣ, онъ мнѣ просто отвѣтилъ: Dans ces cas là, voyez vous, il faut éviter de parler de soi-même (въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ о самомъ себѣ умалчивать). Глубокую справедливость этихъ словъ мнѣ пришлось впослѣдствіи самому испытать на войнѣ, сознавая, что если и удавалось какъ слѣдуетъ исполнить свой долгъ, то что значило это передъ беззавѣтнымъ исполненіемъ святого долга нашими солдатами, тѣми невѣдомыми героями, желтоглазыми Ванюхами или сиволапыми Митюхами, о которыхъ по ихъ многочисленности не говорить ни одна реляція.

Отецъ мой женился по окончаніи Турецкой компаніи, въ началѣ 1830 года. Послѣ нѣсколькихъ свиданій съ матерью на Московскихъ вечерахъ и на балѣ у тогдашняго Генераль-Губернатора, Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, отецъ сдѣлалъ свое предложеніе чрезъ оставшагося въ живыхъ брата матери, Алексѣя Владиміровича и засимъ уже оффиціально выразилъ его бабушкѣ въ назначенный для этого день. Лишь только тогда онъ былъ допущенъ

*) Пропускъ въ подлинникѣ Записокъ.

къ объясненію съ своей будущей женой. Свадьба состоялась въ Москвѣ и была сыграна съ подобающимъ торжествомъ, не исключая и традиціоннаго благословенія Московскаго Генералъ-Губернатора.

Первые годы молодые пробыли въ Петербургѣ, гдѣ отецъ продолжалъ служить при Принцѣ Виртембергскомъ, назначенномъ послѣ войны завѣдывать путями сообщенія въ Россіи.

Вскорѣ послѣ женитьбы отца, дѣдъ мой Евграфъ Федотовичъ, откомандовавъ Корпусомъ внутренней стражи, удалился на покой въ свое помѣстье Городище, находящееся въ Орловской губерніи въ 35 верстахъ отъ Орла. Моя бабушка, мать отца была Орловская уроженка изъ стариннаго рода Цуриковыхъ, искони проживавшихъ въ Орловской губерніи на землѣ, дарованной еще *). Отецъ бабушки Елизаветы Егоровны — Егоръ Лаврентьевичъ служилъ когда-то въ Преображенскомъ полку.

Окончательное поселеніе дѣда въ Городищѣ обуславливалось не единственно преклонными лѣтами и общей усталостью отъ придворной Петербургской жизни, но и причинами чисто матеріальнаго характера, побудившими его заняться устройствомъ личныхъ дѣлъ, по имѣніямъ.

Однажды, еще Государь Александръ Павловичъ, въ благосклонной съ нимъ бесѣдѣ, высказалъ дѣду сожалѣніе, что вообще богатое русское дворянство совсѣмъ не содѣйствуетъ, за малыми исключеніями, мануфактурной производительности страны. Вслѣдъ за этимъ Государю угодно было ему выразить свое желаніе, чтобы онъ въ этомъ случаѣ подалъ добрый примѣръ и построилъ бы суконную фабрику вблизи Петербурга. При этомъ Государь общалъ ей заранѣе сбытъ суконъ для всей гвардіи.

Дѣдъ не замедлил исполнить желаніе Государя и купилъ большую площадь земли между Большой и Малой Охтой, въ той мѣстности, гдѣ и понынѣ еще существуетъ Комаровскій переулочекъ, единственно уцѣлѣвшій отъ всей этой затѣи, принялся строить суконную фабрику. Огромныхъ денегъ стоили машины, выписанныя изъ Англіи подъ руководствомъ родоначальника извѣстной нынѣшней фабрики Торптона, разбогатѣвшаго на этомъ предпріятіи, и первое время фабрика бойко работала, снабжая сукнами всю гвардію, расположенную въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Сама по себѣ мысль Государя была

*) Неясность подлинника Записокъ,

вполнѣ основательна, а само предпріятіе являлось бы безусловно выгоднымъ, но требовалось, чтобы въ главѣ его стоялъ дѣлецъ, вѣдущій всѣ тонкости коммерческаго дѣла, а этого-то и не доставало. Дѣдъ мой былъ человѣкъ прямой, въ душѣ военный, весьма для своего времени образованный и говорившій свободно на нѣсколькихъ Европейскихъ языкахъ, но онъ не былъ человѣкомъ коммерческимъ, страдалъ излишнею довѣрчивостью и имѣлъ самое поверхностное понятіе о веденіи обширнаго торговаго предпріятія, требующаго отъ лица, поставленнаго въ его главѣ, не только глубокихъ практическихъ познаній, но въ то же время и извѣстной эластичности совѣсти, необходимой особенно для веденія дѣла съ казной.

Назначенный личнымъ довѣріемъ Государя стать во главѣ Корпуса внутренней стражи, съ цѣлью прекращенія тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались его предшественниками, вродѣ извѣстнаго Генерала Тришатнаго, мой дѣдъ Евграфъ Федотовичъ не могъ считать достойнымъ своего званія раздавать интендантству взятки, сопутствовавшія обыкновенно всякую казенную поставку.

Въ этомъ мнѣ самому пришлось убѣдиться при видѣ негодныхъ сухарей и гнилой капусты, принимаемыхъ интендантскими чиновниками и доставляемыхъ нашимъ солдатамъ, героямъ Плевны и Шипки, во время Турецкой компаніи 1877—78 г.г. Но объ этомъ впереди.

Какъ я уже говорилъ, дѣдъ мой не былъ человѣкомъ способнымъ стать во главѣ какого-либо серьезнаго коммерческаго дѣла, и ему пришлось довѣряться людямъ, всего чаще изъ желанія имъ помочь и ихъ пристроить, жестоко злоупотребившимъ его довѣріемъ. Въ то время, какъ Евграфъ Федотовичъ жилъ при Дворѣ, противо-дѣйствуя, насколько могъ, интригамъ Аракчеева, фабрика его приходила въ упадокъ и цѣлыя состоянія управляющихъ возникали на развалинахъ этого полезнаго, но неудавшагося предпріятія.

Упомяная выше объ Аракчеевѣ, замѣчу, что его вліяніе на Государя Александра Павловича было причиной неучастія дѣда въ войнѣ 12-го года, что подтверждается перепиской, хранящейся въ с. Городищѣ.

Государь былъ искренно расположенъ къ Евграфу Федотовичу, но обошедшій его Аракчеевъ настоялъ, чтобы вмѣсто соотвѣтствующаго командованія въ арміи, дѣду было предоставлено, хотя и отвѣт-

ственное, но сравнительно мирное назначеніе, завѣдывать всѣмъ кавалерійскимъ ремонтомъ, поступающимъ въ дѣйствующую армію во время войны.

Евграфъ Федотовичъ этого не могъ простить Аракчееву, котораго всегда, впрочемъ, считалъ человѣкомъ съ мелкими и низкими побужденіями. Какъ солдату въ душѣ, ему тѣмъ болѣе было тяжело не стать въ ряды войска, что онъ, еще въ качествѣ состоящаго при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ, участвовалъ въ Итальянской компаніи Суворова и дѣйствовалъ во главѣ отдѣльной воинской части, за что и получилъ военное отличіе.

Ко всѣмъ невгодамъ неудавшагося предпріятія на Охтѣ, слѣдуетъ также отнести и инородную конкуренцію, которой зарождавшаяся въ то время и не окрѣпшая еще наша отечественная производительность, конечно, противостоять не могла. На бумагѣ все, казалось, шло хорошо, что и утверждалось представляемыми дѣду отчетами, на дѣлѣ же все предпріятіе изъ года въ годъ приносило лишь убытки и облагало его большое земельное состояніе непроезводительными долгами. Какъ я уже говорилъ, удаленіе Евграфа Федотовича на покой было вызвано отчасти разстройствомъ его имущественныхъ дѣлъ.

Въ Городищѣ, проживая мирно въ кругу своихъ дѣтей и внуковъ, дѣдъ мой писалъ свои записки, которыя впослѣдствіи и были напечатаны. Императоръ Николай Павловичъ, всегда милостиво относившійся къ своему престарѣлому Генералъ-Адъютанту, однажды, проѣздомъ черезъ Орелъ, намѣревался осчастливить Городище своимъ посѣщеніемъ, и тамъ все уже было готово къ его встрѣчѣ, но какое-то важное извѣстіе, полученное неожиданно изъ Петербурга, заставило Государа измѣнить свой маршрутъ и направиться прямо въ Москву.

Разсказы старослуживыхъ Городища, которыхъ я еще засталъ, удостовѣряютъ простой и гостепріимный образъ жизни, который вели тамъ дѣдъ и бабушка. Домъ былъ вновь отстроенъ и увеличенъ, а для планировки садовъ былъ выписанъ извѣстный въ то время Менеласъ. Этому знаменитому садоводу Городище обязано своимъ чуднымъ Англійскимъ паркомъ и Французскимъ садомъ. Огромные пруды служили украшеніемъ этой прелестной усадьбы.

Въ двухъ верстахъ отъ Городища раскинулось село Лебедка, старинное помѣстье Цуриковыхъ, находящееся въ этомъ роду съ давнихъ временъ. Какъ я уже говорилъ, бабушка моя, Елизавета Егоровна была изъ этой семьи, сохранившей долгое время всѣ традиціи стариннаго помѣстнаго барства. Цуриковъ еще во времена Екатерины Великой былъ Орловскимъ Губернскимъ предводителемъ дворянства и, какъ выражались въ тѣ времена, „кормилъ всю губернію“. Одна изъ Цуриковыхъ вышла за Алексѣя Ивановича Нарышкина, отца нынѣшняго Сенатора и Члена Государственнаго Совѣта.

Въ извѣстные дни въ году, не только сосѣди и мѣстная администрація, но и всѣ чѣмъ-либо выдающіеся въ губерніи, обязательно собирались въ Городище. Къ такимъ днямъ принадлежалъ день именинъ Евграфа Федотовича, умѣвшаго со всѣми быть равно обходительнымъ и гостепріимнымъ. Въ одинъ изъ такихъ дней явился неожиданно въ Городище старикъ крестьянинъ, молочный братъ дѣда, сынъ его кормилицы и невидавшій его съ юныхъ лѣтъ. Предоставивъ за обѣдомъ первое мѣсто архіерею, на второе около себя Евграфъ Федотовичъ усадилъ своего молочнаго брата, пришедшаго пѣшкомъ изъ далека, чтобы его поздравить. Это обстоятельство причинило сильный соблазнъ находившемуся тутъ же мѣстному Губернатору, обладавшему, по преданію, несомнѣннымъ сходствомъ съ ипдѣйскимъ пѣтухомъ и усмотрѣвшаго въ этомъ вольнодумство и пренебреженіе къ властямъ. Между тѣмъ это былъ признакъ естественнаго и патріархальнаго отношенія къ такъ-называемой меньшей братіи, чуждаго всякаго демократическаго франтовства, которымъ въ послѣдствіи столь косолапо прикрывали свое личное нерасположеніе къ мужику большинство нашей передовой интеллигенціи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Изъ любви къ меньшей братіи наши пресловутые либералы этой эпохи создали себѣ пьедесталъ, съ высоты котораго распинались за благо народа, сойдя же съ него въ обыденной жизни едва ли могли скрыть свое личное пренебреженіе къ этой же самой братіи.

Чѣмъ скорѣе народная масса достигнетъ дѣйствительныхъ благъ образованія и окрѣпнетъ въ своемъ самопознаніи, тѣмъ легче она пойметъ и безпристрастно обсудитъ лицемѣріе относительно себя этихъ народныхъ трибуновъ-карьеристовъ.

Народъ вполнѣ сознаетъ, что, при всей уродливости его взаимо-

отношеній къ землевладѣльцамъ при крѣпостномъ правѣ, его тяжелое положеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ смягчалось его личными отношеніями къ помѣщикамъ, которые, когда послѣдовалъ призывъ Царя, безъ громкихъ фразъ, безъ лишнихъ словъ, дружно принялись въ лицѣ своихъ выборныхъ за великое дѣло освобожденія своихъ крестьянъ.

Дѣдъ мой умеръ въ 1843 году въ гор. Орлѣ. Узнавъ о его смерти, крестьяне Городища и окрестныхъ деревень по собственному почину явились за 35 верстъ въ городъ и на рукахъ отнесли его тѣло въ Городище, гдѣ онъ похороненъ въ построенной имъ кладбищенской церкви.

Долгіе годы Городище оставалось необитаемымъ, какъ бы застыть еще во времена своего прежняго патріархальнаго барства и сохраняя безмолвно привѣтливый видъ своихъ садовъ и строеній. Впервые посѣтивъ его въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, я засталъ еще многихъ дворовыхъ и крестьянъ, доживающихъ свой вѣкъ при старинной усадьбѣ, вспоминая съ грустью о счастливыхъ временахъ и какъ бы ревниво оберегалъ всѣ преданія доброй старины, связывающія ихъ съ бывшими господами. Начинаящихъ уже тогда хожденіе въ народъ полу-интеллигентовъ они называли голоштанниками, причисляя ихъ къ порочнымъ дѣтямъ своего же сословія, сыновьямъ своего же брата, но, какъ они выражались, непутеваго крестьянина. „Изъ хорошаго мужицкаго дома развѣ на такое дѣло пойдешь“, — говорили они.

Замѣчательно вѣрнѣе является съ самаго начала взглядъ здравомыслящихъ крестьянъ, вообще, на такъ-называемое хожденіе въ народъ голоштаныхъ интеллигентовъ, и сужденіе о нихъ вполне оправдалось впоследствии, когда въ разгаръ грабежа и разбоя на Руси, окрещеннаго евреями „освободительнымъ движеніемъ“, продолжавшая ходить въ народъ всякаго нравственно убогая рвань подбила таки его на поджоги и грабежи тѣхъ же самыхъ усадьбъ, существовавшихъ ранѣе, какъ разсадники мужицкаго благополучія и довольства.

Вся неестественность этого искусственнаго созданія дѣянія со стороны крестьянъ, увлеченныхъ хорошо использованной ихъ пьяной удаляю, вполне доказывается тѣмъ, что въ громадномъ большинствѣ

случаевъ, сжигая усадьбы и истребляя имущество помѣщика, крестьяне падали его жизнь и себѣ ничего не присвоивали, исполняя въ своемъ невѣжествѣ, лишь какъ-бы заданный имъ урокъ. Но въѣдь невѣжество крестьянъ не вѣчно. Русскій Царь съ помощью представителей населенія, очевидно собранныхъ не безъ мысли о дѣйствительномъ подъемѣ народнаго образованія, принялъ уже на себя починъ этого насущнаго дѣла, служащаго благосостоянію населенія, а слѣдовательно и могуществу всей страны.

Путемъ образованія народъ самъ пойметъ тотъ обманъ, въ который былъ увлеченъ, и осудитъ имена стоявшихъ во главѣ движенія лицъ, вовлекшихъ его въ бѣду. Тѣмъ болѣе онъ жестоко ихъ осудитъ, когда пойметъ, что побужденіе его ко всякаго рода безпорядкамъ не дѣйствовали для его блага, но лишь для своей собственной въ немъ же популярности и въ угоду инородному еврейскому племени.

Здравый смыслъ и сметка народная, во всеоружіи образованія, скорѣе рано чѣмъ поздно, возстанетъ противъ тѣхъ своихъ лицемѣрныхъ друзей, которые ратуютъ за образованіе народныхъ массъ, лишь какъ за средство болѣе легкаго распространенія въ нихъ ученія современнаго анархизма, столь удобнаго для выдѣленія изъ общей массы и преуспѣянія еврейскаго племени. Весьма понятно, что читающая, но мало образованная масса населенія, всего способнѣе воспринять необходимую для торжества анархизма пропаганду. Съ другой же стороны столь же понятно, что выбитая изъ бытовой колеи, развращенная масса людей, представляетъ собой самую удобоэксплуатируемую почву для сплоченныхъ въ этомъ случаѣ евреевъ.

Но судя по признакамъ, уже успѣвшимъ проявиться въ достаточной степени, можно съ увѣренностью смотрѣть на ростъ энергичнаго протеста со стороны всего русскаго общества противъ той его части, которая отвергаетъ всякій патріотизмъ и признаетъ за чувство къ своей родинѣ лишь единственный смыслъ эгоистическаго, утилитарнаго значенія.

Что крестьяне С. Городище и Лебедки и теперь придерживаются тѣхъ же воззрѣній, видно изъ того, что когда въ разгаръ „освободительнаго движенія“ и пьянаго разгула шайка бунтарей появилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лебедки въ с. Егорьевскомъ, принад-

лежащемъ и обитаемомъ А. А. Нарышкинымъ съ его семьей, то Егорьевскіе крестьяне вооружились отъ себя, кто чѣмъ могъ, и безъ всякой помощи стражниковъ разогнали толпу, не допустивъ такимъ образомъ къ разгрому усадьбы своихъ бывшихъ господъ.

Вскорѣ по удаленіи дѣда на покой, отецъ мой оставилъ военную службу и въ свою очередь переселился въ Городище вмѣстѣ съ своей женой и старшимъ, еще единственнымъ тогда сыномъ Евграфомъ. Богатая бібліотека конца 18 и начала 19-го вѣка, находящаяся въ Городищѣ, преимущественно историческаго содержанія, въ которой почти всѣ сочиненія полны помѣтками отца, свидѣтельствуетъ о его историческихъ работахъ во время пребыванія въ деревнѣ. Всеобщая исторія была всегда его любимымъ предметомъ изученія, и всѣ свои досуги, уже на моей памяти, онъ посвящалъ своему научному труду „La philosophie de l'histoire“.

Для насъ отецъ самъ составлялъ древнюю исторію. Написанная на чистомъ и изящномъ французскомъ языкѣ, она живо передавала намъ и запечатлѣвала въ дѣтской памяти всѣ эпохи цивилизованнаго древняго міра и увлекла наши воображенія описаніемъ героическихъ войнъ древности. Исторію среднихъ вѣковъ отецъ написалъ для насъ по-русски. Въ ней подробно и ясно передавалась въ хронологическомъ порядкѣ средневѣковая исторія всѣхъ народовъ Европы и Азии и излагались въ простомъ и понятномъ для юношескаго возраста описаніи всѣ историческіе факты, имѣвшіе влияние на послѣдующія міровыя событія, подробно уже изучавшіяся по источникамъ новѣйшей исторіи.

Лишь по смерти дѣда, Евграфа Федотовича, отецъ и мать снова возвратились въ Петербургъ и поселились на Фонтанкѣ у Симеоновскаго моста въ домѣ Оржевскаго, гдѣ до своей смерти съ ними жила и бабушка Елизавета Егоровна. Угловой домъ у Симеоновскаго моста, принадлежавшій дѣду, былъ проданъ графу Кушелеву, для уплаты части долговъ, сдѣланныхъ за время существованія Охтенской фабрики.

Императору Николаю Павловичу, знавшему, что это несчастное предпріятіе было основано по мысли и внушенію Александра I, угодно было послѣ смерти дѣда учредить Высочайшее попечительство надъ всѣмъ, оставшимся послѣ него имуществомъ. За уплатой дол-

говыхъ обязательствъ деньгами, вырученными отъ продажи домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, имѣлось еще слишкомъ два милліона долга, что въ тѣ времена представляло собою огромную сумму.

Такъ какъ большинство долговъ было казнѣ, то Высочайше утвержденное попечительство имѣло назначеніе принять въ свое управленіе всю земельную собственность дѣда въ трехъ губерніяхъ и выплатить всѣ казенные и частные долги съ процентами изъ дохода имѣній, не отчуждая при этомъ ни одной десятины изъ общаго владѣнія. Попечительство исполнило добросовѣстно и блистательно свою задачу и, выдавая часть доходовъ семьѣ дѣда, уплатило всѣ долги, лежащіе на имѣніяхъ, въ продолженіи 20—25 лѣтъ. Къ 1867 году попечительство покончило свою дѣятельность и передало въ распоряженіе его наслѣдниковъ свободное уже ото всѣхъ долговъ имущество Евграфа Федотовича.

Не забывая впередъ, отмѣчу лишь, что это счастливое обстоятельство совпало съ моимъ пребываніемъ въ Городицѣ, послѣдовавшемъ въ 1868 году. Первыми попечителями были назначены Графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ (тогдашній Министръ Двора), Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи же братъ моей матери дядя Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ. Главноуправляющимъ отъ попечительства былъ назначенъ Н. Н. Христофовичъ.

Я уже сказалъ, что по прибытіи изъ Городища въ Петербургъ отецъ и мать помѣстились на Фонтанкѣ въ домъ Оржевскаго, и нынѣ тамъ существующаго. Бель-этажъ этого дома вполне подходилъ къ тогдашнему составу семьи и родные мои прожили въ этомъ домѣ нѣсколько лѣтъ. Въ домѣ Оржевскаго я и родился. Незначительностью этого событія въ смыслѣ мірового значенія объясняется, полагаю достаточно, что на упомянутомъ домѣ отсутствуетъ всякая коммеморативная доска, гласящая о днѣ моего появленія на свѣтъ въ этомъ зданіи.

III.

На пространствѣ между Большой и Малой Охты, на берегу Невы, помѣщалась построенная моимъ дѣдомъ суконная фабрика. На обширномъ участіи земли помѣщались всѣ фабричныя строенія,

представляющія собой скучные однообразные дома, окрашенные въ бѣлую краску; на самомъ же живописномъ берегу Невы помѣщалась усадьба съ домомъ-дачей, садомъ и всѣми хозяйственными постройками, а также собственною пристанью на рѣкѣ. Впослѣдствіи вся земля со строеніями были уступлены попечительствомъ Морскому вѣдомству, но во время моего дѣтства вся эта чудная мѣстность, когда уже фабрика давно перестала дѣйствовать, составляла еще собственность семьи, и отецъ и мать по возвращеніи изъ Городища проводили лѣтніе мѣсяцы года на Охтѣ.

Вотъ почему съ Охтой, нашимъ домомъ, садомъ и берегомъ Невы связаны самыя свѣтлыя впечатлѣнія моего беззаботнаго дѣтства, когда еще вся жизнь казалась лишь одной радостной свѣтлой улыбкой, подобной солнечному лучу, играющему на гладкой поверхности протекавшей подъ нашими окнами Невы. Необыкновенная доброта отца и нѣжная заботливость о насъ матери, казалось, какъ-бы гармонировали съ прелестью этого уединеннаго и мирнаго уголка, отделеннаго еще въ то время отъ городского шума и суеты. Связаніе съ городомъ у насъ существовало посредствомъ ялика, приставленнаго къ нашей пристани, передъ домомъ. Окружнымъ же путемъ приходилось ѣхать въ городъ очень далеко берегомъ Невы.

Изъ нашихъ оконъ открывался чудный видъ: слѣва за рѣкой блестяли золотыя главы Александро-Невской Лавры, справа высилось въ воздухѣ великолѣпное зданіе Смольнаго Монастыря, произведеніе безсмертнаго Растрелли, генію котораго безспорно обязанъ Петербургъ лучшими своими зданіями. Пароходы въ Шлиссельбургъ, парусныя и гребныя суда, барки то и дѣло сновали по Невѣ, придавая ей оживленный видъ судоходной рѣки. Особенно привлекательна и торжественна была картина Невы, когда вечеромъ надъ рѣкой ложилась прозрачная мгла и устанавливалась тишина, изрѣдка прерываемая кое-гдѣ плескомъ весель на рыбацкой лодкѣ или пѣніемъ общей молитвы барошниковъ, вслѣдъ за тѣмъ мирно сающихся въ кружокъ ужинать на кормѣ плавшей по теченію барки. Далеко неслись по рѣкѣ торжественные звуки мужицкой молитвы и замирали у подножья церкви возвышающейся на томъ берегу Лавры. Въ сущности, такъ были близко отъ Петербурга, а казалось такъ далеко отъ него. По эту сторону Невы уже начиналась земля, именуемая Россіей.

Въ тѣ времена Охта являлась какъ-бы отдаленной захолустной мѣстностью, извѣстной жителямъ Петербурга лишь по своимъ кладбищамъ Большой и Малой Охты и существовавшей по этому случаю въ нихъ воображеніи какъ-бы конечнымъ пунктомъ жизненнаго пути и мѣстомъ вѣчнаго упокоенія.

Рѣзко врѣзались въ мою память эти два кладбища, отстоявшія, по обѣимъ сторонамъ нашего дома, въ разстояніи не болѣе 1—2 верстъ. Прогулки на эти кладбища доставляли мнѣ всегда особенное наслажденіе. Каждое изъ нихъ носило въ моемъ дѣтскомъ воображеніи свой отдѣльный характеръ: такъ, Большеохтенское кладбище казалось мнѣ страшнѣе, внушительнѣе, между тѣмъ какъ кладбище Малой Охты являлось болѣе веселымъ мѣстомъ успокоенія, на которомъ похороненнымъ должно быть гораздо привлекательнѣе и уютнѣе. Смерть, по тогдашнимъ моимъ понятіямъ, не являлась естественнымъ преломленіемъ жизненнаго процесса, но носила скорѣе характеръ физической кары за содѣланные на землѣ проступки. Едва я научился читать, какъ я уже съ особеннымъ вниманіемъ разбиралъ надписи на надгробныхъ памятникахъ. Въ ту пору еще существовалъ обычай обозначать на нихъ не только имя, но и излагать при этомъ подробно общественное положеніе и заслуги покойнаго. Въ моей головѣ восьмилѣтняго мальчика создавалось цѣлое представленіе о ихъ земномъ существованіи: разные титулярные, надворные и прочіе совѣтники и кавалеры немедленно принимали въ моемъ воображеніи земной обликъ чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыхъ я видѣлъ въ церкви этого Министерства, куда зимой по воскресеньямъ насъ водили къ обѣднѣ, еще во времена Министровъ Князи Шихматова и А. С. Норова. Военные же покойники непременно воплощали своимъ земнымъ образомъ всѣхъ бравыхъ офицеровъ, которыми я любовался на Майскомъ парадѣ, съ балкона дома С. П. Апраксиной на Царицыномъ Лугу. Долженъ сказать, что къ военному я относился болѣе строго, такъ какъ онъ по моему предположенію хотя и былъ, конечно, человѣкомъ привлекательнымъ, нося постоянно каску и саблю, но вѣроятно кого нибудь да убилъ въ продолженіи своего земного странствованія, между тѣмъ какъ совѣтникъ и кавалеръ навѣрно могъ лишь кого-нибудь обмануть или засудить. Почему такого рода впечатлѣніе создано во мнѣ благообразными чиновниками Министерства Народнаго Просвѣщенія, за давностью лѣтъ сказать не могу.

Когда мнѣ случалось въ рѣдкихъ случаяхъ нападать на памятникъ покойника, состоявшаго въ придворномъ званіи, то мнѣ почему-то казалось очевиднымъ, что онъ былъ изгнанъ изъ этого вѣдомства и вдали отъ него отбываетъ послѣдовательную кару въ кладбищенскомъ уединеніи.

На надгробные памятники, прикрывающіе собою особъ женскаго рода, мною не обращалось вниманія, вѣроятно потому, что я тогда думалъ, что земное существованіе прекраснаго пола его и не вполнѣ заслуживало. Какое заблужденіе, и какъ быстро съ годами ему было суждено во мнѣ разсѣяться! Впрочемъ, когда случалось мимоходомъ прочесть имя какой-нибудь „неизмѣнной подруги жизни“ или „безцѣнной супруги“, то въ моемъ воображеніи невольно возникало предположеніе, что и она когда-то танцевала на дѣтскихъ балахъ и каталась съ деревянныхъ горъ.

Тогдашніе жители Охты рѣзко отличались отъ сосѣдняго столличнаго населенія. По ремеслу они были почти поголовно столярами, и всѣ лучшіе мебельные магазины, въ родѣ стариннаго Гамбса и процвѣтающаго въ то время Апраксина Двора, снабжались единственно мастерами Охты.

Не знаю, какъ въ настоящее время, а лѣтъ 50 тому назадъ охтяне носили своеобразный костюмъ, заключающійся въ длиннополномъ подобіи халата изъ синяго сукна, рубашки преимущественно розоваго цвѣта и голубыхъ шароваръ. Обуты они были въ башмаки на босу ногу, а вокругъ головы носили тоненькій ремешекъ, проходившій черезъ лобъ и имѣющій назначеніе не допускать пряди волосъ падать на глаза при наклоненіи головы. Вообще, весь костюмъ охтянъ выражалъ собой удобство для ихъ постоянной столярной работы. При входѣ въ мастерскую всякій охтянинъ моментально сбрасывалъ съ себя часто носившійся въ накидку халатъ и башмаки и въ одной рубашкѣ, нестѣсняющей тѣлодвиженія, принимался за свою работу, громко распѣвая пѣсни. Время труда тогда еще не было регулировано законодательствомъ и само тѣлодвиженіе работающаго не было обусловлено однообразнымъ и равномернымъ движеніемъ паровой машины. До усиленія механическаго производства съ разнородными двигателями, механическій трудъ былъ свободнѣе, такъ какъ воображенію и личной ловкости рабочаго предоставлялась

полная самостоятельность въ работѣ, которая отъ этого слѣдовала веселѣй подъ звуки удалой или заунывной пѣсни, согласно настроенію рабочаго. Замѣна ручного труда машиннымъ производствомъ имѣла огромное вліяніе на нравственность рабочаго, независимо отъ другихъ причинъ уже потому, что вся нервная система фабричнаго рабочаго не можетъ не быть потрясена хотя-бы лишь равномернымъ въ продолженіи многихъ часовъ стукомъ машины и несмолкаемымъ шумомъ фабрики. То ли дѣло бывало въ старину, спокойно работать подъ звуки родной пѣсни.

Женская часть охтенскаго населенія являлась, въ общемъ, не менѣе усердной къ работѣ, чѣмъ и мужская его половина. Молочное хозяйство процвѣтало на Охтѣ, и Петербургъ помнить еще охтянокъ, ежедневно и во всякую погоду, съ самаго ранняго утра уже разносящихъ по домамъ, зимою на небольшихъ салазкахъ, свѣжія сливки и молоко отъ удоя своихъ собственныхъ коровъ. Тогда еще не существовали молочныя лавки чутъ ли не на всѣхъ углахъ улицъ, и жители Петербурга, получая молочный продуктъ изъ первыхъ рукъ, могли быть увѣрены, что въ немъ отсутствуетъ всякая фальсификація или примѣсь, вредно дѣйствующая на здоровье. Зимой и лѣтомъ головной уборъ охтянокъ состоялъ изъ платочка, изъ соответственной времени года матеріи, завязаннаго у подбородка и обвязаннаго вокругъ головы при замужествѣ.

При своемъ общемъ трудолюбіи, жители Охты отличались также богомоліемъ и усердіемъ относительно церковныхъ обрядовъ. Весьма возможно, что нашимъ настоящимъ передовымъ интеллигентамъ это врожденное чувство въ народѣ покажется признакомъ отсталости и неразвитости, но лично для меня останется всегда открытымъ вопросомъ, чѣмъ болѣе обусловливается благополучіе населенія, чувствомъ естественнаго вѣрованія въ Бога и поклоненіемъ обрядамъ своей церкви, или же тѣмъ бесполезнымъ и условнымъ развитіемъ, о которомъ такъ хлопочутъ вышедшіе изъ народа и тутъ же свихнувшіеся интеллигенты.

На Охтѣ было три церкви—двѣ кладбищенскія и соборъ. При всѣхъ трехъ церквяхъ существовали добровольные хоры охтянъ, иногда съ выдающимися голосами, нерѣдко впослѣдствіи появлявшимися въ Придворной пѣвческой капеллѣ, или въ хорѣ Александров-

Невской Лавры, куда охтенскіе пѣвчіе охотно принимались въ число послушниковъ.

Храмовые праздники каждой изъ охтенскихъ церквей сопровождались крестнымъ ходомъ. Особенно мнѣ памятенъ праздникъ въ церкви Св. Маріи Магдалины 22 іюля, на Малой Охтѣ. Наканунъ этого дня совершалась торжественная всенощная, на которую обязательно стекались въ праздничныхъ нарядахъ всѣ жители Охты. Мимо рѣшетки нашего сада проходили степенные охтяне все въ тѣхъ же неизмѣнныхъ синихъ хламидахъ и въ замѣнявшихъ будничные башмаки, блестящихъ высокихъ сапогахъ, съ забранными въ нихъ панталонами, и расфранченныя охтянки въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ платьяхъ и въ шелковыхъ же платочкахъ на головѣ, повязанныхъ, какъ сказано выше, согласно общественнаго положенія. На плечи замужнихъ женщинъ были накинуты шали различныхъ цвѣтовъ, или же кружевные косынки съ вышитыми на нихъ крупными букетами цвѣтовъ. Въ ушахъ и на груди многихъ изъ нихъ блистали даже неподдѣльные брилліанты и драгоценные камни. Долженъ сказать, что вообще наряды охтянокъ отличались пестротой и неособенно изысканнымъ вкусомъ: нерѣдко ярко желтая шаль красовалась на свѣтло зеленомъ шелковомъ платьѣ, или пурпуровый платокъ обвивалъ чело охтянки, облеченной въ малиновое платье. Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались праздничные наряды цѣломудренныхъ охтянокъ при видѣ жокеевъ, участвовавшихъ на скачкахъ, но въ тѣ времена, по моему невзыскательному вкусу 7—8 лѣтняго мальчика, эти наряды производили на меня чарующее впечатлѣніе и сходили въ моихъ глазахъ за верхъ изысканной роскоши и элегантности. Во всякомъ случаѣ, они краснорѣчиво указывали на достатокъ трудолюбиваго населенія Охты.

Въ день самаго праздника та же разряженная и пестрая толпа мастеровыхъ и молочницъ слѣдовала за крестнымъ ходомъ, который отличался особенною живописностью, вслѣдствіе общаго впечатлѣнія отъ разнообразности и яркости красокъ. Крестный ходъ обходилъ всю Охту и входилъ на нашъ обширный дворъ, гдѣ и служили молебень. Ясно помню смѣшившую меня фигуру пожилого квартальнаго надзирателя, затаманнаго въ мундирный фракъ, съ военными пуговицами, при шпагѣ, съ каской въ рукахъ важно выступающаго

впередъ и наблюдающаго за общимъ благочиніемъ и порядкомъ, за что и получалъ соответствующую мзду. Родителей моихъ онъ окружалъ особымъ подобострастнымъ почтеніемъ и весь превращался въ грознаго Юпитера, когда во время молебна, у насъ на дворѣ, кто-либо изъ смертныхъ дерзаетъ протиснуться между ними и иконой Богоматери. Своими, привыкшими ко всякаго рода внушеніямъ руками онъ немедленно, не взиралъ на увѣщанія отца, буквально отбрасывалъ дерзновеннаго въ сторону и засимъ совершенно спокойно отходилъ. Меня это приводило въ неописанный восторгъ.

Отецъ и мать съ благоговѣніемъ встрѣчали и провожали приписимую къ намъ икону Св. Маріи Магдалины. Въ тѣ времена не мудрствовали и не преклонялись передъ той разсудочной религіей, съ помощью которой столь настойчиво развращаются различные слои современнаго общества. Мы были воспитаны въ простыхъ правилахъ вѣры и съ дѣтства намъ внушалась мудрая истина, что безъ дѣла она мертва есть, какъ то сказано въ Св. Писаніи. Глубокій смыслъ этого изреченія, недоступный послѣдователямъ новѣйшей разсудочной религіи, есть въ сущности единственно тотъ нравственный путь, который ведетъ христіанскую массу населенія къ возможному на этой землѣ благополучію. Если же при этомъ простомъ изреченіи вспомнить слова Писанія „не мудртуй лукаво“, то получится то состояніе вѣрующаго, которымъ страдаютъ разные самозванные и высокоумѣнные апостолы (въ родѣ Льва Толстого), прибѣгающіе для усиленія своей проповѣди къ разнаго рода способамъ, быющимъ на оригинальность и театральность, въ одеждѣ, рассчитанной на эффекты.

Въ концѣ концовъ знаменемъ, приобрутеннымъ такими людьми въ обществѣ, всегда любопытно, пользуются разные политическіе антрепренеры, лишь какъ средствомъ для проведенія въ жизнь истинъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ ихъ ученію, а иногда и торжеству противоположныхъ ему идей. Мнѣ кажется, что Графъ Л. Н. Толстой, какъ человѣкъ выдающагося ума, хорошо это понялъ, когда такъ энергично протестовалъ противъ навязываемаго ему празднованія юбилея.

Всѣ пять сыновей отца воспитывались въ сознаніи простыхъ христіанскихъ истинъ и всѣ по мѣрѣ силъ стремились, въ послѣдствіи, быть полезными слугами своей родины, но не при условіи ея суще-

ствованія лишь такой, какова она должна бы была быть, согласно различнымъ отвѣченнымъ о ней понятіямъ и сужденіямъ, а таковой, какая она на самомъ дѣлѣ была, въ условіяхъ своего естественнаго историческаго развитія и неприкосновенности религіозныхъ началъ, вложенныхъ въ основаніе нашей государственности.

Самымъ счастливымъ днемъ моей дѣтской жизни былъ день переезда изъ города на Охтенскую дачу. Переездъ этотъ совершался разъ установленнымъ порядкомъ. Къ занимаемому нами городскому дому на Фонтанкѣ (послѣ дома Оржевскаго мы жили также на Фонтанкѣ между Аничковымъ и Чернышевымъ мостомъ въ домѣ, бывшемъ тогда Лыткина) съ утра приставала барка и всѣ вещи, предназначавшіяся къ перемѣщенію на Охту, переносились на эту барку, которая, движимая баграми, упираемыми въ дно рѣки, уплывала вверхъ по Фонтанкѣ, вплывала въ Неву и продолжала свое слѣдованіе вверхъ по теченію, вплоть до нашей Охтенской пристани. Этотъ способъ передвиженія считался самымъ удобнымъ. Но дѣло въ томъ, что въ тѣ времена, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, едва ли существовалъ въ Петербургѣ правильный надзоръ рѣчной полиціи за передвиженіемъ судовъ, плавающихъ по Фонтанкѣ, вслѣдствіе чего скопленіе барокъ препятствовало ихъ безпрестанному слѣдованію, и наша барка, съ трудомъ подвигаясь, иногда запаздывала въ пути и являлась на Охту лишь ночью или на слѣдующее утро. Для меня подобное событіе было настоящимъ праздникомъ. Насъ дѣтей перевозили на дачу въ четверомѣстной просторной каретѣ, помнится, обитой темно-малиновой матеріей, и мы водворялись на дачѣ въ ожиданіи прибытія вещей, когда же барка съ ними запаздывала, то мы оказывались на положеніи бивуака, что мнѣ и доставляло неописанное удовольствіе. Укладывали насъ спать на сѣнѣ, принесенномъ въ дѣтскія комнаты, а вечерняя молитва въ этихъ случаяхъ торжественно читалась нами передъ открытымъ окномъ на Смольный монастырь, такъ какъ образа еще не прибыли. То и другое обстоятельство приводило въ восторженное настроеніе наши дѣтскія души. Дѣти вѣдь, въ сущности, большіе эгоисты и имъ не приходитъ въ голову, что то, что имъ доставляетъ удовольствіе, отражается обратно на удобствѣ болѣе старшихъ, чѣмъ они. Я, по крайней мѣрѣ всегда ожидалъ съ нетерпѣніемъ неприбытіе барки съ вещами. На Охтенской дачѣ вся жизнь

была посвящена дѣтямъ, какъ старшаго, такъ и младшаго возраста. Для развлеченія старшихъ существовали многочисленныя игры, въ родѣ городковъ, и особенно процвѣталъ спортъ на водѣ. Какъ младшаго, меня сажали, обыкновенно, на руль управлять легкой длинной гнчкой, весело носившейся по всѣмъ направленіямъ Невы и по рѣчкѣ Черной, впадающей въ Неву на Большой Охтѣ. Рыбная ловля процвѣтала подъ руководствомъ дворцоваго Абрама Ивановича и повара Петра, понимавшаго всѣ тонкости этого спорта. Ежедневно, при закатѣ солнца, сиживалъ я со старикомъ Абрамомъ Ивановичемъ за ловлей мелкой рыбы, плавающей въ изобиліи около нашей купальни на Невѣ, переживая при этомъ, попеременно, то трепетное наслажденіе отъ поимки пискаря или уклейки, то чувство искренней жалости, возбуждаемой безпомощностью ихъ положенія на крючкѣ моей удочки. Но людской эгоизмъ быстро во мнѣ торжествовалъ, и я даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ опускалъ коварно пойманную рыбку въ находившееся при мнѣ ведро съ водой.

Многіе годы спустя, но уже не во время мирнаго занятія рыбной ловлей, а на войнѣ, приходилось мнѣ испытывать то же одновременно чувство состраданія и удовлетворенія, при видѣ нашихъ снарядовъ, счастливо попадающихъ въ неповинныхъ людей, въ сущности исполняющихъ лишь свой долгъ. . . . Долженъ прибавить, что въ этомъ случаѣ человѣческій эгоизмъ во мнѣ еще болѣе торжествовалъ, чѣмъ во время ловли пискарей, при мысли, что вѣдь и непріятель платилъ намъ тѣмъ же, пискари же были ни въ чемъ неповинны. Во время нашего пребыванія на Охтѣ, мой старшій братъ Евграфъ, именуемый Граней, уже поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ и вмѣстѣ со слѣдующей за нимъ сестрой, Анной Егоровной, уже вполне пользовались, среди насъ, всѣми преимуществами больш ихъ. Два брата Владиміръ и Дмитрій были тогда подростками и готовились оба къ поступленію на военную службу. Ихъ вкусы по этой части выражались въ различныхъ играхъ воинственнаго характера, а равно и въ защитѣ и штурмѣ земляной крѣпости, построенной для нихъ въ концѣ нашего обширнаго огорода и съ высоты которой меня братья беспощадно сбрасывали въ ровъ всякій разъ, какъ, изображая лютаго врага, я имѣлъ поползновеніе взобраться на окружающій ее валъ.

Младшій возрастъ состоялъ, въ тѣ счастливыя времена, изъ брата Алексѣя, сестры Лизы, меня и двухъ младшихъ сестеръ, Нади и Любы.

На моей памяти, гувернерами при старшихъ братьяхъ состояли нѣмцы, сперва серьезный Гамбургеръ, а засимъ добрыйшій Осипъ Ивановичъ Фоленгаберъ, которому я обязанъ, между прочимъ, моими познаніями въ шахматной игрѣ. Это былъ добродушный сынъ той патріархальной и мечтательной Германіи, которая тогда еще шла путемъ мирнаго прогресса, не задаваясь, какъ впоследствии, опасными идеями завоеваній и политическаго всемірнаго властвованія. Въ тѣ времена въ Германскомъ союзѣ процвѣтали наука и искусство и вся Германія не представляла собой обширную казарму, каковой она существуетъ въ настоящее время. Исторіи предстоптъ оцѣнивать великое дѣло Бисмарка, возсоздавшего единую Германію, но съ бытовой стороны благосостояніе ея населенія отнюдь не улучшилось, а скорѣе напротивъ. Мнѣ всегда казалось, что національное чувство у нѣмцевъ настолько крѣпко, что, при существованіи Германіи какъ союза, отдѣльных нѣмецкихъ государствъ, входящихъ въ его составъ, при правительственномъ развитіи ихъ военныхъ и экономическихъ силъ, были бы вполне способны оградить его существованіе отъ всякаго вѣшняго посягательства на государственную самостоятельность, а равно и на политическую независимость Германскаго союза въ прежнемъ составѣ. При воссоединенной же Германіи, для укрѣпленія ея политическаго значенія, потребовалось развитіе непосильнаго для страны милитаризма, что въ свою очередь вызвало Германію къ изысканію новыхъ источниковъ дохода, посредствомъ колониальной политики, въ сущности же, завоевательной. Но пока еще Германіи суждено въ будущемъ осуществить честолюбивые замыслы Императора Вильгельма II и стать во главѣ всего міра, подобно древнему Риму, платежныя силы населенія все болѣе и болѣе истощаются и воинственной Германіи рано или поздно, но во всякомъ случаѣ ранѣе прочихъ странъ, придется отступить передъ ежегодно возрастающимъ социализмомъ.

Во время нашего лѣтняго пребыванія на Охтѣ, Петербургъ, какъ говорится, пустѣлъ, такъ что число посѣщавшихъ наше охтенское уединеніе было весьма ограничено. Старинные друзья отца

И. В. Кирѣвскій и А. С. Хомяковъ, наѣзжавшіе въ Петербургъ по собственнымъ дѣламъ, проводили свободное время у насъ на Охтѣ. Обоимъ этихъ столповъ тогдашняго славянофильства я хорошо помню. Ихъ умныя, выразительныя лица и оживленныя рѣчи, содержаніе которыхъ мнѣ, какъ ребенку, не было еще понятно, глубоко вѣзались въ мою память. О пребываніи И. В. Кирѣвскаго на Охтѣ говорится въ письмѣ къ нему моего отца, напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ. Политическое значеніе въ Россіи, какъ Кирѣвскаго такъ и Хомякова, слишкомъ извѣстно, чтобъ я объ немъ здѣсь распространялся. У Ивана Васильевича Кирѣвскаго былъ сынъ Василій Ивановичъ. Вася воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ. Онъ былъ ровестникомъ моего брата Владиміра и жила въ насъ на Охтѣ во время каникулъ, а зимой проводилъ всѣ праздники въ нашей семьѣ. По выходѣ изъ Лицея онъ поступилъ въ Измайловскій полкъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ занималъ всегда мое дѣтское воображеніе своимъ одѣяніемъ. Онъ носилъ русскую рубашку съ косымъ воротомъ, армякъ и забранныя въ сапоги съ красными отворотами шаровары. На его длинныхъ сапогахъ, столь необычайныхъ тогда въ Петербургскихъ гостиныхъ, сосредоточивалось все мое вниманіе. Вообще долженъ сказать, что сапоги, почему-то, въ дѣтствѣ пользовались моимъ особымъ расположеніемъ, граничащимъ съ нѣжной къ нимъ любовью. Хорошо помню, какъ ребенкомъ 3—4 лѣтъ, я считалъ для себя униженнымъ ходить въ башмакахъ, когда мой старшій братъ Алеша считался какъ-бы полноправнымъ гражданиномъ, носилъ уже съ гордостью сапоги съ большими красными отворотами. Однажды, уловивъ минуту, свободную отъ надзора няньки, я надѣлъ столь прельстившіе меня сапоги, за что тутъ же и получилъ должное возмездіе, въ видѣ шишки, воздвигнутой у меня на лбу, посредствомъ сапога же, насильственно съ меня снятаго его законнымъ владѣльцемъ, пришедшимъ въ справедливое негодованіе отъ столь явнаго съ моей стороны неуваженія къ чужой собственности. Утѣшеніемъ за мою неудачную попытку щегольства въ чужихъ сапогахъ, къ моему неопи-санному восторгу, послѣдовала покупка и мнѣ сапогъ съ красными отворотами.

Слѣдуетъ пояснить, что во время моего дѣтства русскихъ мальчиковъ одѣвали по-русски. Лишь позднѣе появился обычай облекать

ихъ въ одѣяніе моряковъ иностранной державы, преимущественно Англійи. До сихъ поръ мнѣ осталось необъяснимымъ, было ли это со стороны высшаго русскаго общества знакомъ трогательной признательности за посѣщеніе Англійскимъ флотомъ Севастополя, или же выражался этимъ тогда уже назрѣвавшій протестъ общества относительно дѣятельности Русскаго Морскаго вѣдомства, столь краснорѣчиво выразившійся впоследствии въ стѣнахъ Государственной Думы.

Вообще могу сказать, что превращеніе традиціонной русской дѣтской въ англійскую nursery, на подобіе англизированія конюшни, никогда не пользовалось моей симпатіей. Слишкомъ явнымъ недомыслиемъ является воспитаніе будущихъ русскихъ гражданъ въ духѣ, имѣющемъ мало общаго съ ихъ родиной. Космополитизмъ нашего высшаго общества является тому доказательствомъ. Въ моемъ воображеніи никакъ не укладывается представленіе о почтенномъ Николаѣ Алексѣевичѣ Хомяковѣ или докторѣ Дубровинѣ, познавшихъ англійскій языкъ ранѣе русскаго и разгуливающихъ въ одѣяніи англійскихъ сайлоровъ (моряковъ).

Я былъ бы весьма счастливъ, если бы мое любовное чувство къ сапогамъ въ дѣтствѣ являлось олицетвореніемъ характерной черты, присущей всему русскому народу, для котораго сапоги почему-то всегда составляли, какъ мнѣ то въ послѣдствіи пришлось наблюдать, предметъ особой любви и почитанія. Въ деревняхъ они какъ-бы облагораживаютъ человѣка, а надѣтыя на нихъ галоши чуть ли не возносятъ его надъ уровнемъ прочихъ сельчанъ, придавая ему значеніе аристократическаго характера. Всякій жившій въ деревнѣ хорошо это знаетъ. Не даромъ нашъ великій писатель психологъ Гоголь подмѣтилъ эту черту Русскаго народа, описывая въ Мертвыхъ Душахъ поручика, примѣрившаго тринадцатую пару сапогъ.

Я бы не съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ нашего житія-бытія на Охтѣ, если бы не упомянулъ о старушкѣ Маріи Николаевнѣ Веверъ, переѣзжавшей ежегодно на лѣто къ намъ. Отношенія этой доброй и преданной старушки къ моей семьѣ длились со временъ Петербургскаго наводненія 1824 г., когда ея мужъ полковникъ Веверъ былъ Полиціймейстеромъ и въ качествѣ такового состоялъ при моемъ дѣдѣ, въ бытность его Военнымъ Губернаторомъ въ Петербургѣ во время наводненія. Въ опи-

сываемое мною время Марія Николаевна была уже вдова и существовала лишь на скромную пенсію ея мужа, что свидѣтельствовало, насколько Веверъ былъ честный человѣкъ, служившій въ полиціи, ничего неоставившій своей женѣ и дѣтямъ. Моя мать очень любила Марію Николаевну за ея безконечную преданность есмѣ, за ея необыкновенно ровный, веселый характеръ и доброту. Она имѣла необычайную память, и ея рассказы о старинѣ были полны живого интереса. Однимъ изъ свѣтлыхъ воспоминаній старушки быть балъ въ Орлѣ, на которомъ она удостоилась сдѣлать туръ вальса съ Александромъ I. Изъ ея интересныхъ разсказовъ у меня осталось въ памяти одно романтическое событіе, случившееся въ домовой церкви Графа Д. Н. Шереметева на Фонтанкѣ.

Вслѣдъ за окончаніемъ одной свадьбы въ этой церкви, когда молодые уже выходили изъ кареты по прибытіи домой, на молодого мужа набросился какой-то никому неизвѣстный господинъ и тутъ же закололъ его кинжаломъ*). Веверъ, служившій тогда въ Петербургской Полиціи, былъ призванъ на мѣсто преступленія, чтобы арестовать незнакомца и отвести его въ Петропавловскую крѣпость.

Теперь, когда убійства изъ за угла составляютъ чуть ли не обычное явленіе освободительнаго движенія, такого рода фактъ прошелъ бы едва ли замѣченнымъ и послужилъ бы развѣ лишнему удовлетворенію газетнаго репортера, но въ тѣ времена подобные факты волновали собой цѣлое общество.

Другъ нашего дѣтства, Марія Николаевна Веверъ представляла собой уже не существующій въ наше время, почтенный по своей преданности типъ приживалки, безъ которой въ старину едва ли обходилась въ Россіи мало-мальски зажиточная дворянская семья.

IV.

Въ то время, какъ моя семья жила лѣтомъ на Охтѣ, семьи брата моей матери, Алексѣя Владиміровича Веневитинова, постоянно проводила лѣто на дачѣ въ Павлинѣ, на 17-ой верстѣ Петергофскаго шоссе. Дядя Веневитиновъ былъ женатъ на Графинѣ Апполинѣ

*) То былъ Апрѣлевъ, убитый Павловымъ.

Михайловиѣ Вьельгорской, и такимъ образомъ семья Вьельгорскихъ была связана съ моей семьей не только узами давнишней дружбы, но и условіями близкаго свойства. Павлино принадлежало тогда отцу моей тетки Веневитиновой, Графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому, человѣку, выдающемуся своимъ всестороннимъ образованіемъ и рѣдкими познаніями въ музыкѣ. Михаилъ Юрьевичъ, безспорно, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени и пользовался исключительнымъ положеніемъ при дворѣ Императора Николая I-го. Онъ былъ близкій другъ Пушкина, присутствовалъ при его кончинѣ и совмѣстно съ Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ былъ опекуномъ его дѣтей.

Женатъ былъ Графъ Михаилъ Юрьевичъ два раза, на двухъ сестрахъ Принцессахъ Биронъ, племянницахъ Герцога Курляндскаго. Его второй бракъ имѣлъ романическій характеръ. Обѣ дѣвицы Биронъ воспитывались подъ ближайшимъ наблюденіемъ Императрицы Маріи Феодоровны, супруги Императора Павла I, въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, нынѣ Смольномъ монастырѣ. По достиженіи совершеннолѣтія старшей Принцессы, Императрица нашла, что весьма подходящей для нея партіей былъ молодой, красивый и очень богатый Графъ Вьельгорскій. Бракъ этотъ продолжался не долго и молодая Графиня умерла въ первыхъ же несчастныхъ родахъ. Молодой Вьельгорскій, не долго думая, изъ привязанности къ своей первой женѣ увезъ и женился на ея младшей сестрѣ Принцессѣ Луизѣ Карловнѣ, вопреки всѣхъ преградъ закона, существовавшихъ относительно подобныхъ браковъ, и отрицательнаго къ нему отношенія какъ Императрицы, такъ и всего Двора. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ тайно въ церкви с. Ульянки, на Петергофскомъ шоссе, и понынѣ принадлежащей Графу А. Д. Шереметеву. Послѣ свадьбы молодые поселились было въ Павлинѣ, но послѣдовавшій приказъ Александра I заставилъ ихъ неожиданно прервать новобрачную идиллію и удалиться въ родовое имѣніе Вьельгорскаго, село Лузино Курской губ., съ воспрещеніемъ выѣзда изъ оной.

Пребываніе Вьельгорскихъ въ деревенскомъ уединеніи Курской губерніи, хотя и не по собственной волѣ, было весьма полезно для Михаила Юрьевича, такъ какъ положило начало его блестящему, какъ музыкальному, такъ и общему образованію, о чемъ свидѣтель-

ствуеѣ громадная библіотека, собранная имъ въ Луизинѣ, впослѣдствіи перевезенная въ его Петербургскій домъ, а послѣ его смерти пожертвованная его дочерью, теткой моею Веневитиновой, Графиней Соллогубъ (женой извѣстнаго и талантливаго писателя Гр. В. А. Соллогуба) и Княгиней Шаховской, Румянцевскому музею въ Москвѣ, въ которомъ и понынѣ находится. Въ с. Сеницахъ супруги Вьельгорскіе много читали и усиленно занимались музыкой, къ чему привлекались и мѣстныя интеллигентныя силы, число которыхъ, въ тѣ времена было, конечно, еще ограничено.

По воцареніи Императора Николая I, съ Вьельгорскихъ была снята опала и имъ было разрѣшено возвратиться въ Петербургъ. Къ этому времени относится покупка Михаиломъ Юрьевичемъ дома въ Петербургѣ, на углу Михайловской площади и Б. Итальянской улицы, принадлежащаго въ настоящее время кондитеру Кочкурову, и въ бельэтажъ котораго теперь процвѣтаетъ акціонерный залъ. Грустно смотрѣть въ наши дни на этотъ нынѣ лишь доходный домъ, въ которомъ многіе годы мирно протекала когда-то жизнь родственныхъ между собой семей, который вслѣдствіе гостепрѣимства его обитателей былъ прозванъ въ Петербургѣ *la maison du bon Dieu*. Для меня воспоминанія, связанные съ этимъ домомъ, имѣютъ особое значеніе, такъ какъ въ стѣнахъ его невооруженно прошли лучшіе, счастливые годы моей молодости; въ немъ мной пережиты и радости и горююныхъ лѣтъ, для которыхъ жизнь представляется лишь однимъ счастіемъ впереди и согрѣта чистой вѣрой въ Бога и съ излишнимъ, быть можетъ, довѣріемъ къ людямъ. Изъ всѣхъ обитателей этого дома смерть пощадила уже немногихъ. Изъ всей нашей столь многочисленной семьи въ живыхъ остались лишь двѣ мои младшія сестры, да я. Вся семья Вьельгорскихъ давно угасла и изъ моего поколѣнія Веневитиновыхъ уже нѣтъ никого. Послѣдняя изъ нихъ, моя двоюродная сестра Маруся, бывшая за мужемъ за В. В. Косицковскимъ, умерла въ Москвѣ въ 1900 году.

Въ старину въ бельэтажъ дома Вьельгорскихъ, со стороны Михайловской площади, жилъ Графъ Михаилъ Юрьевичъ съ своей второй женой Луизой Карловной, которую я едва помню, и съ незамужней еще дочерью Анной Михайловной, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Князя Александра Ивановича Шаховскаго, родители кото-

раго Князь Иванъ Леонтьевичъ и Княгиня Софія Алексѣевна жили въ томъ же домѣ, но по сторонѣ Большой Итальянской улицы. Старшій сынъ Михаила Юрьевича Іосифъ, умершій въ молодости, воспитывался вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ и жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ; младшій сынъ Михаилъ получилъ образованіе въ Петербургскомъ Университетѣ, состоялъ засимъ нашимъ Секретаремъ въ посольствѣ въ Лондонѣ и умеръ отъ тифа во время Крымской компаніи.

Кабинетъ Михаила Юрьевича, его обширная библіотека, билліардная и пр. занимали верхній этажъ, въ бель-этажѣ же помѣщались пріемныя, гостиныя Графини и находился большой залъ, хорошо извѣстный всему Петербургскому обществу и въ особенности музыкальному міру. Въ немъ ежедневно давались музыкальные вечера, на которые стекались всѣ любители музыки и лучшіе артисты, живущіе тогда въ Петербургѣ. Обычными посѣтителями этихъ вечеровъ были: Императрица Александра Феодоровна съ своими дочерьми Великими Княжнами Ольгой и Маріей Николаевнами, изъ которыхъ послѣдняя была особенно дружна съ моей теткой Веневитиновой.

Внѣшній видъ дома Вельгорскихъ мало измѣнился и по настоящее время, за исключеніемъ развѣшанныхъ на немъ различныхъ вывѣсокъ. Въ томъ же видѣ, какъ и 50 лѣтъ назадъ, остался и находящійся противъ него домъ Главнаго Общества Желѣзныхъ Дорогъ, директоромъ котораго былъ на моей памяти жившій въ этомъ домѣ Французъ Колинъонъ (Colignon). Неузнаваемо зданіе Европейской гостиницы, которая выходитъ на Михайловскую площадь наискосокъ отъ дома Кочкурова. Во время оно на этомъ мѣстѣ стоялъ 3-хъ-этажный, простой архитектуры, желтый домъ и въ немъ помѣщался отель Клей, который вмѣстѣ съ Демутомъ на Большой Конюшенной считались тогда лучшими гостиницами въ Петербургѣ.

Лѣто Вельгорскіе проводили всегда въ Павлинѣ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ главы.

На этой прекрасной дачѣ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ и большимъ прудомъ, исключая главнаго дома, было выстроено нѣсколько дачныхъ домовъ для родныхъ и знакомыхъ, пріѣзжающихъ погостить въ Павлино. Въ одномъ изъ этихъ домовъ жили лѣтомъ и Веневитиновы. Сверстниками моими въ Павлинѣ были двоюродные

братья Веневитиновы Миша и Володя, послѣдній былъ монахъ лѣтъ, Михаилъ же былъ старше насъ, и Саша и Леля Соллогубъ*), дѣти второй дочери Графа Михаила Юрьевича, Графини Софїи Михайловны Соллогубъ.

Въ продолженіе лѣта мои родители прїѣзжали гостить въ Павлино и меня брали съ собой.

Братъ Михаила Юрьевича, Графъ Матвѣй Юрьевичъ былъ Гофмаршаломъ при дворѣ В. К. Марїи Николаевны и жилъ на мѣстѣ Сергіевкѣ, только-что тогда отстроенной и подаренной Императоромъ Николаемъ Павловичемъ своей любимой дочери.

Великая Княгиня часто посѣщала Павлино. У Вьельгорскихъ постоянно собиралось большое общество изъ Петербурга и окрестностей. Петергофъ былъ, какъ извѣстно, любимымъ лѣтнимъ мѣсто-пребываніемъ Государя Николая Павловича, что и привлекало туда лѣтомъ массу Петербургскихъ обывателей.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Петергофское шоссе, потерявшее всякое значеніе съ проведеніемъ въ этой мѣстности желѣзной дороги, было сплошь обитаемо въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ избраннымъ Петербургскимъ обществомъ. Хорошо помню на 8-ой верстѣ дачу престарѣлой Статсъ-дамы Мятлевой, далѣе Графини Натальи Дмитріевны Протасовой, Графини Куселевой (Лигово), Графа Д. Н. Шереметева (Ульянка), Павлино, о которомъ идетъ рѣчь, а дальше близъ Сергіевой пустыни построенныя въ стилѣ Швейцарскаго шале дачи Толстыхъ, въ Стрѣльбѣ дачи Князя Алексѣя Федоровича Орлова, Князя Суворова и Князя Львова. Въ Павлинѣ того времени, къ которому вообще относится воспоминаніе моего дѣтства, господствовала, что называется, „полная чаша“. Въ немъ и старымъ и малымъ жилось весело и просто.

Не могу не остановиться нѣсколько на личности его симпатичнаго владѣльца, Графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго. Я уже сказалъ, что онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Исключая своихъ близкихъ отношеній ко всему музыкальному міру Европы и Россіи, Михаилъ Юрьевичъ имѣлъ обширный кругъ

*) Елизавета Владиміровна Сабурова супруга А. А. Сабурова, Члена Государственнаго Совѣта.

знакомства въ области литературы. Однимъ изъ близкихъ ему людей былъ Н. В. Гоголь, съ которымъ онъ особенно сошелся въ бытность свою въ Римѣ, гдѣ одно время жилъ и Гоголь. Всѣ знали Графа Вьельгорскаго за весьма интереснаго и остроумнаго собесѣдника, чему способствовали его обширныя познанія и удивительная память. Онъ много путешествовалъ и любилъ рассказывать объ вынесенныхъ имъ впечатлѣнiяхъ изъ своихъ странствованiй за границей. Службу въ Россiи онъ началъ Камеръ-Юнкеромъ, еще при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Всю жизнь Михаилъ Юрьевичъ питалъ нѣкоторую слабость къ хорошему (исключительно) вину, въ особенности къ венгерскому. Его погребушъ считался образцовымъ въ Петербургѣ и славился своимъ Токайскимъ виномъ.

Но слабость къ хорошей бутылкѣ вина, въ ея послѣдствiяхъ, онъ умѣлъ облекать обыкновенно въ столь остроумныя формы, что она ему охотно прощалась и въ обществѣ и при Дворѣ. Преданiе гласитъ, что однажды за ужиномъ у Императрицы Александры Феодоровны Михаилъ Юрьевичъ, послѣ особеннаго вниманiя, оказаннаго имъ Венгерскому вину, дѣйствующему, какъ извѣстно, на ноги, вставая изъ за стола, покачнулся и неожиданно очутился на четверенькахъ. Когда Николай Павловичъ спросилъ его, что съ нимъ, Вьельгорскiй, подымаясь съ полу, совершенно спокойно отвѣтилъ ему: *Mais rien du tout, Sire, je ramassais une épingle.* Государь очень уважалъ и любилъ Михаила Юрьевича за выдающiяся качества его сердца и ума, и никогда на него не сердился.

Какъ извѣстно, Николай Павловичъ очень любилъ посѣщать маскарады и иногда поручалъ Гр. Вьельгорскому, состоящему въ званiи Оберъ-Шенка, сопровождать туда и Императрицу, одѣтую въ domino и въ маскѣ.

Ребенкомъ я хорошо помню ласковое и доброе отношенiе Михаила Юрьевича къ дѣтямъ, которыхъ онъ очень любилъ. Онъ охотно игралъ и рассказывалъ намъ забавныя анекдоты изъ своей жизни. Случайно у меня осталось въ памяти, какъ однажды, послѣ обѣда въ Павлинѣ на балконѣ попивая кофе и прихлебывая изъ рюмки его любимое Венгерское, онъ рассказывалъ намъ, что, путешествуя разъ по Италiи, онъ остановился, не помню уже въ какомъ городѣ.

Наканунѣ своего отъѣзда, когда уже всѣ его вещи были уложены, онъ отиравился проститься и провести вечеръ у своихъ знакомыхъ. Тамъ встрѣтилъ онъ одну русскую даму, которая просила его взять съ собой, по ея словамъ, небольшую посылку въ Петербургъ, куда онъ возвращался. Хотя онъ и говорилъ ей, что его вещи были уложены, но она такъ настаивала, что отказать ей было не возможно. На другой день утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ, Михаилу Юрьевичу принесли большой картонъ, на которомъ было написано рукой этой дамы: *Fragile tenir sur les genoux*. Надо замѣтить, что въ тѣ времена еще не было желѣзной дороги и Графъ возвращался съ своей женой въ двухмѣстной дорожной каретѣ. Помню, что мнѣ очень хотѣлось спросить Михаила Юрьевича о томъ, какъ онъ доѣхалъ до Россіи, но въ тѣ времена считалось для дѣтей неприличнымъ начинать разговоръ со старшими.

Замѣчательно пріятный и остроумный, какъ собесѣдникъ, Графъ Михаилъ Юрьевичъ не былъ чуждъ и оригинальности въ своей обыденной жизни. Однажды, лѣтомъ, когда вся семья была уже въ Павлинѣ, Михаилъ Юрьевичъ провелъ день въ Петербургѣ, гдѣ встрѣтилъ утромъ одного бѣднаго музыканта Ленца, который пользовался его протекціей,—доведшей его въ послѣдствіи до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но во время описываемаго случая состоявшаго еще мелкимъ, никому неизвѣстнымъ чиновникомъ. Въ послѣдствіи этотъ Ленцъ написалъ довольно таки скучную книгу о Бетховенѣ. Припоминаю, кстати, что много лѣтъ спустя эту самую книжку я какъ-то случайно купилъ въ Оренбургѣ передъ отъѣздомъ моимъ въ Киргизскую степь и подарилъ на память въ назиданіе киргизу, у котораго мнѣ въ степи пришлось переночевать. Полагаю, что это былъ первый киргизъ во всей степи, пришедшій такимъ образомъ въ соприкосновеніе съ памятью о Бетховенѣ. Возвращаясь къ разсказу. Встрѣтивъ Ленца, Михаилъ Юрьевичъ сказалъ ему: „приходите сегодня обѣдать къ Графу М. Ю. Вельгорскому на Михайловскую площадь, я тоже туда приглашенъ“. Озадаченный Ленцъ въ почтительной позѣ въ недоумѣніи вытаращилъ на него глаза, но Михаилъ Юрьевичъ, прибавивъ: „пожалуйста, не опоздайте“, отправился далѣе.

Когда въ назначенный часъ Ленцъ явился въ домъ Вельгор-

скаго, Михаилъ Юрьевичъ его встрѣтилъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и привѣтливо замѣтилъ: „мой всѣ на дачѣ, и я самъ себя пригласилъ обѣдать“. Всѣ лакеи были въ парадныхъ ливреяхъ и столъ былъ накрытъ на два прибора въ большой залѣ. Онъ изобиловалъ цвѣтами и на немъ красовался чудный севрскій сервизъ, подававшійся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Старая вина самыхъ отдаленныхъ годовъ, въ покрытыхъ мхомъ бутылкахъ, представляли собою лучшіе образцы знаменитаго въ Петербургѣ погреба Вьельгорскихъ.

Обѣдъ, конечно, соответствовалъ великолѣпному убранству стола и состоялъ изъ блюдъ самой утонченной гастрономіи, въ которой Графъ Вьельгорскій считался первостепеннымъ знаткомъ. Во время обѣда разговоръ шелъ исключительно объ музыкѣ. За десертомъ Михаилъ Юрьевичъ угостилъ Ленца очень дорогой сигарой и при этомъ передалъ ему небольшой цѣнный подарокъ. Послѣ обѣда онъ приказалъ закладывать лошадей, чтобы ѣхать въ Павлино, и, простившись съ Ленцомъ, сказалъ ему: „неправда-ли, обѣдъ былъ очень хорошъ; ѣду сейчасъ на дачу, чтобы поблагодарить хозяина“.

Этотъ случай мнѣ рассказывалъ самъ Ленцъ, который по смерти Графа Вьельгорскаго перешелъ по наслѣдству въ семью Веневитиновыхъ и пребывалъ до своей смерти близкимъ къ ней человекомъ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ умеръ въ 1856 году въ Москвѣ во время коронаціи Императора Александра II. Выѣстъ съ отцемъ и матерью я былъ на Николаевскомъ вокзалѣ для встрѣчи его тѣла. Его бѣлый глазетовый гробъ поразилъ мое дѣтское воображеніе своимъ внушительнымъ размѣромъ, а стройное пѣніе, при погребеніи въ Александрo-Невской Лаврѣ, произвело на меня глубокое впечатлѣніе.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій во всю свою многолѣтнюю жизнь никогда не занималъ какого-либо политическаго положенія, но пользовался значеніемъ высоко-культурнаго общественнаго дѣятеля на почвѣ литературы и искусства. Домъ его въ Петербургѣ являлся центромъ всего литературнаго и музыкальнаго движенія, существовавшаго тогда въ столицѣ. Онъ самъ былъ знакомъ со всѣми музыкальными знаменитостями Европы, и имя его среди нихъ пользовалось самой широкой популярностью и заслуженнымъ почтеніемъ.

У него въ домѣ начали свое музыкальное поприще тогда еще

совсѣмъ юные братья Антонъ и Николай Рубинштейны. Ихъ Графъ Вьельгорскій, какъ говорится, поставилъ на ноги; и имъ же былъ привезенъ изъ Италіи знаменитый пѣвецъ Маріо. Во время одного изъ своихъ артистическихъ путешествій по Италіи, Графъ Вьельгорскій слышалъ, случайно, въ одномъ частномъ домѣ пѣніе молодого офицера, голосъ котораго настолько поразилъ Михаила Юрьевича, что онъ тутъ же убѣдилъ его оставить военную службу для артистической карьеры, которую Вьельгорскій, какъ знатокъ, предсказалъ ему блестящую. Какъ извѣстно, знаменитый Маріо оправдалъ предсказаніе Михаила Юрьевича. Въ Петербургѣ онъ постоянно бывалъ у него въ домѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ, и всю жизнь питалъ къ Россіи самое нѣжное чувство. Графъ Михаилъ Юрьевичъ много помогать начинавшимъ музыкантамъ. Находясь всегда при Дворѣ, онъ былъ далекъ отъ всякихъ придворныхъ интригъ и ненавидѣлъ городскія сплетни. Впрочемъ, общество, собиравшееся у него въ домѣ, было постоянно занято интересами слишкомъ возвышеннаго характера, чтобы на нихъ обращать вниманіе. Все Петербургское общество знало и уважало Михаила Юрьевича, какъ за его дарованія, такъ и за свойства его личнаго характера. Зимой, въ годъ его смерти, у него состоялся дѣтскій театръ, на которомъ я впервые видѣлъ покойнаго Императора Александра III, тогда еще одиннадцати-лѣтнимъ юношей. Мы играли пьесу изъ быта Запорожцевъ, сюжетъ, который былъ данъ Графомъ Владиміромъ Александровичемъ Соллогубомъ и написанный его супругой Софіей Михайловной. Помню только, что Миша Веневитиновъ, Саша Соллогубъ, мой братъ Алеша и я изображали братьевъ Запорожцевъ, а Володя Веневитиновъ попавшаго къ намъ въ плѣнъ поляка. Леля Соллогубъ играла жену Миши, а маленькая Маруся Веневитинова и Мери Соллогубъ*) участвовали въ картинѣ, изображающей сонъ плѣннаго поляка. Передъ спектаклемъ Графиня Анна Михайловна рисовала актерамъ необходимыя для Запорожцевъ усы, и очередь, какъ съ младшаго изъ нихъ, началась съ меня. Жженой пробкой Анна Михайловна нарисовала мнѣ усы кончиками вверхъ и, взъерошивъ мнѣ волосы, сказала съ своей доброй и плѣнительной улыбкой: „только

*) Нынѣ Книгиня Марія Владиміровна Гагарина.

не крути усы, а то их размажешь“. Когда послѣ этого я взглянулъ въ зеркало, то получилъ о себѣ впечатлѣніе, какъ о нахальномъ и дерзкомъ парнишкѣ, настоятельно требующемъ благотворительнаго содѣйствія розги, для облегченія грядущаго слѣдованія по жизненному пути...

Между тѣмъ Анна Михайловна своимъ тонкимъ артистическимъ пониманіемъ создавала изъ cadaго изъ насъ отдѣльные типы, придавая очертанію усомъ впечатлѣніе общаго характера личности. Такъ усы, опущенные длинными концами внизъ, изобличали солиднаго, разсудительнаго казака, усы же, приподнятые вверхъ, указывали на головорѣза, сорви-голову запорожца; наконецъ тонкіе и прямые придавали выраженію лица характеръ пылаго, заносчиваго поляка.

Судя по частымъ аплодисментамъ зрителей, въ числѣ которыхъ были и Великіе Князья, спектакль прошелъ блистательно. Послѣ театра между присутствовавшими дѣтьми началась тогда любимая игра въ казаки и разбойники, состоящая въ бѣготнѣ по всему дому и запечатлѣвшая у меня надъ глазомъ украшеніе желто-фіолетоваго цвѣта. Покойный Николай и Александръ Александровичи были въ курточкахъ, первый Гродненскаго, а второй Лейбъ-Гусарскаго полка, а Николай Максимиліановичъ въ курткѣ армейскаго Гусарскаго полка, шефомъ котораго онъ состоялъ. Владиміръ Александровичъ и Евгеній Максимиліановичъ были въ рубашкахъ, кучерскаго покроя. Какъ теперь вижу Принцессу Евгенію Максимиліановну Ольденбургскую въ бѣломъ платицѣ, съ большими голубыми бантами на поясѣ и на плечахъ, и старшую ея сестру Марію Максимиліановну, Принцессу Баденскую съ такими же бантами пунцоваго цвѣта.

Я говорилъ выше, что сынъ Графа Вьельгорскаго Михаилъ Михайловичъ умеръ отъ тифа во время Крымской компаніи. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отсутствіе въ тѣ времена дѣйствующаго съ той поры Краснаго Креста ставило дѣло помощи раненымъ воинамъ въ зависимость отъ произвола чиновниковъ военнаго вѣдомства, и пожертвованія, стекавшіяся со всей Россіи, проходя чрезъ многочисленныя чиновничьи руки со смолкой, зачастую къ нимъ прилипали и въ концѣ концовъ достигали своего назначенія.... Такого рода безсовѣстныя злоупотребленія относительно бѣдныхъ солдатъ, идущихъ на защиту своей родины, слишкомъ тяжело отзываются въ сердцѣ

каждаго Русскаго человѣка, чтобы о нихъ распространяться, но фактъ гнуснаго воровства существовалъ во всемъ его непривлекательномъ объемѣ и отрицать его къ несчастію невозможно. Императрица Марія Александровна, супруга Александра II, вступившаго на престолъ въ кровавую эпоху Крымской войны, проникнутая чувствомъ состраданія къ храбрымъ русскимъ солдатамъ, показавшимъ себя героями во время 11-ти-мѣсячной защиты Севастополя, сама пришла къ нимъ на помощь и, для огражденія раненыхъ воиновъ отъ хищенія денегъ и матеріала, доставляемыхъ для ихъ излеченія, обратилась къ даровой рабочей силѣ русской молодежи, всегда готовой послужить на пользу русскаго патріотическаго дѣла, и составила особый комитетъ для распредѣленія всѣхъ получаемыхъ изъ Россіи пожертвованій, какъ деньгами, такъ и вещами, а также для ближайшаго наблюденія надъ уходомъ за ранеными и больными воинами. Во главѣ этого комитета былъ поставленъ молодой еще графъ Михайлъ Михайловичъ Вьельгорскій; помощниками же къ нему были назначены Графъ В. Д. Остенъ-Сакенъ и мой старшій братъ Евграфъ Егоровичъ, только что кончившій курсъ Петербургскаго Университета, кандидатомъ правъ, и собиравшійся было поступить юнкеромъ въ одинъ изъ полковъ, отправляющихся въ Севастополь.

Вскорѣ для усиленія этой миссіи Императрицей были еще присланы Графъ Паленъ и А. Д. Таборовскій. Къ молодому комитету Вьельгорскаго былъ приставленъ медицинскій персоналъ и священникъ миссіи монахъ Троице-Сергіевской Лавры, отецъ Афанасій. Параллельно этой миссіи дѣйствовали въ то же время въ Севастополѣ лица, посланные Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, съ Б. А. Мансуровымъ во главѣ и дѣятельность котораго исключительно касалась чиновъ Морского Вѣдомства. Члены его участвовали во всѣхъ бояхъ, работая на перевязочныхъ пунктахъ. Первымъ заразился тифомъ и умеръ отъ него Паленъ, на смѣну котораго былъ немедленно присланъ изъ Петербурга его двоюродный братъ Графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ, столь уважаемый нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта и бывшій Министръ Юстиціи. Засимъ отъ той же болѣзни скончался Графъ Вьельгорскій, а наконецъ погибъ отъ непрекращавшейся заразы и отецъ Афанасій. Остенъ-Сакенъ, Таборовскій и мой братъ, въ свою очередь, заболѣли тифомъ, но, повидимому, въ болѣе легкой формѣ и остались въ живыхъ.

Вся эта молодежь, входившая въ составъ миссiи, во время большихъ сраженiй, какъ-то при Альмѣ, Инкерманскихъ высотахъ и пр., состояла въ свитѣ главнокомандующаго, распоряжаясь уборкой раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ, и дѣйствовала въ разгаръ осады въ самомъ Севастополѣ. Мой братъ привезъ тѣло Графа Вьельгорскаго въ Петербургъ. Похороны состоялись въ Александро-Невской Лаврѣ. Въ юности Михаила Михайловича, по смерти его старшаго брата Iосифа, къ его фамилии было присоединено имя его бабушки Графини Матюшкиной, Статсъ-Дамы при дворѣ Павла I, и онъ въ продолженiи своей жизни именовался Графомъ Вьельгорскимъ-Матюшкинымъ. По смерти его, мужъ его второй сестры Графъ Владимiръ Александровичъ Соллогубъ съ присущимъ ему талантомъ описалъ въ брошюрѣ на французскомъ языкѣ жизнь и выдающiяся качества своего зятя*). Прибавлю отъ себя лишь одну извѣстную мнѣ черту характера этого симпатичнаго и многообѣщавшаго въ будущемъ молодого человѣка. Обладая большими средствами, Михаилъ Михайловичъ въ бытность свою въ Петербургскомъ Университетѣ постоянно помогалъ своимъ нуждающимся товарищамъ и подолгу не платилъ слѣдуемой суммы за слушанiе лекцiй, дабы имя его, выставленное за это на черной доскѣ, послужило бы нѣкоторымъ нравственнымъ облегченiемъ для самолюбiя бѣдныхъ студентовъ товарищей, попадавшихъ на ту же доску, установленную для неисправныхъ плательщиковъ, за неимѣнiемъ средствъ. Начало Крымской компанiи 1854 года застало моихъ родителей въ домѣ Лыткина на Фонтанкѣ, между Аничковымъ и Чернышевымъ мостами, куда они переѣхали изъ дома Оржевскаго по смерти жившей съ ними бабушки. Мнѣ врѣзалось въ память, какъ однажды утромъ старшiй братъ Евграфъ пришелъ къ намъ въ дѣтскую и объявилъ, что война Турцiи объявлена. Самъ онъ вскорѣ отправился въ Севастополь, въ составѣ Комитета, снаряженнаго Императрицей.

По объявленiи войны вся Петербургская молодежь рванулась въ Крымъ, чтобы стать въ ряды войска. Изъ знакомыхъ мнѣ молодыхъ людей, отправляющихся на войну, хорошо помню друзей старшихъ братьевъ Лейбъ-Улана Барона А. П. Мейендорфа (убитаго при

*) Notice sur le Comte V. M. Peterbourg, 1856.

Черной рѣчкѣ (4 августа 1855 г.) и лицеиста Н. А. Сабурова*), поступившаго юнкеромъ въ Елизаветградскій Гусарскій полкъ. Его голубой ментикъ съ бѣлыми шнурами производилъ на меня неотразимое обаяніе. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ, чтобы проститься передъ отъѣздомъ въ армію, я попросилъ его обнажить саблю и показать, какъ онъ будетъ рубить турокъ. Со всей искренностью дѣтскаго чувства я завидывалъ его счастливой судьбѣ и отъ всей души негодовалъ на свои юные годы, не допускавшіе моего участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Братъ мой Владиміръ поступилъ юнкеромъ въ Измайловскій полкъ (въ которомъ началъ службу дѣдъ нашъ Евграфъ Федотовичъ), отправлявшійся въ числѣ прочей Гвардіи на западную границу, въ виду ожидавшейся войны съ Австріей и Пруссіей. Такимъ образомъ вся Европа оказалась противъ насъ.

Хотя я былъ еще слишкомъ малъ, чтобы по достоинству оценить политическое и общественное значеніе грядущихъ событій, точное пониманіе вещей и необходимое знаніе въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняются у дѣтей руководящимъ ихъ умозрѣніемъ инстинктомъ, въ силу котораго коалиція противъ насъ Англіи, Франціи и Турціи, предательское поведеніе Австріи, отплатившей намъ неблагодарностью въ 1854 году за благодареніе, оказанное ей въ 1848 г., одиннадцатимѣсячная осада Севастополя, потеря Черноморскаго флота и наконецъ смерть Императора Николая Павловича, произвели на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ старшими переживалъ я тяжелыя минуты, когда послѣдовательно приходили въ Петербургъ извѣстія о нашихъ неудачахъ при Альмѣ, Инкерманѣ, Черной, съ замираніемъ сердца слушалъ я рассказы о геройской защитѣ Малахова Кургана, о смерти на немъ Адмирала Нахимова, о самоотверженіи нашихъ героевъ-солдатиковъ, отбивающихъ штурмы и на вопросъ начальства, сколько ихъ еще осталось, весело отвѣчающихъ: „До такого-то числа, еще хватитъ“. Помню, какъ я горько плакалъ передъ сномъ вечеромъ того дня, когда узналъ, что Севастополь взятъ союзными войсками, послѣ неслыханной геройской обороны...

Это роковое извѣстіе привезъ Государю Князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій, впоследствии мой дорогой командиръ въ Пре-

*) Брата нынѣшнихъ Членовъ Государственного Совѣта П. А. и А. А. Сабуровыхъ.

ображенскомъ полку. Князь Барятинскій примчался на перекладныхъ изъ Севастополя въ Москву на четвертые сутки, въ Москвѣ же его ожидалъ экстренный поѣздъ для слѣдованія далѣе.

Когда намъ сказали, что Севастополь взять, движимые чувствомъ дѣтскаго патріотизма брать мой Алеша, Миша и Володя Вeneвитиновы и я отправились къ дверямъ жившей у Вьельгорскихъ на покой бывшей бонны Mrs Barnett и произвели шумную анти-англійскую демонстрацію, сопровождавшуюся кошачьимъ концертомъ (Katzenmusik), за что и были немедленно всѣ четверо разставлены по соответствующему числу угловъ.

Вскорѣ за паденіемъ Севастополя, до заключенія мира, новое горе постигло бѣдную Россію. 18 февраля 1855 года скончался Императоръ Николай Павловичъ. Какъ молнія облетѣло извѣстіе о смерти Государя Петербургъ и засимъ и всю Россію, повсюду вызвавъ чувство неподдѣльнаго горя. Словно что-то оторвалось отъ сердца Россіи. . .

Я случайно передъ обѣдомъ сидѣлъ у моей матери, когда къ ней вошелъ, весь разстроенный, дядя Вeneвитиновъ и со слезами, дрожащимъ голосомъ, сообщилъ ей, что Государь скончался. Матушка тоже заплакала. Дядя хотѣлъ остаться наединѣ съ своей сестрой, и мыѣ указали путь отъ себя.

Въ народѣ заходили слухи о томъ, что Государь не хотѣлъ пережить Севастополя и несчастья своей Россіи. Говорили въ то время, что передъ Зимнимъ дворцомъ собралась громадная толпа народа, требовавшая выдачи ей Лейбъ-медика Мандта. Говорили также, что для того, чтобы спасти его отъ ярости народа, принуждены были отправить его тайно за границу.

Когда вспоминаешь о томъ патріотическомъ настроеніи, которое охватило всѣ слои русскаго общества послѣ несчастной Крымской войны, столь краснорѣчиво выраженное Княземъ Горчаковымъ въ его знаменитой дипломатической нотѣ: *la Russie ne boude pas mais se gescueille**), какъ ничтожны и жалки кажутся тѣ люди, которые въ наше время, въ угоду инородной интриги, въ сущности еврейской, воспользовались неудачной войной съ Японіей, чтобы посеять смуту среди русскаго народа и подвинуть его на путь кровавой революціи.

*) Россія не злится, а сосредоточивается.

V.

Въ концѣ 50-хъ годовъ прямому попеченію моего отца, въ смыслъ воспитанія, подлежали лишь мой братъ Алексѣй и я. Старшіе братья жили въ то время уже собственной, самостоятельной жизнью. Братъ мой Евграфъ, по возвращеніи изъ Севастополя, поступилъ на службу къ бывшему тогда Петербургскому Губернатору Н. М. Смирнову, а затѣмъ отправился на Кавказъ чиновникомъ особыхъ порученій при Намѣстникѣ Кавказа, Князѣ А. И. Барятинскомъ. Братья Владиміръ и Дмитрій были переведены изъ Измайловскаго полка во вновь сформированный въ тѣ годы Стрѣлковій Его Величества баталіонъ, блистательный, какъ по составу офицеровъ, такъ и по выбору людей. Первымъ командиромъ этого баталіона былъ Графъ А. С. Строгановъ, впрочемъ не долго имъ прокомандовавшій, такъ какъ, получивъ рѣзкое замѣчаніе отъ Императора Александра II во время одного смотра, обидѣлся и вышелъ въ отставку. Послѣ него командиромъ этого баталіона былъ назначенъ Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской*). При немъ баталіонъ былъ переведенъ въ Царское Село, гдѣ и понынѣ расположенъ.

Одновременно съ 1-мъ Стрѣлковымъ баталіономъ былъ сформированъ и второй, первымъ командиромъ котораго былъ Князь Анастолій Ивановичъ Барятинскій. Третій (Финляндскій) и Стрѣлковій баталіонъ Императорской фамиліи. Этотъ баталіонъ состоялъ исключительно изъ стрѣлковъ, набранныхъ изъ крестьянъ Удѣльнаго вѣдомства. Мой дѣдъ Веневитиновъ состоялъ товарищемъ существовавшаго тогда Министра Удѣловъ и лѣтомъ жилъ отдѣльно отъ семьи, въ такъ-называемой Удѣльной дачѣ, близъ Петербурга. Тамъ же былъ расположенъ первоначально и баталіонъ Императорской фамиліи. Однажды весной мы провели какъ-то цѣлый день у дѣда, и я смотрѣлъ на одно изъ первыхъ ученій только что сформированнаго баталіона, командиромъ котораго былъ полковникъ Арбузовъ. Помню, что мое особенное вниманіе было возбуждено присутствіемъ въ строю одного негра, поступившаго волонтеромъ на русскую службу, какъ рассказывали, изъ ненависти къ англичанамъ.

*) Командиръ 2-го корпуса во время войны 1877—78 года, у котораго и былъ постояннымъ ординарцемъ.

Въ 1858 году мы снова жили въ домѣ Оржевскаго на Фонтанкѣ. Въ этомъ году моя старшая сестра Анна Егоровна поступила фрейлиной при Дворѣ Великой Княгини Александры Иосифовны. Гофмейстериной этого Двора была въ ту пору Елизавета Михайловна Бутурлина, рожд. Камбурлей, мать недавно умершей Графини Строгановой. Е. М. Бутурлина была другомъ матери и уговорила ее согласиться на поступленіе сестры фрейлиной.

Хорошо извѣстна мнѣ была дача Бутурлинныхъ на Каменномъ Островѣ, близъ дачи Принца Ольденбургскаго. Весной мы съ матерью часто ѣздили по вечерамъ на острова и пили чай на этой дачѣ. Помню еще мать Елизаветы Михайловны, старушку Камбурлей, которая всякій разъ водила насъ въ садъ и показывала намъ свою любимицу, черепаху необычайныхъ размѣровъ, для которой былъ вырытъ небольшой прудъ вблизи дома.

Вмѣстѣ съ сестрой фрейлиной, при Александрѣ Иосифовнѣ была Наталія Арсеньевна Бартенева, очень красивая дѣвушка, которая, вскорѣ заболѣвъ нервнымъ разстройствомъ, была отправлена за границу для леченія. Сестры ея Пасковья и Надежда Арсеньевна были фрейлинами у Императрицы, и я ихъ часто видѣлъ на музыкальных вечерахъ, которые бывали послѣ смерти Графа Михаила Юрьевича Вельгорскаго у его брата, извѣстнаго виолончелиста Матвѣя Юрьевича, состоявшаго при вдовствующей Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. На этихъ вечерахъ, посвященныхъ музыкѣ, мнѣ пришлось слышать лучшихъ тогда артистовъ, какъ-то обоихъ Рубинштейновъ, Вьегана, Венявскаго, Давыдова и пѣніе Маріо, Тамберлика, Кальцолари и пр., и наконецъ знаменитую Бозіо, смерть которой въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ ознаменовала начало студенческимъ беспорядкамъ. На ея похоронахъ, въ благодарность за участіе во время ея земного существованія на концертахъ въ пользу студентовъ Петербургскаго Университета, толпа изъ нихъ пожелала распоряжаться ея похоронами и помѣстить на катафалкѣ, у кистей, избранныхъ изъ своей среды депутатовъ. Это произошло на Невскомъ. Не довольствуясь участіемъ въ процессіи, студенты вздумали насильственно снимать шапки у проѣзжающей мимо похоронной процессіи публики, въ числѣ которой оказался между прочимъ Графъ Б. А. Перовскій, воспитатель Великихъ Князей. Полиція вынуждена была вмѣшаться.

Произошла уличная свалка и нѣсколько студентовъ было арестовано.

Въ этомъ происшествіи, какъ и въ послѣдующихъ волненіяхъ студентовъ Петербургскаго Университета, совпадавшихъ съ Польскимъ возстаніемъ, очевидно, что самая незначительная причина безпорядковъ служила лишь поводомъ къ производству уличной манифестаціи, получающей въ глазахъ массы населенія характеръ политической демонстраціи.

Дабы не разлучать сестру съ своей семьей, Великая Княгиня предложила моей матери провести лѣто 1858 года въ Стрѣльнѣ, въ такъ-называемомъ дворцѣ Петра I, съ тѣхъ поръ, кажется, обращенномъ въ госпиталь одной изъ общинъ Краснаго Креста. Въ то время этотъ просторный домъ среди Стрѣльнинскаго парка именовался дворцомъ и въ немъ еще сохранилась комната, въ которой, по преданію, жилъ самъ Петръ Великій.

Какъ мнѣ было нашу дорогую Охту, столь отдаленную отъ всякаго придворнаго движенія и проявленій мірской суеты. Нашъ мирный уголокъ на берегу Невы, привольное житье, нашъ домъ и садъ, рыбная ловля и наконецъ оба кладбища, столь часто напоминающія о таинственной судьбѣ человѣка, да и сами охтинскіе, все это оставило во мнѣ неизгладимое воспоминаніе счастливаго дѣтства. Грустно было оглянуться на милое прошлое, удалившееся безвозвратно. Съ того времени мнѣ не случилось бывать на Охтѣ. Теперь, когда она уже поглощена Петербургомъ, безъ сомнѣнія перемѣнились какъ общій характеръ всей мѣстности, такъ и ея обитателей.

Въ Стрѣльнѣ началось мое близкое знакомство съ Николаемъ Константиновичемъ, старшимъ сыномъ Великаго Князя Константина Николаевича. Мои младшія сестры были подруги Ольги Константиновны *) и ея младшей сестры Вѣры Константиновны. Воспитателемъ Николая Константиновича былъ адъютантъ Великаго Князя, Капитанъ 2-го ранга Алексѣй Степановичъ Горьковенко, а при Великихъ Княжнахъ состояла Княгиня Розалія Ипполитовна (Ивановна) МаксUTOва, впоследствии жена воспитателя Великаго Князя Алексѣя Александровича, засимъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ адмирала Посѣта.

*) Нынѣ Королевы Греческой.

Съ Николаемъ Константиновичемъ, или, какъ его тогда звали, Николой, я проводилъ все свободное отъ уроковъ время. Рано утромъ, въ сопровожденіи дядьки, отставного матроса Завьялова, мы ходили гулять на взморьѣ, всего чаще вооруженные монтекристами, и охотились за всякой попадавшейся птицей. Въ интересахъ правды, долженъ замѣтить, что никогда ни одной намъ не удалось подстрѣлить. Впрочемъ, помнится, что Николай Константиновичъ однажды убилъ какую-то ворону, которую съ торжествомъ мы принесли во дворецъ и, какъ трофей охоты, уложили къ ногамъ Великой Княгини Александры Іосифовны.

Нѣсколько разъ въ этихъ прогулкахъ сопровождалъ насъ гостившій у Великаго Князя Константина Николаевича горбатый и невзрачный Головининъ, будущій Министръ Народнаго Просвѣщенія. Помяну также въ одной изъ прогулокъ и Набокова въ форменномъ сюртукѣ, если не ошибаюсь, Морского вѣдомства, оказавшагося впоследствии Министромъ Юстиціи и показавшаго свѣтъ депутату І-ой Государственной Думы.

Великая Княгиня Александра Іосифовна была ко мнѣ очень добра и даже ставила меня въ примѣръ своему сыну. Съ своей стороны я плохо понималъ, въ чемъ собственно я могъ служить примѣромъ, такъ какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ не отличался чрезмѣрнымъ прилежаніемъ къ наукѣ и далеко не восполнялъ собой идеала послушанія. Вмѣстѣ съ Николаемъ Константиновичемъ я одинаково предпринималъ запретныя восхожденія на крышу большого Стрѣльнинскаго дворца и не прочь былъ вмѣстѣ съ нимъ удирать отъ зоркаго глаза почтеннаго Алексѣя Степановича или Завьялова. Ежедневно днемъ мы ѣздили вмѣстѣ съ Николаемъ Константиновичемъ купаться на морѣ, гдѣ на мелкомъ мѣстѣ была устроена купальня. Но когда на пристани былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, онъ забиралъ насъ въ свою купальню, устроенную на значительной глубинѣ, и поочередно бросалъ въ море, чтобы, какъ онъ говорилъ, улыбаясь, изъ насъ не вышли бабы, и чтобы мы приучились сами выбираться изъ опаснаго положенія, которое заключалось въ этомъ случаѣ въ томъ, что приходилось проплыть нѣсколько сажень ранѣе, чѣмъ добраться до берега. При сильномъ волненіи, намъ кидался спасательный кругъ и кромѣ этого на плоту

купальни находился матросъ, всегда готовый, въ случаѣ нужды, придти къ намъ на помощь. Помню, какъ однажды Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Необходимо умѣть плавать, еслибы я этого не умѣлъ, то меня давно бы съѣли рыбы.“ При этомъ Великій Князь разсказалъ о несчастіи, бывшемъ съ нимъ близъ Кронштадта, когда утонулъ его адъютантъ Князь Голицынъ, и онъ самъ, оставаясь безпомощно на водѣ въ продолженіи 8 минутъ, спасся лишь потому, что умѣлъ хорошо плавать. Упоминая о Голицынѣ, Константинъ Николаевичъ набожно перекрестился, прибавивъ со вздохомъ: „Какъ мнѣ жаль его бѣднаго. Я его хотѣлъ спасти, но онъ какъ ключъ пошелъ ко дну.“

Великій Князь любилъ, иногда, участвовать и руководить нашими играми, въ которыхъ онъ всегда старался развивать въ насъ извѣстную самостоятельность и находчивость. Близъ Стрѣльнинскаго сада въ огороженномъ, такъ-называемомъ дѣтскомъ саду была устроена большая сѣтка на столбахъ и посреди нея возвышалась обычныхъ размѣровъ мачта, снаряженная такъ же, какъ и на кораблѣ. Скомандовавъ намъ взобраться вверхъ по вантамъ (веревочныя лѣстницы по бокамъ мачты), Великій Князь приказывалъ по тревогѣ спускаться внизъ, но уже не по вантамъ, а цѣпляясь и спускаясь по веревкамъ, причемъ снизу раздавались его возгласы одобренія: „хорошо, молодецъ“, или неудовольствія: „тюфякъ, мокрая курица“. Сорваться съ верху было не трудно, но, падая на сѣтку, мы не подвергались никакой опасности ушиба и отдѣлывались небольшимъ синякомъ, когда неловко попадали при паденіи на одинъ изъ узловъ сѣтки. Въ такомъ случаѣ на сцену являлась арника съ водой, которой Великій Князь самъ распоряжался.

Вообще въ обращеніи Великаго Князя Константина Николаевича чувствовалась большая сердечная доброта, которую онъ видимо скрывалъ подъ пріемами нѣкоторой вышней суровости, а иногда и рѣзкости. Помню, что разъ во время урока верховой ѣзды на площадке дворца онъ такъ выразился при всѣхъ о посадкѣ Николая Константиновича, что бывшая тутъ же Великая Княгиня, слегка покраснѣвъ, замѣтила ему: „Si pourtant tu pouvais employer des mots qu'on trouve dans le dictionnaire“; на что Великій Князь, не смущаясь, отвѣтилъ: „mais il faut bien appeler les choses par leur nom.“

Въ тѣ времена Великій Князь Константинъ Николаевичъ состоялъ Генераль-Адмираломъ флота, и въ виду Стрѣльны стоялъ его пароходъ „Стрѣльна“, на которомъ онъ часто ѣздилъ въ Кронштадтъ и которымъ командовалъ капитанъ Эйлеръ. Въ распоряженіи же Николая Константиновича имѣлась небольшая парусная военная яхта „Опытъ“, вооруженная пушками малаго калибра. На этой яхтѣ мы и отправлялись иногда въ плаваніе по Финскому заливу.

Зимой въ Мраморномъ Дворцѣ обычными посѣтителями Николая Константиновича были: Сапа Гагаринъ, жившій также въ Стрѣльнѣ, сынъ Гофмаршала Двора Великаго Князя Константина Николаевича, Коля Тимашевъ, сынъ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который въ то время былъ начальникомъ уже несуществующаго 3-го Отдѣленія, и Петя Лазаревъ, сынъ знаменитаго Адмирала Михаила Петровича. По воскреснымъ вечерамъ въ Мраморный Дворецъ привозили кадетовъ Морского Корпуса, неимѣющихъ родныхъ въ Петербургѣ и проводящихъ праздники въ Корпусѣ. Это было установлено Константиномъ Николаевичемъ, который очень любилъ дѣтей и входилъ въ положеніе мальчиковъ, лишенныхъ родного крова въ столицѣ. На эти вечера приходилъ Великій Князь, особенно ласково обращаясь съ юными моряками, будущими офицерами флота.

Когда въ настоящее время, иной разъ, слышишь случайно знакомое имя теперь уже престарѣлаго адмирала, то невольно вспоминаешь тѣ отдаленныя времена, когда мы вмѣстѣ играли въ залахъ Мраморнаго Дворца. Въ одной изъ нихъ помѣщались модели существующихъ судовъ нашего флота. Въ настоящее время эта любопытная коллекція находится, если не ошибаюсь, въ музеѣ Адмиралтейства.

Въ воскресенье 10 Августа 1858 г. вмѣстѣ съ двумя младшими сестрами, какъ обыкновенно по праздникамъ, я обѣдалъ въ Стрѣльнинскомъ Дворцѣ. Въ этотъ день родился второй сынъ Великаго Князя Константина Николаевича Константинъ Константиновичъ, и день этотъ былъ торжественно отпразднованъ.

Передъ обѣдомъ, удовлетворяя общему любопытству, намъ показали крошечное существо въ пеленкахъ, но трогать его не позволили. Вѣра Константиновна, которой въ ту пору было шестъ лѣтъ,

непремѣнно хотѣла его понянчить, но въ интересахъ будущаго Предсѣдателя русской Академіи Наукъ, переживавшаго свои первые сутки, ей было въ этомъ отказано. За обѣдомъ (дѣти обѣдали отдѣльно) мы пили шампанское, разбавленное водой, за здоровье поворожденнаго, и Вѣра Константиновна осаждала обѣдавшаго, обыкновенно, за дѣтскимъ столомъ доктора Бюнтинга, разспросами о своемъ маленькомъ братѣ, почему онъ такой красный, зачѣмъ такъ кричить, скоро ли будетъ бѣгать и пр. и пр.

Вечеромъ изъ Петергофа пріѣхали Великіе Князья Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи съ своими воспитателями полковникомъ О. Б. Рихтеромъ *) и Посѣетомъ. Весь дѣтскій садъ озарился чудной иллюминаціей изъ разноцвѣтныхъ фонарей и бенгальскихъ огней. Играла музыка Гвардейскаго Экипажа и былъ пущенъ великолѣпный фейерверкъ, подобнаго которому мнѣ съ тѣхъ поръ не приходилось видѣть.

Чай мы пили въ большой бесѣдкѣ, ярко освѣщенной и украшенной зеленью. Во время чая пріѣхала вдовствующая Императрица Александра Феодоровна, жившая на такъ-называемой собственной дачѣ близъ Петергофа. Обходя всѣхъ дѣтей за чайнымъ столомъ, между прочимъ Императрица спросила меня, сколько мнѣ лѣтъ и большой ли я шалунъ. На второй вопросъ, не желая солгать Государынѣ, я съ убѣжденіемъ отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ. „Это не бѣда“, сказалъ тутъ же присутствующій Великій Князь Константинъ Николаевичъ, „лишь бы хорошо учился“, и, вѣроятно, для большей внушительности ущипнулъ меня въ области спины, отчего, цѣлуя въ это время руку Императрицы, я сдѣлалъ совсѣмъ неожиданный для нея скачекъ.

Послѣ чая началась оживленная игра на сѣткѣ, изображавшей по этому случаю корабль. Капитаномъ корабля былъ покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ, а старшимъ офицеромъ его братъ Великій Князь Александръ Александровичъ; остальные же всѣ были матросами. Великія Княжны Марія Александровна, Ольга и Вѣра Константиновны и мои двѣ маленькія сестры являлись пассажирами. Поверхность сѣтки сильно колыхалась подъ нашими прыжками и

*) Будущимъ Генералъ-Адъютантомъ, состоящимъ при особѣ Его Величества.

представляла собой палубу судна во время бури, а взрывы бурековъ и ракетъ и блескъ фейерверка сходили въ нашемъ воображеніи за громъ и молнію. Корабль предполагался въ опасности. Стоя у маты, Цесаревичъ притворно грубымъ голосомъ, столь противорѣчащимъ его милой и привлекательной наружности, отрывисто обращался къ своимъ младшимъ братьямъ и остальнымъ матросамъ, покрикивая: „Романовъ живѣй“, или „Чичеринъ не зѣвай“, въ то время какъ старшій офицеръ, сиди на салингѣ (первой площадкѣ на матѣ) и руководя движеніемъ воображаемаго руля, кричалъ сверху: „право на руль“, или „лѣво на руль“. Маленькую Вѣру Константиновну стошнило отъ колебанія сѣтки, что насъ привело въ неописанный восторгъ, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ получилось подобіе настоящей морской болѣзни. Ее свели на берегъ и передали мѣстнымъ властямъ, въ лицѣ ея бонны дѣвицы Распоповой. „Спускай шляпки. Спасай пассажировъ“, командовалъ капитанъ, и пошла такая суета, что ужъ Княгиня Максимова и бывшая въ то время при Маріи Александровнѣ Графиня А. А. Толстая спасали пассажировъ не отъ расходившихся стихій, а отъ рукъ самихъ же спасителей.

Но вотъ, при оглушительномъ трескѣ, на темномъ небѣ показался громадный букетъ изъ ракетъ и римскихъ свѣчей, заблестѣвшій въ воздухѣ тысячами разноцвѣтныхъ огней, оркестръ же заигралъ протяжный „Коль славенъ“. Этимъ кончился веселый дѣтскій праздникъ 10 августа 1858 года, оставившій во мнѣ, 50 лѣтъ спустя, самое живое воспоминаніе.

Не смотря на усталость, я долго не могъ заснуть въ эту ночь, перебирая въ памяти всѣ подробности этого счастливаго дня. Свѣтло и хорошо было на моей дѣтской душѣ. Съ тѣхъ поръ капитанъ нашего сухопутнаго корабля, Цесаревичъ Николай Александровичъ и его старшій офицеръ, покойный Императоръ Александръ III уже отошли въ вѣчность. Не стало и радушнаго хозяина дома Великаго Князя Константина Николаевича, а равно и всѣхъ старшихъ участниковъ этого праздника, носившаго характеръ столь непринужденнаго дѣтскаго веселья. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. На томъ же мѣстѣ посреди чуднаго парка, на берегу моря и повинѣ возвышается Стрѣльнинскій дворецъ—это безсмертное произведеніе Растрелли—и гордо смотреть въ морскую даль, но и тамъ перемѣны—

что-то ужь очень чепуховое, нескладное творится въ настоящее время на противоположномъ финскомъ берегу.... Не могу не упомянуть объ одномъ добромъ другѣ моего дѣтства, замѣчательномъ типѣ Севастопольскаго моряка, память о которомъ тѣсно связана съ моими воспоминаніями о Стрѣльнѣ. То былъ хромою отставной унтеръ-офицеръ, по прозванію Нептунъ. Получивъ рану въ ногу и контузію въ голову на Малаховомъ курганѣ, гдѣ онъ состоялъ близкимъ человѣкомъ при убитомъ тамъ же Адмиралѣ Нахимовѣ, онъ былъ уволенъ отъ службы уже старикомъ и былъ взятъ изъ состраданія Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ Стрѣльну въ качествѣ сторожа. Онъ жилъ уединенно на островкѣ, близъ морского берега, и вся его служба состояла въ поднятій и опусканій утромъ и вечеромъ Генераль-Адмиральскаго флага на Стрѣльнинскомъ дворцѣ. Другой службы отъ Нептуна не требовалось. Во время утреннихъ прогулокъ съ Николаемъ Константиновичемъ мы часто заходили къ нему понюхать табакъ изъ его солдатской тавлинки и послушать его занимательные рассказы объ осадѣ Севастополя, во время которыхъ онъ уже изъ дряхлѣющаго старика превращался въ задорнаго моряка. Глаза его блестяли и вся фигура принимала грозный видъ рѣшимости и отваги. Мы любили слушать этого почтеннаго старика, лучше всякой книжки умѣвшаго передать намъ главныя минуты геройской обороны. Когда рѣчь заходила о Корниловѣ и Нахимовѣ, онъ крестился и широкимъ рукавомъ своей сѣрой солдатской шинели утиралъ набѣгавшую слезу. Его всегда можно было застать сидящимъ на низкой скамеечкѣ въ своемъ садикѣ, работающимъ надъ небольшою моделью корабля съ мачтами и всѣми снастями. Хотя и самоучка, онъ дошелъ до совершенства въ этомъ искусствѣ, и долго у меня хранился корабль, сдѣланный имъ, какъ память о добромъ и очень меня любившемъ Нептунѣ. Въ Стрѣльнѣ въ наше время, на дачѣ, на берегу озера, противъ дачи Кн. Орлова, проживала семья сенатора Бориса Карловича Данзаса, друга и постоянного партнера въ проферансѣ моего дяди Веневитинова. Мы часто посѣщали эту гостепріимную семью, въ которой по праздникамъ собирались сослуживцы и бывшіе лицейскіе товарищи Бориса Карловича. Самъ онъ былъ лицеистомъ 2-го курса, а братъ его Константинъ Карловичъ (секундантъ Пушкина) и престарѣлый адмиралъ

Матюшкинъ были лицеисты 1-го курса. Обоихъ ихъ я часто видѣлъ у Данзаса, и отрывками удавалось слышать иногда ихъ воспоминанія о житьѣ-бытьѣ въ лицѣѣ. Однажды помню, какъ Матюшкинъ ска-залъ Данзасу, ѣвшему вишни: „Я, братъ, вижу, что ты уписываешь вишни, какъ и въ лицѣѣ; помнишь, какъ бывало мы за ними охотились въ Царскомъ Селѣ!“ При этомъ воспоминаніи оба разсмѣялись. Вообще Матюшкинъ былъ веселый и добрый старикъ, любившій общество молодыхъ дѣвицъ и постоянно рассказывающій анекдоты изъ своихъ путешествій. К. К. Данзасъ былъ болѣе молчаливъ и казался мнѣ всегда задумчивымъ. Я его не помню безъ сигары во рту. Почтенный Б. К. Данзасъ былъ женатъ на приемной дочери Князя Д. В. Голицына и былъ опекуномъ молодого П. Демидова Князя Санъ-Донато. У него было три дочери, много выѣзжавшихъ въ Петербургскій свѣтъ. Изъ нихъ жива лишь одна, вдова адъютанта Великаго Князя Константина Николаевича, Т. Б. Семечкина.

Первое лѣто, проведенное въ Стрѣльнѣ, оставило во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія, хотя меня и тянуло на Охту, гдѣ мнѣ было какъ-то привольнѣе; сама природа не казалось на Охтѣ столь убранный и разукрашенной руками человѣка, какъ въ Стрѣльнѣ, все тамъ было просто и уютно, да и сама жизнь не была стѣснена условіями нѣкотораго придворнаго этикета, къ которому никогда у меня не лежала душа. Мнѣ вообще всегда казалось, что трудно бываетъ установить вполне естественныя отношенія къ людямъ, воспитаннымъ внѣ условій обыденной для всѣхъ прочихъ жизни, внѣ ея, такъ сказать, колеи, и мнѣ часто приходилось наблюдать, что большинство людей, поставленныхъ въ близкое соприкосновеніе къ лицамъ, слишкомъ высоко поставленнымъ, въ условіяхъ общественной жизни, бываютъ часто болѣе привязаны къ своему при нихъ положенію, чѣмъ къ нимъ самимъ. При этомъ, чѣмъ чувство привязанности къ своему положенію сильнѣе, тѣмъ чувство къ личности, отъ котораго оно зависитъ, принимаетъ болѣе характеръ неестественности, а въ крайнемъ случаѣ подобострастія или даже страсти.

Въ короткое время я очень привязался къ Николаю Константиновичу, и мнѣ казалось, что и онъ меня полюбилъ. У него было доброе сердце, и для своихъ лѣтъ онъ былъ очень развитъ. Воспитаніе, которое онъ получалъ, ставило его далеко отъ дѣйствительной

жизни, въ которую я былъ поставленъ окружающей меня средой. Скажу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ умнѣе получаемого воспитанія и преподаваемыхъ ему принциповъ. Такъ, не забуду, какъ однажды, изъ шалости, мы вмѣстѣ напоили виномъ медвѣженка, тѣмъ-то ему подареннаго и жившаго въ дѣтскомъ саду. Медвѣженокъ опьянѣлъ и былъ очень забавенъ. Когда же узналъ объ этой шалости замѣтившій А. С. Горковенко при Николаѣ Константиновичѣ добрый-шій и благороднѣйшій баронъ Мирбохъ, то онъ объяснилъ намъ, что „очень дурно напавать человѣка, а тѣмъ болѣе медвѣдя“. Помню вопросительный знакъ, изобразившійся при этомъ поученіи на лицѣ Николая Константиновича, я же до сихъ поръ полагаю, что эту истину слѣдовало принимать въ ея обратномъ смыслѣ: напоить животное, быть можетъ, не особенно хорошо, а тѣмъ болѣе человѣка....

Весьма благосклонное расположеніе ко мнѣ Генераль-Адмирала. къ которому я сохранилъ навсегда чувство искренняго почтенія, и времяпрепровожденіе съ его старшимъ сыномъ, всегда имѣвшее характеръ морской специальности, установили убѣжденія, что изъ меня долженъ былъ выйти морякъ. Отецъ мой желалъ, чтобы всѣ его сыновья были воспитаны въ закрытомъ заведеніи; но, благодаря участію Великаго Князя Константина Николаевича, мнѣ было предоставлено право поступить экстерномъ въ Морской Корпусъ, что въ то время считалось исключеніемъ, т. е. жить дома и являться въ Корпусъ лишь на уроки. Всѣ необходимые учебники для приготовленія къ экзамену уже были мнѣ доставлены, и я уже съ гордостью носилъ въ Стрѣльнѣ, подобно Николаю Константиновичу, морскую фуражку въ бѣломъ чехлѣ. Послѣ второго лѣта, проведеннаго нами въ Стрѣльнѣ, осенью было предположено начало моего обученія въ Морскомъ Корпусѣ. Къ этому времени мнѣ должно было исполниться 12 лѣтъ. Отецъ мой ничего не имѣлъ противъ моего вступленія въ ряды нашихъ храбрыхъ моряковъ, хотя онъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ моемъ серьезномъ влеченіи къ службѣ во флотѣ, требующей особеннаго, по его мнѣнію, призванія, да къ тому же онъ не совсѣмъ довѣрялъ моимъ особымъ способностямъ къ математическимъ наукамъ, имѣющимъ столь первенствующее значеніе въ изученіи морской специальности. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ ему не противорѣчилъ и

учитель математики брата Алексѣя и мой, почтеннѣйшій Константинъ Ивановичъ Мамышевъ, готовившій въ тѣ времена къ экзаменамъ большинство молодежи, поступающей на военную службу въ гвардію.

Слѣдуетъ прибавить, что, стоя въ сторонѣ отъ придворныхъ сферъ, мой отецъ всегда желалъ видѣть будущность своихъ сыновей болѣе въ зависимости отъ ихъ собственныхъ усилій и труда, чѣмъ отъ покровительства высокопоставленнаго лица, а по отношенію меня—Великаго Князя Константина Николаевича, котораго онъ, въ свою очередь, очень уважалъ и высоко цѣнилъ за его выдающійся умъ и научные труды на пользу родного флота. Ранѣе, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе относительно моего вступленія въ число кадетъ Морского Корпуса, отецъ мой, съ одной стороны—объяснилъ мнѣ, насколько моя служебная будущность была поставлена въ блистательныя условія, благодаря желанію Генераль-Адмирала имѣть меня на службѣ во флотъ и его благосклонному ко мнѣ вниманію; съ другой же—пояснилъ мнѣ, что морская служба есть дѣло призванія, и, не имѣя его, предосудительно и нечестно изъ-за преимуществъ, представляемыхъ службой, рисковать по незнанію и нелюбви къ дѣлу жизнию людей, поставленныхъ въ зависимость исключительно отъ знанія и распорядительности ихъ начальника, какъ это бываетъ во флотѣ, во время плаванія. Въ тѣ времена техника морского дѣла еще не достигла той степени совершенства, на которой находится въ настоящее время. На вопросъ отца, —чувствовалъ ли я въ себѣ призваніе къ морю, люблю ли вообще морское дѣло и охотно ли буду заниматься преимущественно предметами математики, —я чисто-сердечно отвѣтилъ, что хотя и люблю кататься на яхтѣ по Финскому заливу, лазить по мачтѣ и носить морскую фуражку подъ бѣлымъ чехломъ, но что никакого призванія къ морю я не имѣлъ; изученія въ теоріи всего того, что нравилось мнѣ на практикѣ морского дѣла, я особенно не желалъ, а къ арифметикѣ, которую въ то время училъ, я питалъ вообще самое искреннее нерасположеніе. На этомъ разговорѣ кончились приготовленія къ моему поступленію въ моряки, и я еще болѣе убѣжденно возсѣлъ за латинскую грамматику и переводъ *Epitome historiae sacrae* и латинскихъ авторовъ, не покидавшихъ меня вплоть до моего поступленія юнкеромъ въ Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Другъ дѣтства и мой вдохновитель, по неоказавшемуся призванію къ морскому дѣлу, Великій Князь Николай Константиновичъ самъ недолго сохранилъ привязанность къ морю и впослѣдствіи, вступивъ въ ряды сухопутнаго войска, въ Л. Гв. Конный полкъ, блистательно окончилъ Академію Генеральнаго Штаба.

Спусти много лѣтъ приходилось мнѣ вспоминать всю правильность сужденій моего отца, когда несчастія нашего родного флота нерѣдко бывали послѣдствіемъ недостатка знаній и неумѣлости начальствовавшихъ лицъ....

VI.

Я уже говорилъ, что младшая дочь Графа М. Ю. Вьельгорскаго, Анна Михайловна, была замужемъ за Княземъ Александромъ Ивановичемъ Шаховскимъ. Семья Шаховскихъ, состоявшая изъ престарѣлаго Князя Ивана Леонтьевича, его супруги, Статсъ-дамы Книгини Софіи Алексѣевны, рожденной Мусинъ-Пушкиной, трехъ сыновей и дочери Софіи Ивановны, помѣщалась до начала 60-хъ годовъ, какъ сказано выше, въ домѣ Вьельгорскихъ. По смерти своего мужа, престарѣлая Княгиня Софія Алексѣевна переехала на житье къ своему сыну Александру Ивановичу; въ квартирѣ же Шаховскихъ помѣстилась моя семья.

На моей памяти, Князь Иванъ Леонтьевичъ Шаховской былъ уже восьмидесятилѣтнимъ генераломъ отъ инфантеріи, увѣнчаннымъ массою орденовъ. Не смотря на свои преклонные годы, у почтеннаго Князя голова была совершенно свѣжа и, сравнительно, онъ былъ еще достаточно бодръ, не смотря на то, что съ трудомъ ходилъ безъ помощи палки и плохо выносилъ яркій свѣтъ, влѣдствіе чего онъ обыкновенно и носилъ, по вечерамъ, зеленый абажуръ, предохранявшій его зрѣніе отъ слишкомъ яркаго свѣта лампъ и свѣчей.

Вся его многолѣтняя военная карьера носила боевой характеръ и отличалась легендарными военными подвигами. Одинъ изъ нихъ, о которомъ мнѣ передавалъ мой отецъ, остался мнѣ особенно памятенъ, какъ образецъ его безавѣтной храбрости. Въ бытность свою начальникомъ отдѣльнаго, если не ошибаюсь, авангарднаго отряда

во время Турецкой компании 1828 года, Князю Ивану Леонтьевичу пришлось овладѣть съ бою одной мѣстностью, окруженной каменной стѣною, въ ростъ человѣка и занятой непріятелемъ. Не имѣя съ собой лѣстницъ, для приставленія къ оградѣ, отрядъ его остановился въ недоумѣніи. Тогда Князь Шаховской спокойно сошелъ съ лошади и, подъ сильнымъ огнемъ подводя головную колонну къ оградѣ, приказалъ окружающимъ его гренадерамъ поднять его на руки и перебросить черезъ стѣну. Увлеченные самоотверженіемъ начальника, солдаты, съ крикомъ ура, стремительно бросились впередъ и, избираясь другъ на друга, живо перелѣзли стѣну. Дружнымъ ударомъ въ штыки непріятель вслѣдъ за этимъ былъ выбитъ изъ занятой имъ позиціи.

Не знаю, сохранила ли исторія въ своихъ лѣтописяхъ этотъ доблестный подвигъ Ивана Леонтьевича, или, за неимѣніемъ въ тѣ времена газетной рекламы, онъ остался извѣстенъ лишь ему близкимъ, но ручательствомъ его достовѣрности является вся боевая служба Шаховского и Георгій 2-й степени, который онъ заслужилъ и съ которымъ никогда не разставался. Его доброе лицо, окаймленное совсѣмъ уже бѣлыми волосами, дышало простотой и спокойствіемъ людей, всю жизнь скромно исполнявшихъ свой долгъ. Что, казалось, общаго могло существовать между этимъ, начавшимъ военное поприще еще при Суворовѣ, заслуженнымъ генераломъ и 12-ти-лѣтнимъ мальчишкой, шалуномъ, каковымъ я былъ въ концѣ его жизни, а между тѣмъ какое-то особое, теплое чувство почитанія влекло меня къ личности Ивана Леонтьевича. Въ ней чувствовалось мнѣ прошлое, полное ощущеній и тревогъ боевой жизни, и въ этомъ дряхломъ старичкѣ, въ моихъ глазахъ, бодрствовала безхитростная, незлобная душа русскаго солдата, способнаго соединить въ себѣ порывы беззаветнаго героизма съ чистой дѣтской простотой, а подъ чашъ и трогательной наивностью.

Князь Иванъ Леонтьевичъ тихо скончался на девяностомъ году отъ роду. Недолго пережила его и жена его, Княгиня Софія Алексѣвна.

Княгиня Анна Михайловна Шаховская скончалась въ Царскомъ Селѣ, вслѣдъ за рожденіемъ ея дочери Муси, нынѣ Графини Маріи Александровны Келлеръ, вдовы доблестно погибшаго во время япон-

свой войны Генерала Графа Келлера. Замѣчу, кстати, что для удобства Князя И. Л. Шаховского, жившаго въ третьемъ этажѣ бывшаго дома Вьельгорскихъ, была устроена, чуть-ли не первая въ Петербургѣ, подъемная машина (лифтъ) самой примитивной конструкціи и приводимой въ движеніе посредствомъ ручки, которую при подъемѣ машины вертѣлъ швейцаръ, бывшій бравый служака Конно-гвардейскаго полка. И по сіе время еще существуетъ въ домѣ Кочкурова та же самая машина, но подниматься по ней, вѣроятно, уже является не безопаснымъ.

Переѣздъ моей семьи въ домъ, перешедшій уже въ то время, по раздѣлу, ко второй дочери Графа М. Ю. Вьельгорскаго, Графинѣ С. М. Соллогубъ, положилъ начало моей совместной жизни съ двоюродными братьями, Михаиломъ и Владиміромъ Веневитиновыми. Свободное отъ уроковъ время мы проводили вмѣстѣ, и сообщая съ ними я бралъ уроки верховой ѣзды, фехтованія, которое преподавалъ намъ отставной прусскій офицеръ фонъ-Шульцъ, и танцевъ. Жили двоюродные братья въ нижнемъ этажѣ со стороны Б. Итальянской, направо отъ воротъ. Внутренняя лѣстница соединяла это помѣщеніе съ верхними этажами, занимаемыми ихъ родителями и моими.

Къ намъ былъ приставленъ старый слуга дяди Веневитинова, сѣдой и слегка сгорбленный Тимофей, котораго мы, для краткости, называли Тима, а въ случаѣ сонсканія его снисходительности къ нашимъ дѣтскимъ шалостямъ и Тимочка. Тимофей представлялъ собой давно исчезнувшій типъ стараго, преданнаго служителя былыхъ временъ. Онъ былъ къ намъ очень привязанъ и любилъ насъ, какъ собственныхъ дѣтей. Чего, чего не творили мы надъ нашимъ добродушнымъ терпѣливымъ Тимой. Онъ былъ женатъ на горничной тетки Веневитиновой, толстой Ольгѣ, носительницѣ немалыхъ претензій и говорящей почему-то въ носъ. Тимофей былъ, какъ говорится, у нея подъ башмакомъ, и мы ее звали правительницей Ольгой.

Въ домѣ проживала, въ родѣ ключницы, экономка, всѣмъ хорошо извѣстная Марія Петровна, съ круглымъ желтымъ лицомъ, недобрыми черными глазами и крючковатымъ носомъ. Эту особу еще покойный Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій прозвалъ Марей Посадницей. Это названіе осталось за ней до конца ея жизни, и я хорошо помню,

какъ дядя Веневитиновъ, отдавая приказанія, бывало, говаривалъ „скажите Посадницѣ, чтобы она соблаговолила отпустить намъ наливки такого-то года“, или какого-нибудь другого домашняго снабдія, собственныхъ ея рукъ приготовленія.

Я уже говорилъ, что мой отецъ лично руководилъ домашнимъ образованіемъ своихъ сыновей, и, по вступленіи брата Алексѣя на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго Университета, я одинъ младшій изъ братьевъ остался на его попеченіи. Латинскій языкъ и всеобщую исторію онъ преподавалъ мнѣ самъ. К. И. Мамышевъ, занимавшійся математикой, въ свое время, со старшими братьями, принялъ и меня въ число своихъ многочисленныхъ учениковъ. Отецъ Василій Барсовъ, магистръ богословія и очень достойный человѣкъ, бывшій въ то время священникомъ въ церкви Симеона и Анны на Моховой, былъ нашимъ, вмѣстѣ съ покойной сестрой Лизой, учителемъ Закона Божія. Онъ былъ очень строгъ и, пожалуй, недостаточно принималъ во вниманіе уровень развитія дѣтей нашего возраста, поэтому, быть можетъ, его уроки и казались намъ нѣсколько сухими и скучноватыми. Впрочемъ, долженъ сказать, что нравственная сторона Христіанскаго ученія, дѣйствуя первоначально болѣе на сердца, чѣмъ на разумъ человѣка, въ достаточной степени преподавалась намъ примѣромъ отца и матери.

Отецъ Василій Барсовъ преподавалъ Законъ Божій старшему сыну Графа Дмитрія Николаевича Шереметева, молодому Графу Сергѣю Дмитріевичу, носившему еще въ то время курточку Гродненскаго Гусарскаго полка, считался такимъ образомъ однополчаниномъ покойнаго Цесаревича Николая Александровича, съ которымъ его соединяли съ дѣтства товарищескія отношенія.

Самое отрадное воспоминаніе оставилъ во мнѣ мой почтенный учитель математики Мамышевъ, человѣкъ безконечно добрый и любящій дѣтей, онъ умѣлъ стать въ положеніе ученика и оцѣнить его способности въ области математики. Онъ отлично умѣлъ отличать недостатокъ пониманія у ученика отъ его лѣни и желаніе сосредоточить свое вниманіе на данномъ предметѣ. Въ первомъ случаѣ, онъ снисходительно объяснялъ и умѣло помогалъ недостатку собственнаго мысленія ученика, во второмъ же онъ дѣлался неумолимо строгъ и требователенъ. Зачастую приходилось слышать отъ Константина Ива-

новича эпитеты въ родѣ „пѣтушина голова“, съ прибавленіемъ въ крайнемъ случаѣ— „на палкѣ“. Мамышевъ въ бытность преподавателемъ старшихъ братьевъ зналъ меня совсѣмъ ребенкомъ и постоянно говорилъ мнѣ „ты“. Его непринужденное обращеніе распространялось, впрочемъ, и на всѣхъ его учениковъ, которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе ставить въ примѣръ прилежанія одного другому. Между прочимъ, когда, еще въ юности, я познакомился съ однимъ изъ учениковъ Мамышева, Княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Волконскимъ, мы были оба проникнуты взаимнымъ почтеніемъ другъ къ другу вслѣдствіе отзывовъ объ каждомъ изъ насъ нашего общаго учителя математики. Лишь, при дальнѣйшихъ, дружескихъ между нами отношеніяхъ, выяснилось, что, стави насъ въ примѣръ другъ другу, это не помѣшало добрейшему Константину Ивановичу исправно честить каждаго изъ насъ отдѣльно пѣтушиными головами на палкѣ.

Между своими учениками К. И. Мамышевъ считалъ пылнѣйшаго Министра Двора Барона В. Б. Фредерикса, котораго онъ приготовилъ къ поступленію въ юнкера Л. Гв. Коннаго полка.

Моимъ учителемъ танцевъ еще въ тѣ времена, когда я былъ допущенъ лѣтъ 8-ми до упражненія въ нихъ вмѣстѣ съ старшими, былъ извѣстный тогда артистъ Петербургской балетной труппы Александръ Ивановичъ Шелиховъ. Онъ обучалъ меня, тогда еще по молодости неспособнаго постигнуть всѣ тонкости хореографическаго искусства, исключительно отвѣщивать поклоны при входѣ въ гостинныя, при чемъ полагалось, притупляя взоръ, устремлять его на носки сапоговъ, что въ свою очередь придавало мнѣ напускной видъ смиренія и покорности судьбѣ. Сестру мою Лизу, всего на годъ старшую меня, Шелиховъ училъ дѣлать плавный реверансъ, придерживаясь пальцами обѣихъ рукъ за платье и стыдливо опуская глаза, какъ-бы подѣ гнетомъ невѣдомыхъ ея проступковъ.

Вообще казалось мнѣ непонятнымъ, отчего отъ поклона юношей требовалось выраженіе непротивленія превратностямъ земнаго существованія, а реверансъ дѣвицъ долженъ былъ носить признаки смущенія и сокрушенія, подобнаго какъ-бы смиренному покаянію Св. Маріи Магдалины.

А. И. Шелиховъ былъ тонкій знатокъ характерныхъ танцевъ, и подѣ его руководствомъ я изучалъ гавоть и минуэтъ, попеременно—

изощряясь въ ловкости почти военнаго человѣка, или изображая изъ себя высокомерную и небрежную осанку французскаго маркиза, время, предшествующихъ революціи конца 18-го вѣка. До легкихъ тапцевъ, за неспособностью моихъ ногъ къ воспріятію высшихъ требованій искусства, я еще въ ту пору не допускался. Мнѣ приходилось лишь любоваться, когда старшіе братья и самъ легковѣсный Шелиховъ носились по залѣ въ головкружительномъ вальсѣ или съ ожесточеніемъ отчеканивали на паркетѣ замысловатые па мазурки, увлекая за своими стремительными движеніями мою сестру Анну Егоровну и ея подругъ, Анну и Дарію Федоровну Тютчевыхъ и Софію Михайловну Муравьеву, впоследствии жену С. С. Шереметева. Какъ теперь вижу миловидную, тогда еще Соню Муравьеву, съ голубыми глазами, яркаго цвѣта пышными золотистыми волосами, и около нея тонкую фигуру моего брата Евграфа въ студенческой формѣ, съ голубымъ воротникомъ. Какъ все это было давно.

Отецъ мой, отдавая должное общественнымъ требованіямъ и развлеченіямъ молодежи, на урокахъ танцевъ однако никогда не присутствовалъ.

Вслѣдъ за переѣздомъ нашимъ въ семейный домъ на углу Итальянской и Михайловской площади, мои уроки танцевъ происходили уже совмѣстно съ двоюродными братьями Веневитиновыми и младшими сестрами. Въ то время Шелиховъ уже вкусилъ вѣчный покой отъ своихъ ноголомныхъ трудовъ и носительницей традиціи Терпсихоры явилась госпожа Цейль. Она обладала далеко непривлекательной наружностью и всю жизнь танцевала у воды. Этимъ терминомъ опредѣлялось въ балетѣ быстрое движеніе ногъ и подвижность всей фигуры, неполнѣ гармонировавшая съ потребной миловидностью лица и его выраженія. Госпожа Цейль была, какъ говорили, очень благочестивая и почтенная женщина, оставившая добрую память среди своихъ многочисленныхъ ученицъ и учениковъ.

Точно провѣривъ всѣ познанія, преподанныя мнѣ Шелиховымъ относительно поклоновъ и умѣнія съ достоинствомъ протягивать руку своей дамѣ, госпожа Цейль исключительно священнодѣйствовала въ области легкихъ танцевъ.

Помнится при этомъ, что старшій изъ Веневитиновыхъ, начинавшій въ то время уже обнаруживать способность къ историческимъ

изысканіямъ, передавалъ намъ анекдотъ временъ Императора Петра I-го. Петръ Великій приказалъ привлекать военную молодежь къ свѣтскимъ развлеченіямъ того времени и приглашать офицеровъ въ тогдашнія ассамблеи. Для опредѣленія ихъ способностей къ танцамъ предписано было составить списокъ подлежащихъ приглашенію офицеровъ съ обозначеніемъ противъ фамиліи каждаго, умѣетъ ли онъ танцовать и какой танецъ. Писарь, переписывавшій этотъ списокъ, не понялъ отмѣтки, стоявшей противъ фамиліи одного офицера: „танцуетъ минуэтъ“, и написалъ: „танцуетъ минуэтъ“, а въ скобкахъ: „сирѣчь никого не задѣваетъ“. И не могу сказать, чтобы я чувствовалъ особое влеченіе къ танцамъ и въ то время, какъ почтенная госпожа Цейль заставляла мои ноги выдѣлывать разные выкрутасы, голова моя была занята вопросомъ, на что собственно они мнѣ были необходимы. Впрочемъ, когда мнѣ приходилось бывать на дѣтскихъ балахъ, то вопросъ этотъ самъ собой получалъ практическое значеніе. Госпожа Цейль также давала уроки въ тогдашнемъ пансіонѣ для дѣвицъ госпожи Груже, посѣщавшемся многими подругами моихъ сестеръ, съ которыми мнѣ приходилось танцовать на различныхъ дѣтскихъ вечерахъ. Первые изъ нихъ, на которые насъ возили, бывали у Княгини Зои Сергѣевны Оболенской, рожденной Гр. Сумароковой, дочь которой Катя вышла впослѣдствіи замужъ за всѣми уважаемаго Лейбъ-Медика С. С. Боткина. Оболенскіе жили въ ту пору на Сергѣевской въ домѣ отца Княгини. На дѣтскихъ балахъ всегда присутствовалъ старшій Графъ Сумароковъ, бывшій тогда помощникомъ Фельдцейхмейстера, которымъ былъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Старикъ Генералъ имѣлъ строгій видъ и щетинистые усы. Его наружность ни въ какомъ случаѣ не содѣйствовала увеселенію дѣтей, такъ какъ внушала собой скорѣе чувство неопредѣленнаго страха. На одномъ изъ дѣтскихъ вечеровъ онъ подозвалъ меня къ себѣ и отрывисто спросилъ: „учишься?“. „Учусь“, отвѣтилъ я. „Хорошо?“. „Не знаю“. — „Напрасно, смотри, братъ, въ слѣдующій разъ отвѣтъ „хорошо“. Невольно, на другой день, за урокомъ мнѣ вспомнилось строгое лицо и отрывистая рѣчь стараго Графа.

Танцовали мы также дѣтми у Ольги Станиславовны Нарышкиной, которая обитала въ нижнемъ этажѣ дома ея дочери, Графини

Софіи Львовны Шуваловой, на углу Фонтанки и Б. Итальянской. Старушка Ольга Станиславовна собирала у себя дѣтей для своихъ внучекъ и внука Шуваловыхъ, которые вмѣстѣ съ своими родителями жили въ верхнемъ этажѣ этого чуднаго дома. Въ одной изъ залъ помѣщался дѣтскій театръ, на которомъ, въ числѣ прочихъ дѣтей, мнѣ часто приходилось принимать участіе въ разыгрываніи шарадъ. Въ большинствѣ же случаевъ вечеръ для насъ проходилъ въ веселой бѣготнѣ кругомъ мраморной лѣстницы, одной изъ обширѣйшихъ и красивѣйшихъ во всемъ Петербургѣ. У Графа Петра Павловича и Графини Софіи Львовны было четыре дочери и одинъ сынъ, сохранившій до конца жизни свое дѣтское прозваніе—Боби. Изъ дочерей двѣ среднія, впоследствии Варвара Петровна Орлова и Княгиня Марія Петровна Кантакузенъ, скончались въ молодыхъ годахъ.

Ко времени, къ которому относятся эти воспоминанія счастливаго дѣтства, у Боби Шувалова былъ гувернеромъ добрыйшій Юлій Федоровичъ Бозе, а при его сестрахъ состояла англичанка, которую хорошо помню, но забылъ, какъ звали.

Въ раннемъ дѣтствѣ помню на дворѣ дома Гр. Шувалова большую ледяную гору, съ которой вмѣстѣ съ Боби катались мы на салазкахъ, кувыркались въ снѣгу и отъ души веселились, играя въ снѣжки. Страдательнымъ лицомъ въ этой игрѣ являлся подъ конецъ всегда нашъ неизмѣнный и добрый Тимофей, когда онъ предъявлялъ Володѣ Веневитинову и мнѣ свое законное желаніе вести насъ домой. Счастливое невозвратное дѣтство, вся забота котораго заключена въ неопознаніи къ уроку или въ трепетномъ сознаніи его полного незнанія. Между тѣмъ—съ какой снисходительной улыбкой встрѣтили бы латинскіе авторы или сомнительные герои древности наше невѣдѣніе произведеній или подвиговъ ихъ земного существованія, и съ какимъ равнодушіемъ отнесся бы мудрый Пифагоръ къ нашему затрудненію правильно рѣшать его знаменитую теорему „Пифагоровы штаны“. Но срамъ огорчить родителей или раздражать подлежащаго педагога заставлялъ насъ безропотно садиться за приготовленіе скучныхъ уроковъ и подавлять въ себѣ веселыя впечатлѣнія катанія съ горъ или бѣга на конькахъ.

Весьма оживленные дѣтскіе вечера бывали въ тѣ времена у Графини Наталіи Дмитріевны Протасовой, жившей въ своемъ домѣ

на Невскомъ, противъ Троицкой. Графиня очень любила дѣтвору и часто веселила дѣтей своего брата, Князя Бориса Дмитріевича Голицына и вмѣстѣ съ ними и дѣтей Князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, жившаго съ своей супругой Княгиней Дарьей Петровной въ верхнемъ этажѣ дома Гр. Протасовой. На этихъ вечерахъ, на которые я сопровождалъ сестеръ, совсѣмъ юными хозяйками являлись тогда еще въ коротенькихъ платьицахъ Княжны Голицына и Оболенская, извѣстныя въ нашемъ дѣтскомъ мірѣ подъ именами Еды и Вавочки. Володя Веневитиновъ былъ поклонникъ круглолицей и румяной Княжны Еды, я же добросовѣстно таялъ передъ дѣтской миловидностью Княжны Вавочки.

Въ наши тогдашніе годы плохо скрывались влеченія юнаго сердца, и мы не отставали отъ нашихъ героинь, съ увлеченіемъ съ ними танцовали, выказывая всѣ тонкіе приемы этого неотразимаго искусства, вѣдреннаго въ насъ стараніями быстроногой г. Цейль. Невольно при этомъ вспоминаются слова безсмертнаго Ивана Федоровича Горбунова:

„Утромъ пишетъ, пишетъ, пишетъ....

Вечеромъ пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ“.

Въ 7 часовъ вечера вся обширная зала въ домѣ Гр. Протасовой блистала огнями, и дѣтворѣ обоюго пола съѣзжалась въ сопровожденіи своей педагогини, представляющей большинство странъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Моихъ сестеръ сопровождала живущая у насъ лѣтъ двадцать чистокровная англичанка, обучавшая меня англійскому языку, за каковой подвижъ несомнѣнно пріивная вѣнецъ мученическій. Мы съ Володей Веневитиновымъ пріѣзжали отдѣльно, нѣсколько позже, дабы этимъ указать на извѣстную степень нашей независимости. Дирижеромъ этихъ баловъ явился племянникъ хозяйки дома, Кавалергардъ Графъ Протасовъ-Бахметевъ, находившійся въ то время въ Академіи Генеральнаго Штаба. Впослѣдствіи, откомандовавъ тремя кавалерійскими полками, онъ сталъ во главѣ русскаго женскаго образованія. Добродушный Графъ Николай Александровичъ очень любилъ танцовать, и когда, вслѣдствіе своего положенія Главноуправляющаго учрежденіями Императрицы Маріи, Александровскій Лицей, снабжающій насъ дипломатами и юристами, оказался въ сего вѣдѣніи, онъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ болѣе широкой постановкѣ танцевальнаго дѣла въ этомъ заведеніи.

Возвращаясь къ дѣтскому балу у Графини Протасовой, съ сожалѣніемъ отмѣчу, что часовая стрѣлка уже подвигается къ 11-ти часамъ вечера. Таперь смолкаетъ. Педагогія вступаетъ въ свои права и усаживаетъ разгорячившихся дѣтей, чтобы они остыли передъ тѣмъ, чтобы ихъ полусонныхъ развозить по домамъ. Большіе уже съѣзжаются, и за отбытіемъ дѣтей загремитъ уже настоящій балъ въ гостепріимныхъ хоромахъ Графини Наталіи Дмитріевны Протасовой.

Засыпая въ такіе дни, мнѣ долго мерещились впечатлѣнія вечера, смѣняющіяся нѣкоторымъ безпокойствомъ относительно ранняго урока математики, и уже слышался мнѣ въ дремотѣ эпитетъ „пѣтушиная голова на пальцѣ“, съ которымъ въ случаѣ невниманія обращался ко мнѣ мой почтенный учитель математики Мамышевъ.

Первоначально кататься на конькахъ мы ходили на катокъ, помѣщающійся на Фонтанкѣ противъ Екатерининскаго Института, но тамъ оказалось по праздникамъ слишкомъ многолюдно и мы, въ числѣ прочихъ знакомыхъ между собой мальчиковъ, рѣшились обзавестись своимъ собственнымъ каткомъ. Мѣсто для него было избрано на Фонтанкѣ по ту сторону Семіоновскаго моста, противъ дома Министерства Двора. На общія средства былъ построенъ на льду домикъ, въ немъ была поставлена желѣзная печь и нанятъ сторожъ, на обязанности котораго лежало расчистка катка и храненіе оставляемыхъ на его попеченіе коньковъ. Устроивъ, какъ умѣли, хозяйственную часть, т. е. закупивъ чай, сахаръ, потребовалась для нашего сборища своего рода общественная организація, и мы основали, между собой, Клубъ конькобѣжцевъ, просуществовавшій три зимы, до поступленія всѣхъ членовъ основателей, въ числѣ которыхъ оказался и я, въ Университетъ или на военную службу. Президентомъ нашего клуба былъ избранъ тогда 15-ти-лѣтній Никсъ Адлербергъ*), должностъ секретаря исполнялъ Димъ Голицынъ**), жившій на Фонтанкѣ противъ катка въ домѣ своей бабушки Графини Левашевой, а казначеемъ былъ избранъ Г. Лакость, воспитатель нашего сочлена Мати Тол-

*) Сынъ тогдашняго Министра Двора, Графа Александра Владиміровича Адлерберга.

**) Князь Дмитрій Борисовичъ Голицынъ, нынѣ Генералъ-Адъютантъ, начальникъ Царской Охоты.

стого *). Въ числѣ членовъ Клуба былъ п. Миша Скобелевъ, поступившій въ скоромъ времени въ юнкера Кавалерійскаго полка. Судьба его слишкомъ извѣстна всей Россіи, чтобы о ней распространяться.

Пріемъ членовъ въ Клубъ конькобѣжцевъ былъ обусловленъ строгой открытой баллотировкой. На стѣнахъ нашего домика на льду развѣшивались избирательные листы съ именами лицъ, желающихъ поступить въ члены Клуба. Листъ бумаги былъ раздѣленъ на двѣ графы, надъ одной стояло „да“, надъ другой „нѣтъ“. Большинство подписывающихся въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ опредѣляло такимъ образомъ свое согласіе или несогласіе на поступленіе даннаго лица въ число членовъ нашего молодого Клуба конькобѣжцевъ. Полагаю, что такого рода открытая и независимая баллотировка не существовала ни въ одномъ изъ современныхъ клубовъ и, несмотря на то, что мы дѣйствовали въ силу ни кѣмъ не утвержденнаго устава, намъ никто въ этомъ не препятствовалъ, хотя въ числѣ нашихъ почтенныхъ членовъ состояли и нѣкоторые высокопоставленные лица, между которыми былъ и Австрійскій посолъ Графъ Тушъ. Сынъ же его, рыжій и благонаправный юноша былъ принятъ въ члены Клуба по баллотировкѣ.

Помню, что молодой атташе Австрійскаго посольства Графъ Ревертера **) былъ нами забаллотированъ, такъ какъ мы нанли не корректнымъ съ его стороны выставить свою кандидатуру, не пріѣхавъ сначала на катокъ, чтобы познакомиться хотя-бы съ должностными членами Клуба. Послѣ этого случая старикъ Тушъ пересталъ у насъ кататься на конькахъ, какъ то обыкновенно дѣлалъ по утрамъ. Но это обстоятельство насъ скорѣе порадовало, такъ какъ указывало на независимость и нѣкоторое значеніе нашего Клуба въ области международныхъ сношеній Россіи.

Общія собранія Клуба, въ праздничные дни, происходили у Н. Адлерберга. На этихъ собраніяхъ разбирались относящіеся до

*) Сынъ Министра существовавшего тогда Министерства Почтъ и Телеграфовъ, Графа Ивана Матвѣевича Толстого и старшій братъ Графа Ивана Ивановича, не отрадной памяти Министра Народнаго Просвѣщенія.

**) Женившійся на Е. Н. Бутурлиной и бывшій впоследствии вліятельнымъ членомъ Австрійской высшей палаты.

клубскихъ интересовъ дѣла. Въ годичныхъ собраніяхъ уважаемый и любимый всѣми нами Лакостъ читалъ отчетъ Клуба, всегда покрываемый шумными выраженіями признательности и восторга за процвѣтаніе нашего молодого Клуба. Теперь уже нѣтъ почти-что всѣхъ учредителей Клуба конькобѣжцевъ, просуществовавшаго нѣсколько счастливыхъ лѣтъ. Н. Адлербергъ, Боби Шуваловъ, оба Веневитиновы, Коля Араповъ, М. Толстой, Н. Тимашевъ и пр. и пр. уже сошли въ могилу. Изъ всей этой, когда-то веселой и безпечной ватаги, остались въ живыхъ уже не многіе. Могу указать лишь на Князя Д. Б. Голицына, именуемаго въ ту пору Димкой, и Князя А. В. Барятинскаго, котораго съ ранняго дѣтства называли Ашандрой.

Наряду съ Клубомъ, служащимъ единственно развлеченіемъ, у насъ было и общество научнаго характера, председателемъ котораго былъ мой братъ Алексѣй. То было минералогическое общество, членомъ котораго состоялъ и я съ самаго основанія, хотя, при возникновеніи этого почтеннаго общества, все свободное время отъ уроковъ я посвящалъ въ тѣ времена занятіямъ по моему званію главнокомандующаго цѣлой арміи оловянныхъ солдатиковъ, составъ которой постоянно комплектовался путемъ получаемыхъ мною подарковъ на елку и въ мои именины 6-го декабря.

Минералогическое общество помѣщалось у двоюродныхъ братьевъ Веневитиновыхъ, жившихъ, какъ я уже говорилъ, въ нижнемъ этажѣ семейнаго дома Вьельгорскихъ. При обществѣ была очень порядочная коллекція, заключающаяся въ нѣсколькихъ витринахъ и состоящая изъ минераловъ, собираемыхъ членами общества и пожертвованныхъ его почетными соребнователями, состоящими изъ старшихъ членовъ нашихъ семей.

Въ этой коллекціи находилась, между прочимъ, и жемчужина, которую однажды дяди Веневитиновъ нашелъ въ устрицѣ.

Родители наши вообще очень сочувственно относились къ нашей организованной затѣѣ, отвлекавшей насъ отъ шалостей, соответствующихъ нашему юному возрасту, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ праздности въ рекреационное отъ уроковъ время. Для поощренія нашихъ занятій былъ приглашенъ и руководитель этого дѣла, бывшій безъ мѣста учитель одной изъ гимназій, нѣкто Маргоревскій. Но этотъ выборъ не оказался удачнымъ, такъ какъ Маргоревскій, принадлежащій къ

отрицательнымъ типамъ, выработаннымъ реформами начала 60-хъ годовъ, вмѣсто интересующихъ насъ свѣдѣній по минералогіи, съ безсовѣстнымъ рвеніемъ началъ преподавать намъ всякія превратныя соціальныя теоріи, успѣшное процвѣтаніе которыхъ въ Россіи онъ убѣжденно ставилъ въ зависимость отъ висѣлицъ, устройства висѣлицъ на городскихъ площадяхъ, для каждаго изъ нашихъ тогдашнихъ Министровъ, съ Министромъ Императорскаго Двора во главѣ. Озадаченные предположеніемъ о столь неожиданномъ исходѣ вводимыхъ въ ту пору либеральныхъ реформъ, тѣмъ болѣе, что бывшій тогда Министромъ Двора, Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербертъ былъ родной отецъ нашего предсѣдателя Клуба конькобѣжцевъ, мы обратились къ родителямъ за объясненіемъ созрѣвшихъ въ головѣ Маргоровскаго мѣропріятій. Въ виду нашего заявленія, послѣдовала между дядей Веневитиновымъ, моимъ отцемъ и этимъ самымъ Маргоровскимъ разговоръ, указавшій послѣднему путь, удаляющій его отъ нашего дома. Тетка моя Веневитинова, по своей простотѣ пристроившая къ намъ неимущаго Маргоровскаго, въ видахъ благотворительности, оказалась отвѣтственнымъ лицомъ за ея наивное довѣріе къ людямъ, способнымъ принять оплачиваемую должность при мальчикахъ отъ 12 до 15 лѣтъ съ единственною цѣлью вбивать имъ въ голову самыя возмутительныя понятія о ихъ родинѣ. Такого рода типы вполнѣ достойны послѣдовавшей многіе годы спустя русской революціи...

Случай съ Маргоровскимъ невольно переноситъ мои мысли на то легковѣріе, съ которымъ семья почтеннаго дома вообще берутъ на себя протекцію и рекомендацію не только на поприщѣ педагогівъ, но и на государственной службѣ, такихъ лицъ, за которыхъ часто не могутъ быть отвѣтственными. Это замѣчаніе, мнѣ кажется, вполнѣ касается дамъ Петербургскаго общества, чѣмъ выше въ немъ поставленныхъ, тѣмъ болѣе отдаленныхъ отъ дѣйствительной жизни и мало знакомыхъ съ условіями той среды, изъ которой выходитъ рекомендуемый ими чиновникъ, зачастую несоотвѣтствующій ни по своимъ познаніямъ, ни по убѣжденіямъ, тѣмъ требованіямъ, которыми представляются его служебной практикой. Казалось бы, для русскихъ дамъ наша бѣдная Россія являлась достаточно обширнымъ поприщемъ для всякаго рода хотя-бы и болѣе скромной филантропіи. Трудно говорить, безъ чувства брезгливости, и о тѣхъ сановникахъ, которые

способны, въ угоду той или другой, по ихъ мнѣнію вліятельной дамы, ввѣрить интересы службы и даже родины недобросовѣстнымъ или неспособнымъ лицамъ, единственно лишь въ силу какой-либо дамской протекціи....

Правда, что такого рода сановниковъ чувство къ своей родинѣ ограничивается обыкновенно лишь понятіемъ о казенной квартирѣ или размѣрами получаемого ими содержанія, а въ этихъ обоихъ случаяхъ имъ всегда представляется возможность использовать благотворительность вліятельныхъ дамъ и въ интересахъ своего собственного благополучія. Особенно непригляднымъ мнѣ всегда казалось непосредственное общеніе сановниковъ, въ подобныхъ цѣляхъ, и съ особами, стоящими иной разъ даже въ услуженіи высокопоставленныхъ и вліятельныхъ дамъ.

Кстати, безпристрастно добавлю, что вообще изобрѣтательность и своего рода ловкость, необходимая для слѣдованія путемъ нужной протекціи, всегда составляли крупное преимущество инороднаго чиновника передъ чистокровными русскими. Про то гласитъ краснорѣчиво исторія нашей бюрократіи.... Бываютъ, конечно, исключенія, но они вѣдь подтверждаютъ правило, какъ говорить пословица.

Вмѣсто злосчастнаго Маргоровскаго къ намъ былъ приглашенъ глуповатый, но добросовѣстный нѣмецъ Маакъ, значительно расширившій въ своихъ преподаваніяхъ область естествовѣдѣнія и присоединившій съ собою, для изслѣдованія, всевозможные плоды и овощи, которые между прочимъ, вѣроятно изъ любознательности, я тутъ же и съѣдалъ, иногда, къ общему негодованію, ранѣе даже научной надъ ними демонстраціи.

Это обстоятельство слѣдовало всецѣло отнести къ несовмѣстности моей почтенной должности главнокомандующаго оловянной арміей со званіемъ члена научнаго общества, а еще болѣе къ моему юному тогда возрасту.

Съ наступленіемъ весны, когда жители Петербурга вообще, а нашего дома въ частности, какъ-бы оживлялись послѣ длиннаго зимняго сезона, вся жизнь столицы, согрѣтой лучами солнца, принимала иной, своеобразный характеръ. Освобожденная отъ заточенія въ свой ледяной кровъ, Нева вся покрывалась парусными судами, яликами, небольшими пароходами, около Биржи открывалась съ пер-

вой же навигаціей выставка всевозможныхъ привозныхъ птицъ, собакъ и обезьянъ, всё дома, какъ будто, теряли свой унылый видъ и Лѣтній садъ, вычищенный и убранный, съ чисто вымытыми мраморными статуями мифологическихъ боговъ, открывалъ съ набережной Невы свои чудныя, кованнаго желѣза, ворота всему Петербургскому великосвѣтскому обществу, наполнявшему отъ 3-хъ до 5-ти часовъ большую аллею сада, обсаженную высокими липами время еще Елизаветы Петровны. Всадники и амазонки двигались по круговой аллѣ сада, предназначенной исключительно для верховой ѣзды. Въ экипажахъ ѣздили лишь члены Императорской семьи.

Во времена моихъ юношескихъ лѣтъ городъ обѣдалъ въ 5 часовъ и до обѣда въ Лѣтній садъ съѣзжалась масса свѣтскихъ дамъ пощеголять новыми весенними нарядами, а равно и степенные савановники, чтобы прогулкой по большой аллѣ поразмять свои члены, отягощенные долгимъ сидѣніемъ въ различныхъ вѣдомствахъ и министерствахъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ служебный день Петербурга начинался вѣдь съ 10 часовъ утра, а къ тремъ, четыремъ всё присутственныя мѣста уже пустѣли.

До трехъ часовъ пополудни Лѣтній садъ былъ наполненъ дѣтьми различнаго возраста и общественного положенія. Сейчасъ же послѣ семейнаго завтрака, отправлялся я туда вмѣстѣ съ Мишей и Володей Веневитиновыми подъ наблюденіемъ ихъ гувернера Гюльелми, а за нимъ Буаселіе, распространявшими и на меня свои права наружнаго педагогическаго наблюденія.

Какъ я уже говорилъ, ближайшее вліяніе на мое юношеское образованіе мой добрый отецъ оставилъ за собой, не потому ли, что самъ, пройдя школу инородныхъ рукъ, онъ по опыту зналъ, не вполне довѣряя космополитическому складу мыслей, внедренному въ своихъ ученикахъ различными выходцами изъ за границы, равно чуждыми какъ русскому чувству, такъ и нашей вѣрѣ. Типъ же русскаго гувернера тогда еще не былъ вполне выработанъ условіями общественной жизни, или же слишкомъ часто уподоблялся личности Маргореваго, о которомъ я говорилъ выше.

Сборнымъ пунктомъ для встрѣчи съ нашими юными друзьями въ Лѣтнемъ саду разъ навсегда была избрана статуя, помѣщающаяся и понынѣ въ началѣ такъ-называемой второй аллеи сада. Туда

явился Бопи Шуваловъ съ своимъ неизмѣннымъ Ю. Ф. Бозе, Алеша Философовъ, Миша Смирновъ и вмѣстѣ съ нимъ Сережа Оболенскій, котораго мы ласкательно называли Обобобо, по случаю его легкаго заиканія. Къ этой постоянной компаніи присоединялись и другіе знакомые намъ сверстники, и ежедневныя встрѣчи въ Лѣтнемъ саду представляли собою весеннее собраніе того же Клуба конькобѣжцевъ. Игра въ мячъ крючкочуватыми палками на льду замѣнилась игрой въ казаки и разбойники по обширному пространству всего сада въ то время, какъ наши педагоги коротали время, попивая пиво и кофе въблизи находившагося въ саду кафе. Насъ же продовольствовали, за доступную дѣтскому карману цѣну, торговцы пряниками, продажа которыхъ существовала въ ту пору въ различныхъ пунктахъ Лѣтняго сада на устроенныхъ обширныхъ лоткахъ. Копеекъ за 10—15 мы всегда имѣли возможность, поѣдая сомнительнаго свойства пряники и шоколадъ, исправно разстраивать себѣ желудокъ. Въ этомъ направленіи особенно успѣшно дѣйствовали наши друзья Философовъ и Оболенскій. Долженъ сознаться, что я неукоснительно слѣдовалъ ихъ прилежанію въ этомъ дѣлѣ. Весной до отъѣзда на дачу уроки начинались на часъ раньше, но за то вечеромъ занятія отбѣнялись и мы снова проводили время или въ саду, или сопровождали родителей на острова, на такъ-называемую „Стрѣлку“.

VII.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ я слышалъ въ церкви Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ я въ это воскресенье былъ съ матерью и сестрами.

Какъ меня, такъ и всѣхъ моихъ знакомыхъ сверстниковъ охватило чувство общей радости, скажу болѣе, восторга. Собравшись въ этотъ день, какъ бывало по праздникамъ, послѣ обѣда, внизу у двоюродныхъ братьевъ Веневитиновыхъ, наша обычная юная компанія, о которой я уже упоминалъ по поводу прогулокъ въ Лѣтнемъ саду, вся была проникнута какимъ-то торжественнымъ настроеніемъ. Воспитанные всѣ въ своихъ семьяхъ, жившихъ въ Петербургѣ (Философовъ посѣщала третью, а Смирновъ вторую гимназій, но жили они дома),

мы были мало знакомы съ бытовою стороною жизни крестьянъ, но мы отъ души за нихъ радовались и уже понимали тогда все политическое и общественное значеніе великаго дѣла уничтоженія крѣпостного права. Насколько помню, все общество было въ ту пору охвачено чувствомъ удовлетворенія національнаго достоинства. Дворянство сознавало, что, призванное своимъ Государемъ сдѣлать великое дѣло, оно въ лицѣ своихъ представителей, съѣхавшихся въ Петербургъ для работъ въ редакціонной комиссіи, сдѣлало это дѣло честно, хорошо, служа по совѣсти лишь благу своего народа.

Помню, что черезъ нѣкоторое время я былъ поставленъ въ полное недоумѣніе, когда вскорѣ послѣ манифеста явились къ моей матери бывшіе крестьяне Ярославской губерніи, бывшіе на оброкѣ, и слезно просили, кланяясь въ землю, чтобы данная свобода ихъ не касалась, утверждая, что имъ и безъ нея жить хорошо, и проси похлопотать, чтобы имъ было оставлено ихъ прежнее положеніе. Старшіе братья объяснили имъ всю несообразность ихъ просьбъ.

Братъ мой Евграфъ Егоровичъ въ это время служилъ на Кавказѣ, при Князѣ Барятинскомъ, но при учрежденіи Института Мирowychъ посредниковъ немедленно оставилъ свою службу при Намѣстникѣ, поселился въ с. Городище и, въ качествѣ мирового посредника перваго призыва, занялся введеніемъ уставныхъ грамотъ въ порученномъ ему участкѣ, разъясняя крестьянамъ всѣ требованія знаменитаго „Положенія“.

Заботы и попеченія о крестьянахъ во времена великаго дѣла ихъ освобожденія не принимали, какъ нынѣ, одну лишь форму многорѣчивыхъ преній, но существовали на дѣлѣ. Правда, что тогда еще не проявляла себя та желчная и завистливая современная интеллигенція, основаніемъ заступничества за крестьянъ которой служить лишь чувство ненависти къ имущему классу землевладѣльцевъ.

Мой братъ Алексѣй былъ уже въ Университетѣ, моя же судьба еще не была рѣшена, и я пока оставался на попеченіи отца, который всецѣло занимался моимъ образованіемъ, стараясь при этомъ внушить и развить во мнѣ тѣ нравственные качества, которыми отличалась вся его безпорочная жизнь, хорошо оцѣненная всѣми его знавшими. Сознаюсь, что едва ли я былъ достоинъ такого примотра.

Главной основой всего жизненного пути отец мой, конечно, считалъ религію и старался твердо укоренить во мнѣ религіозное чувство, но ничѣмъ не насилуя и не придавая, отнюдь, первенствующаго значенія его наружному проявленію. Какъ вѣрно замѣчаніе англійскаго ученаго Бэкона: „Много знанія приближаетъ человѣка къ религіи, мало же отдаляетъ отъ нея человѣка“. При всей выдающейся учености моего отца, его глубокая вѣра не допускала никакой разсудочности и его смиренное чувство христіанина выражалось съ дѣтской простотой въ добрыхъ дѣлахъ, мало кому извѣстныхъ, и неподдѣльной любовью къ своему ближнему. Своимъ примѣромъ еще болѣе, чѣмъ разговорами, онъ внушалъ мнѣ, что ходить въ церковь и молиться Богу не есть единственно долгъ или подвигъ, но составляетъ высшее отрадное чувство при приближеніи къ источнику всего добраго и хорошаго въ жизни. Это отрадное, святое чувство бываетъ чуждо всякой показной сторонѣ.

Любимой церковью отца была церковь Симеонія на Моховой, по сопряженнымъ съ этимъ храмомъ воспоминаніямъ: въ немъ отпѣвали его мать, мою бабушку Елизавету Егоровну, передъ отправленіемъ ея тѣла въ Городище. Къ Симеонію мой отецъ ежедневно ходилъ къ обѣднѣ, а по праздникамъ и я его всегда туда сопровождалъ. Отецъ всегда стоялъ среди молящагося народа, мнѣ же разрѣшалось стоять въ алтарѣ, гдѣ служилъ и мой законоучитель отецъ Василій Барсовъ. Хорошо помнятся и прочіе священники, обслуживающіе эту церковь. Протоіереемъ въ ней былъ толстый отецъ Алексѣй, онъ картавилъ и во всякомъ словѣ, въ которомъ встрѣчалась буква р, онъ ее помѣщалъ въ нѣсколькихъ лишний экземплярахъ, такъ „право правящихъ“ и пр. было слышно „пррраво пррравящихъ“. Видъ его всегда казался мнѣ нѣсколько высокомернымъ. Другой священникъ, худощавый отецъ Смарагдовъ, своей наружностью напоминалъ земной обликъ Спасителя, производилъ на меня самое отрадное впечатлѣніе, располагавшее меня къ молитвѣ, между тѣмъ какъ строгое лицо отца Барсова вселяло во мнѣ нѣкоторое чувство трепета, вполне усвоеннаго мной во время его уроковъ Закона Божія, при моихъ нетвердыхъ ему отвѣтахъ.

По окончаніи обѣдни, отецъ мой всегда раздавалъ милостыню стоявшимъ на паперти нищимъ, а когда я бывалъ съ нимъ, то эта

обязанность падала на меня, для чего и я снабжался цѣлой массой мелкой монеты. Объ этомъ отецъ мой всегда совѣтовалъ мнѣ не распространяться въ разговорахъ, такъ какъ, говорилъ онъ, одна рука въ такомъ дѣлѣ не должна знать, что дѣлаетъ другая. Съ этой цѣлью мы и ожидали, чтобы масса молящихся за обѣдней удалилась изъ церкви.

Когда я просилъ отца идти къ обѣднѣ въ воскресенье въ домовую церковь Графини Протасовой, то онъ всегда охотно соглашался, но при этомъ замѣчалъ: „а что скажутъ наши бѣдные у Симеонія“. Впрочемъ они отъ этого ничего не теряли, такъ какъ на другой день, рано утромъ, являлись за своимъ подаваніемъ къ намъ въ домъ, съ черной лѣстницы, куда я къ нимъ выходилъ, по порученію отца. Въ домѣ мало кому это было извѣстно.

Чудная домовая церковь Графини Протасовой, въ которую я стремился по воскреснымъ днямъ, имѣла для меня значеніе не только религіознаго характера, но долженъ сознаться, оно было не чуждо и свѣтскаго помысла. Дѣло въ томъ, что въ этой церкви я встрѣчалъ много своихъ сверстниковъ. Тамъ бывалъ съ своимъ отцомъ Боби Шуваловъ, туда же являлись и Веневитиновы; Димъ Голицынъ прислуживалъ священнику и во время службы выходилъ изъ алтари съ большой восковой свѣчей. Бывали на лицо и всѣ наши юныя дамы съ Княжнами Вавочкой и Едой во главѣ. Послѣ обѣда насъ всѣхъ поили шеколадомъ и открывали для нашихъ игръ залъ, въ которомъ помѣщалась большая деревянная гора. Цѣлые полчаса, пока большіе пили чай въ гостиной Графини Наталіи Дмитріевны, продолжалась дѣтская бѣготня и катаніе съ горы. Это ли не соблазнъ счастливыхъ дѣтскихъ лѣтъ?

Отецъ мой, проникая своей добротой во всѣ тайники дѣтской души, хорошо понималъ, что меня особенно влекло въ церковь Графини Протасовой, снисходительно къ этому относился. Самъ онъ въ эти дни бывалъ и у ранней обѣдни въ своемъ неизмѣнномъ приходѣ Симеонія и Анны на Моховой.

Ко всенощной мы ходили обыкновенно съ отцомъ и матерью въ церковь бывшаго въ то время Министерства Удѣловъ, на Литгѣйной. Министромъ былъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, будущій Виленскій Генералъ-Губернаторъ. Супруга его Пелагея Васильевна

была рожденная Шереметева, и вмѣстѣ съ ней жила ея близкая родственница Екатерина Сергѣевна Шереметева, съ своей семьей. Тамъ я впервые познакомился съ ея сыновьями, Петрушей и Володей. Изъ нихъ первый умеръ еще въ юности, второй же впослѣдствіи былъ женатъ на Графинѣ Е. Г. Строгановой и командовалъ Конвоемъ Его Величества въ царствованіе Императора Александра III. Сестра ихъ Анна Алексѣевна, которая и понынѣ здравствуетъ, была еще въ ту пору совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Я ее хорошо помню въ коротенькомъ траурномъ платьѣ, такъ какъ мое знакомство съ Шереметевыми относилось еще къ зимѣ 1857 года, въ который умеръ ихъ отецъ Алексѣй Васильевичъ.

Отецъ мой не любилъ то, что принято называть „свѣтомъ“, и постоянно отъ него удалялся. Ко Двору его тоже никогда не тянуло. Когда, въ началѣ 60-хъ годовъ, образованіе покойнаго Цесаревича Николая Александровича потребовало уже серьезнаго направленія, то Императрица Марія Александровна подумала объ отцѣ, но онъ рѣшительно заявилъ свою непоколебимую вѣру въ пачала лишь строгаго классическаго образованія. Не любя свѣтъ, отецъ мой, тѣмъ не менѣе, любилъ общество, служащее обмѣну мыслей, но не банальному разговору, а тѣмъ болѣе всякаго рода сплетнямъ, которыя у насъ въ семьѣ не произносились.

Ежедневно у насъ обѣдалъ кто-либо изъ близкихъ знакомыхъ. Въ послѣобѣденное время всѣ присутствовавшіе собирались вокругъ круглаго стола, на которомъ покойная мать раскладывала единственный пасіансъ, который умѣла. Частыми нашими посѣтителями бывали два друга, извѣстные всему Петербургскому обществу, Графъ Фредро и Леви. Оба они были участниками существовавшаго въ тѣ времена общества Фаланстера, единственною цѣлью котораго было лишь по возможности пріятное препровожденіе времени, служащее отдыхомъ отъ дѣлъ для всѣхъ членовъ этого веселаго общества. Оно возникло еще при жизни Графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, который былъ основателемъ и вдохновителемъ Фаланстера. На моей памяти дѣятельными членами общества были: Гр. В. А. Соллогубъ (авторъ Тарантаса), Д. Григоровичъ, Гр. Г. А. Строгановъ, изъ молодежи П. Демидовъ (Санъ-Донатъ) и Бенардаки. Остальныхъ уже не помню. Допускались и выдающіеся артисты, изъ которыхъ

помню опернаго пѣвца Ла-Блашъ, толстаго старика, съ лъвиной головой. Засѣданія этого оригинальнаго общества происходили исключительно за ужинами, всего чаще дававшимися внизу, у дяди Веневитинова, который былъ извѣстнымъ въ свое время гастрономомъ, и у Гр. Гр. Ал. Строганова, любившаго, какъ извѣстно, хорошо поѣсть и не брезговавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо и выпить. Дамы, конечно, на этихъ ужинахъ не присутствовали, такъ какъ на нихъ зачастую декламировались стихи разнообразнаго характера.

Очень талантливый музыкантъ Леви, уроженецъ Вѣны, котораго въ домъ Вьельгорскихъ ввелъ бывший въ тѣ времена секретарь Австрійскаго посольства Гр. Сечени, былъ вполне благовоспитаннымъ и очень остроумнымъ человѣкомъ, оставшимся до своего отъѣзда изъ Петербурга другомъ семьи Веневитиновыхъ и моей. Вмѣстѣ съ Фредро онъ былъ душой Фаланстера и завѣдывалъ его музыкальною частью. Многія его сочиненія для фортепіано были напечатаны и бойко распространялись въ Петербургѣ.

Въ первые годы царствованія Императора Александра II, въ глубокую осень или зимой Дворъ отправлялся недѣли на двѣ въ Гатчину, куда и приглашалась свита и приближенные ко Двору лица. Тамъ ежедневно по вечерамъ устраивались для собранной молодежи разныя игры и шарады, устроителями которыхъ неизмѣнно являлись Графъ Фредро и Леви. Покойный Государь Александръ Николаевичъ весьма благоволилъ къ нимъ обоимъ.

Спустя многіе годы, я видѣлъ Леви уже совсѣмъ престарѣлымъ въ Вѣнѣ, куда онъ переселился по полученіи пенсіи за свою службу въ Россіи. Со слезами вспоминалъ онъ милость къ нему Государя, котораго боготворилъ. Не забывалъ онъ и привѣтливость, съ которой относилось къ нему, во время его пребыванія въ Россіи, высшее Петербургское общество.

Бѣдный старикъ часто со слезами вспоминалъ прошлое и грустно говаривалъ: „а здѣсь, на своей родинѣ, я какъ въ лѣсу“. Онъ жилъ, однако, въ отдаленной части Вѣны, а лѣто всегда проводилъ въ Венгріи, у своего стариннаго друга Сечени.

Графъ Фредро, родомъ полякъ и ревностный католикъ, былъ человѣкъ весьма умный, блестяще образованный, съ наружностью, напоминающей типъ Бурбоновъ, и отличавшійся добрымъ и не-

измѣнно веселымъ нравомъ. У насъ и въ семьѣ Веневитиновыхъ онъ былъ, что называется, своимъ человѣкомъ. Отецъ мой его очень любилъ и вель съ нимъ, преимущественно за обѣдомъ, безконечные споры о непогрѣшимости папы Римскаго и о его свѣтской власти. Споры эти никогда, конечно, не принимали личнаго характера и велись исключительно на почвѣ богословія, въ которомъ отецъ мой былъ глубокимъ знатокомъ, самымъ благодушнымъ образомъ. Иногда Фредро, доведенный до крайности неоспоримыми доказательствами отца, съ комическимъ отчаяніемъ взывалъ къ тѣмъ же обѣдавшей, ярой католичкѣ *) и восклицалъ: „Когда нибудь, быть можетъ, насъ здѣсь обоихъ, какъ еретиковъ сожгутъ на кострѣ“. Подобные возгласы обращали разговоръ въ остроумный и непринужденный обмѣнъ шутокъ, со стороны обѣихъ спорящихъ сторонъ. Фредро называлъ „la grande demoiselle du bon Dieu“, намекая при этомъ на успѣхи при Дворѣ извѣстной нѣкогда фрейлины Княжны Долгоруковой, пользовавшейся большимъ вліяніемъ и почтительнымъ вниманіемъ Александра II въ первые еще года его царствованія.

У отца былъ большой другъ, въ лицѣ инженернаго генерала Алексѣя Николаевича Загоскина (брата автора Юрія Милославскаго), извѣстнаго богослова и очень набожнаго и добраго человѣка. Загоскинъ былъ старикъ высокаго роста и очень сутуловатъ. Его Фредро въ шутку называлъ „ “ *). Своего же неизмѣннаго друга Леви, весьма небольшого роста и отдаленнаго еврейскаго происхожденія, онъ не иначе называлъ, какъ „ . . . “ *). Хорошо помню печатку, на которой было гравировано это прозвище и висѣвшую у Леви на часовой цѣпочкѣ. Онъ всегда ее носилъ, какъ память отъ Графа Г. А. Строганова, которому былъ искренно преданъ. Къ моей покойной сестрѣ Лизѣ и ко мнѣ Гр. Фредро не иначе обращался, какъ называя насъ „Женевьева“ и „Нектабанусъ“ (имена карлицы и карлика въ одномъ изъ романовъ Вальтеръ Скотта).

Къ своимъ разнообразнымъ дарованіямъ Фредро присоединилъ замѣчательный талантъ каррикатуриста. Нѣкоторыя его каррикатуры сохранились. На одной изъ нихъ увѣковѣченъ и я, еще мальчикомъ, подъ именемъ „Нектабануса“.

Покойная Великая Княгиня Елена Павловна очень благоволила

*) Пробѣлъ въ подлинникѣ Запсоекъ.

къ Гр. Фредро, и онъ постоянно устраивалъ у нея живыя картины и ставилъ сочиненныя имъ театральныя пьесы, въ которыхъ участвовала молодежь, какъ Царской фамилии, такъ и всего избраннаго Петербургскаго общества. Леви на этихъ вечерахъ завѣдывалъ музыкальною частью. Какъ извѣстно, во время, о которомъ я упоминаю, въ Михайловскомъ Дворцѣ Великая Княгиня Елена Павловна, исключая развлеченій, сосредоточивала и центръ умственнаго движенія столицы, вызваннаго реформами Императора Александра II. Гостепріимствомъ Великой Княгини постоянно пользовались многіе дѣятели крестьянской реформы, и въ ея присутствіи происходилъ обмѣнъ мыслей выдающихся членовъ редакціонной комиссіи, вызванныхъ по этому случаю въ Петербургъ. На ея вечерахъ постоянно присутствовали Ю. Ф. Самаринъ, Кн. В. А. Черкасскій, Н. А. Милютинъ, Г. II. Галаганъ и пр. лица, труды которыхъ въ настоящее время составляютъ уже достояніе исторіи. Всѣ они прислушивались къ просвѣщенному мнѣнію Великой Княгини, пользовавшейся среди нихъ заслуженной популярностью высокообразованной и умной женщины, умѣвшей вникать въ интересы, столь удаленные въ большинствѣ случаевъ отъ придворныхъ сферъ.

Помнится, какъ при мнѣ разсказывали, что на одномъ изъ вечеровъ въ Михайловскомъ Дворцѣ Великая Княгиня Марія Николаевна, находившая повидимому, что вообще сужденія Милютина напоминали собой образъ мыслей извѣстнаго Марата, замѣтила ему: „я бы желала быть Шарлотой Корде, чтобы покопчить съ вами“. „Но въ такомъ случаѣ, я долженъ въ присутствіи В. В. сѣсть въ ванну“,—отвѣтилъ, не смутясь, Николай Алексѣевичъ.

Возвращаясь къ Графу Фредро, слѣдуетъ упомянуть и о его печальномъ концѣ. Во время польскаго возстанія, по мнѣнію Фредро, его положеніе въ Петербургѣ, гдѣ онъ пользовался общими симпатіями и насчитывалъ массу друзей, становилось, какъ поляка, затруднительнымъ, и онъ съ самаго начала польской смуты совершенно уединился и, не взирая на просьбы его добрыхъ знакомыхъ и друзей, настойчиво отказывался кого-либо посѣтить. Однажды ночью онъ неожиданно явился къ ксендзу въ возбужденномъ состояніи и потребовалъ, чтобы тотъ немедленно его исповѣдывалъ и пріобщилъ, такъ какъ онъ считалъ себя преступникомъ и долженъ непремѣнно умереть.

Усмотрѣвъ у несчастнаго всѣ признаки умопомѣшательства, всендѣ, который случайно зналъ о дружескихъ отношеніяхъ Фредро съ Гр. Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ, далъ знать послѣднему, который и отвезъ своего друга въ больницу для умалишенныхъ. Тамъ бѣдный Фредро вскорѣ и умеръ, оставляя память о себѣ у всѣхъ его знавшихъ, какъ объ умномъ, добромъ и богато одаренномъ человѣкѣ. Добавлю, что при всемъ этомъ Графъ Фредро не лишенъ былъ и оригинальности. Помню, что онъ никогда не хотѣлъ встрѣчать новый годъ въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, увѣряя, что принесъ бы несчастіе той семьѣ, въ которой провелъ бы вечеръ наканунѣ новаго года. Себя самого онъ считалъ бы пропавшимъ человѣкомъ, если бы въ пятницу онъ рѣшился сѣсть на извозчика, у котораго была запряжена бѣлая лошадь. Отецъ мой, очень его цѣнившій, часто дружески замѣчалъ ему, что его различныя сужденія чужды христіанскихъ вѣрованій и скорѣе относятся къ временамъ язычества, въ чемъ Фредро хотя и каялся, но не могъ отъ нихъ отказаться. Весьма близкимъ другомъ отца былъ извѣстный поэтъ, Федоръ Ивановичъ Тютчевъ, котораго всѣ уважали за его умъ и выдающееся дарованіе. Вмѣстѣ съ Тютчевымъ отецъ служилъ въ Комитетѣ Цензуры Иностранной, состоявшемъ тогда еще въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и помѣщавшемся въ зданіи Петербургскаго Университета. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ Комитета, лѣтомъ же его замѣнялъ мой отецъ. Комитетъ Иностранной Цензуры, въ которомъ служили также поэты Майковъ и Полонскій, имѣлъ въ тѣ времена чисто академическій характеръ и не былъ тѣмъ бюрократическимъ учрежденіемъ, которымъ является въ настоящее время. Отъ стараго Комитета осталось лишь кресло Предсѣдателя съ именами на немъ Тютчева и Майкова, для вѣщаго, вѣроятно, вдохновенія возсѣдающаго на немъ нынѣ Графа Александра Михайловича Муравьева....

Выше я уже говорилъ, что отецъ мой не любилъ посѣщенія свѣтскихъ вечеровъ и обѣдовъ, предпочитая имъ тѣсный кружокъ ему близкихъ людей. Исключеніе онъ дѣлалъ лишь для: Графини Антонины Дмитріевны Блудовой, у которой бывалъ иногда по четвергамъ вечеромъ, Анастасіи Николаевны Мальцевой и трехъ сестеръ Смирновыхъ, у которыхъ бывали обѣды съ видными представителями

дипломатическаго корпуса, на которые для разговора обыкновенно приглашался отецъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ.

Марію, Александрѹ и Елену Осиповну Смирновыхъ знали весь Петербургъ и онѣ всѣхъ знали. Жили онѣ по сосѣдству съ нами на Михайловской площади въ домѣ Крылова, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится еще незастроенное пространство земли, противъ Михайловскаго дворца.

Старшая изъ трехъ сестеръ, Марія Осиповна, носила слѣды когда-то замѣчательной красоты, какъ о томъ гласило преданіе. Я ее помню уже старухой, высокаго роста, царственной осанки, съ большими глазами и правильными чертами лица. Она, казалось, никогда не нагибалась, до того она себя держала прямо и величественно. Какъ и всѣ три сестры, она была очень словоохотлива и любила говорить о впечатлѣніи, производимомъ въ былыя времена ея виѣнностью на безчисленныхъ поклонниковъ. Я никогда собственно не могъ разобрать, кто особенно былъ ею очарованъ, Императоръ ли Александръ I, или же армянинъ Лазарь Якимовичъ Лазаревъ, имя котораго было связано почему-то съ легендами о неотразимой красотѣ Маріи Осиповны.

Кстати, этотъ Лазаревъ находился въ родствѣ съ Веневитиновыми, такъ какъ былъ женатъ на Принцессѣ Биронъ, родственницѣ тетки Аполлины Михайловны. Онъ бывалъ часто у насъ, и я хорошо его помню. Онъ носилъ на головѣ кокъ изъ волосъ. У него былъ очень большой носъ, спускавшійся ко рту. По поводу формы этого носа покойный Фредро говаривалъ, шутя, что Лазарь Якимовичъ безсмертенъ, такъ какъ его послѣдній вздохъ непременно попадетъ въ носъ, откуда обернется въ ротъ, потомъ опять въ носъ и т. д. до безконечности. Лазаревъ былъ очень добрый и хорошій человекъ. Онъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, и между прочимъ, ему принадлежалъ домъ на Михайловской площади, въ которомъ потомъ помѣщался дворецъ В. К. Николая Николаевича. Помню, что дѣтьми насъ водили смотрѣть этотъ великолѣпный внутри домъ, когда онъ только что былъ отдѣланъ.

Въ то время, какъ Марія Осиповна Смирнова царила въ своей гостиной и принимала за обѣдами чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, ея младшая сестра, Александра Осиповна завѣдывала домаш-

нимъ хозяйствомъ и заказами обѣдовъ, а третья сестра, Елена, поддерживала внѣшнія сношенія семьи со всѣмъ Петербургскимъ свѣтомъ*). Обѣды и вечера Елена Осиповна постоянно проводила внѣ дома, у своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ была и моя семья. Носила она прическу и нарядъ еще времени Александра I и говорила басомъ, что не совсѣмъ соотвѣтствовало ея сердечной добротѣ. Хотя темой ея разговоровъ было всегда пересуды того, что дѣлалось въ свѣтѣ, но въ нихъ не замѣчалось и слѣда злословія или враждебности. Она замѣняла собой свѣтскую Петербургскую газету, самаго поверхностнаго, но всегда доброжелательнаго содержанія.

У насъ Елена Осиповна всегда обѣдала по пятницамъ вмѣстѣ съ родственницей моего отца, Дарьей Нивитишной Остафьевой**), рожд. Кн. Урусовой. Послѣ обѣда, когда отецъ и Фредро продолжали свои нескончаемыя пренія объ отношеніи папы Римскаго къ Православной Церкви, обѣ старушки обыкновенно садились играть съ матерью и Леви по „маленькой“ въ ералашъ. Позднѣ вечеромъ, почти ежедневная партія моей матери въ преферансъ состояла неизмѣнно изъ Графини Разумовской, Князя Павла Павловича Гагарина, бывшаго Предсѣдателя тогдашняго Комитета Министровъ, и Алексѣя Иларіоновича Философова, воспитывавшаго въ свое время Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

Эта постоянная партія была даже увѣковѣчена единственнымъ въ то время фотографомъ Петербурга Шпаковскимъ, имѣвшимъ свою мастерскую на Васильевскомъ островѣ.

Графиня Разумовская жила на Сергіевской въ первомъ этажѣ дома Гр. Сумарокова, въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ хозяинъ съ семьей своей дочери Княгини Зои Сергѣевны Оболенской, о чемъ уже мною было говорено. Она жила очень открыто зимой въ Петербургѣ, а лѣтомъ на своей дачѣ въ Петергофѣ, противъ Верхняго Сада. Однимъ изъ условій жизни уже 80-ти лѣтней Графини была

*) Герценъ писалъ въ своемъ знаменитомъ „Колоколѣ“, что сестры Смирновы были не чужды внушеній со стороны существовавшего тогда 3-го отдѣленія собственной Е. В. Канцеляріи, передававшего вполнѣтвѣніи свое дѣлопроизводство въ нынѣшній Департаментъ Полиціи.

**) Сестра моего дѣда Комаровскаго, была за Остафьевымъ.

ей вечерняя партія въ преферансъ, зимніе участники которой мною были только что названы, лѣтомъ же она составлялась изъ лицъ, находящихся въ Петергофѣ на дачѣ или по службѣ. Обыкновенными лѣтними партнерами Графини являлись поочередно бывший тогда Директоръ Пажескаго Корпуса Генераль Озеровъ, проводившій лѣто съ пажами въ Петергофскомъ лагерѣ, Командиръ мѣстнаго Уланскаго полка П. Н. Волковъ, Баронъ Фелейзентъ, получившій въ наследство отъ Штиглица Петергофскую желѣзную дорогу и титулъ Барона отъ Императора Александра II, во время Петергофскаго праздника 22 Іюля, кажется, 1863 года, и прочіе обитатели Петергофа.

Зимой Графиня Разумовская часто давала балы, на которыхъ появлялась жившая въ то время у нея ея прелестная внучка, Княжна Марія Григорьевна Вяземская, бывшая въ дружбѣ съ моими сестрами и которую, во времена моего юнкерства, я окружалъ почтительнымъ чувствомъ восторженнаго поклоненія.

Графиня Разумовская, рожденная Вяземская, была въ отдаленныя времена своей молодости, еще при Александрѣ I, въ первомъ бракѣ за Кн. Голицынымъ, проигравшимъ, какъ говорятъ, свою супругу въ карты Графу Льву Кирилловичу Разумовскому. По этому случаю существуетъ легенда, гласящая, что когда Графъ поселился уже съ молодой женой въ своемъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Англійскій клубъ, то Кн. Голицынъ, первый мужъ Графини, пробирался въ садъ этого дома и, влѣзая на липу передъ окнами, наблюдалъ, что происходитъ въ комнатахъ. Еще интереснѣе фактъ, характеризующій эпоху, является то обстоятельство, что когда Разумовскій, узнавшій объ этомъ, какъ настоящій баринъ, предложилъ Голицыну не утруждать себя сидѣніемъ на деревѣ, а для удобства наблюденія переѣхать къ нему въ домъ, то Кн. Голицынъ охотно принялъ это предложеніе и поселился въ домѣ Разумовскаго. Одинъ изъ Московскихъ старожиловъ передавалъ мнѣ, что та же липа существуетъ и понынѣ со стороны сада передъ окнами Англійскаго клуба. Осталось невыясненнымъ, что именно въ данномъ случаѣ руководило поступкомъ Разумовскаго, жалость ли къ судьбѣ несчастнаго игрока, или же непоколебимая вѣра въ цѣломудріе своей молодой супруги.

Въ Петергофѣ, гдѣ моя семья также проводила лѣто, мнѣ особенно памяты вечера на дачѣ Графини Разумовской. Я уже говорилъ, что ежедневно у нея собиралась партія въ преферансъ и въ этой же комнатѣ, наполненной цвѣтами и растеніями, помѣщался круглый столъ, за которымъ разливала чай внучка, Княжна Вяземская.

Я долженъ сознаться, что милое общество Княжны было, въ тѣ счастливыя времена, причиной моихъ частыхъ, вмѣстѣ съ сестрой, посѣщеній этихъ вечеровъ. Престарѣлая Графиня была со всѣми одинаково привѣтлива и очень любила молодежь. Княжнѣ было всего 15 лѣтъ, мнѣ же въ это время, совпадавшее съ годомъ поступленія моего на службу, едва только минуло 16. Во время нашихъ оживленныхъ разговоровъ за чайнымъ столомъ, часто прерываемыхъ искреннимъ, еще дѣтскимъ смѣхомъ, хозяйка дома, случалось, прерывала игру и, обращаясь къ своимъ партнерамъ, говорила, указывая на пастъ: „Имъ веселѣе, чѣмъ намъ“. Она была права, но не долго пришлось беззаботно смѣяться Княжнѣ Маріи Григорьевнѣ, такъ какъ, со смертію доброй и любившей ее бабушки, многое измѣнилось и въ ея судьбѣ....

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потребовало дальнѣйшихъ преобразованій политической и общественной жизни, и вся мыслящая Россія была озабочена осуществленіемъ послѣдующихъ реформъ. Предполагалось улучшеніе экономическихъ условий, при которыхъ приходилось существовать вновь призваннымъ къ самостоятельной гражданской жизни десяткамъ милліоновъ населенія, путемъ выборнаго начала и учрежденія земства, обезпеченія правильнаго теченія правосудія, посредствомъ введенія гласнаго судопроизводства, дарованія населенію ограждающихъ его отъ административнаго произвола правъ нѣкоторой самостоятельности созданіемъ среди него органовъ сельскаго и городского самоуправления и, наконецъ, преобразованія нашей военной силы, предпринятаго бывшимъ тогда Военнымъ Министромъ Д. А. Милютинимъ. Забыта была при обновленіи Россіи духомъ великихъ преобразованій Императора Александра II, стремящихся поставить населеніе въ уровень съ культурными народами Западной Европы, забыта была, повторяю, лишь великая историческая сила, руководящая нравственными устоями населенія, его религіозными вѣрованіями, соединявшими понятіе о по-

мазанниѣ Божіемъ, и вложенными въ основаніе русской государственной идеи, сила нашего духовенства, поставленнаго неприкосновеніемъ къ нему реформъ какъ-бы въ условія ненужнаго, случайнаго элемента, вторгнувшагося въ жизнь русскаго народа.

Не съ точки зрѣнія мистическаго міросозерцанія, позволяю себѣ думать, что переживаемыя нашей родиной внутреннія неурядицы, возникновеніе въ нашемъ народѣ чуждыхъ его природѣ политическихъ, а подъ часъ анархическихъ стремленій, раздутыхъ въ немъ стараніями современнаго массонства и его подпольной пропагандой, стоитъ въ прямой зависимости отъ положенія нашего духовенства, оставленнаго въ первобытномъ несоотвѣтствіи съ приподнятымъ уровнемъ населенія, развивавшагося подъ вліяніемъ культурныхъ преобразованій эпохи 60-хъ годовъ. Освобождая миллионы крестьянъ, слѣдовало бы намѣтить тотъ классъ населенія, который способенъ былъ стать прямымъ руководителемъ уже выпущеннаго на свободу народа. При этомъ руководствѣ необходимо было и довѣріе со стороны населенія, но этого довѣрія къ наносному у насъ бюрократизму ожидать было нельзя, такъ какъ стоявшіе всего ближе къ населенію органы административной власти до освобожденія крестьянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ ознаменовали себя лишь подвигами лихоимства и сутяжничества, не обладающими, понятно, свойствами, внушающими довѣріе населенію.

Тогда сама дѣйствительность указывала на историческое и нравственное значеніе духовенства и его первенствующую роль среди народа, но для этого до освобожденія крестьянъ слѣдовало приступить къ поднятію какъ образовательнаго, такъ и матеріальнаго уровня сельскаго духовенства, какъ необходимое условіе существованія прихода, въ интересахъ его нравственнаго и обще-политическаго вліянія на массу пущеннаго на волю населенія.

Какъ во время трудовъ по крестьянской реформѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, такъ и вслѣдъ за манифестомъ 19 Февраля, выдвигая изъ своей среды свою лучшую рабочую силу міровыхъ посредниковъ перваго призыва, дворянство съ своей стороны оказало громадную услугу своему народу, но его заслуга передъ нимъ была бы еще дѣйствительнѣе, если бы то же дворянство встрѣтило существенную и нравственную помощь со стороны сельскаго духовенства,

ближе поставленнаго, чѣмъ оно, къ массамъ населенія. Строеніе крестьянскаго дѣла оказалось бы прочнѣе при содѣйствіи прихода.

Старшій братъ мой Евграфъ немедленно, вслѣдъ за манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ, оставилъ службу на Кавказѣ, такъ какъ былъ выбранъ мировымъ посредникомъ, и поселился въ Городищѣ.

Подрастающее молодое поколѣніе не осталось чуждымъ общему движенію, оживлявшему тогдашнее общество, и наша молодая компанія, горячо привѣтствовавшая освобожденіе крестьянъ, живо интересовалась ходомъ работъ по предстоящимъ реформамъ, обсужденіе которыхъ было частью передано въ дворянскія собранія. Предводителемъ Петербургскаго Дворянства былъ въ то время Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ. Вмѣстѣ съ его сыномъ Боби, мы ежедневно собирались на хорахъ залы Дворянскаго Собранія и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали интересныя пренія по предмету предполагаемаго преобразованія мѣстнаго управленія и введенія земства. Выдающимися ораторами на этихъ собраніяхъ являлись Графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ, Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, Саломирскій. Уѣздные Предводители Дворянства Орловъ, Безобразовъ и пр.

Братъ мой Алексѣй уже кончалъ Университетъ; поступилъ въ него и старшій Веневитиновъ. Прочіе члены нашей компаніи, младшій Веневитиновъ, Боби Шуваловъ, Смирновъ и Философовъ усиленно готовились къ поступленію въ число студентовъ того же Петербургскаго Университета. Мое классическое образованіе было также закончено, и я въ свою очередь былъ готовъ приступить къ вступительному экзамену въ Университетъ, но мое расположеніе къ военной службѣ побудило отца разрѣшить мнѣ поступить юнкеромъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, что и исполнилось въ слѣдующемъ 1864 году.

По случаю Польскаго возстанія 1863 года, гвардія выступила походомъ въ Сѣверо-западной край. Туда двинулся и стрѣлковый Его Величества баталіонъ, гдѣ братъ Дмитрій, окончивши курсъ Академіи Генеральнаго Штаба, командовалъ ротой. Старшій братъ Владиміръ былъ тогда адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича, а въ то время Намѣстника Царства Польскаго.

Во время Польскаго возстанія, Россія была напуганъ Евро-

пейской войны, влѣдствіе образовавшейся противъ насъ коалиціи Англіи, Франціи и Австріи, пожелавшихъ своимъ вмѣнательствомъ въ наши внутреннія дѣла понудить Россію рѣшить польскій вопросъ путемъ дарованія полякамъ конституціи.

М. Н. Катковъ смѣло выступилъ на защиту своей родины противъ козней ея внѣшнихъ враговъ и патріотическими передовыми статьями, въ своемъ органѣ „Московскія Вѣдомости“, возбудилъ общественное мнѣніе въ Россіи и вдохновилъ своимъ убѣдительнымъ словомъ знаменитыя дипломатическія ноты тогдашняго Канцлера Князя А. М. Горчакова. Опираясь на голосъ всей Россіи, Горчаковъ заставилъ Европейскую коалицію отступить передъ взрывомъ русскаго общественнаго мнѣнія, отстоявшаго достоинство нашего дорогого отечества. Понятна признательность по этому поводу, выраженная М. Н. Каткову со всѣхъ концовъ Россіи. Изъ первыхъ отозвалось Московское дворянство, выразившее чувство своего восторженнаго почтенія Каткову поднесеніемъ ему бронзовой чернильницы съ изображеніемъ русскаго витязя съ знаменемъ въ рукахъ, на которомъ были начертаны слова „Единство Россіи“. Этотъ знакъ сочувствія нашему знаменитому патріоту со стороны передового сословія въ Россіи сохранился понинѣ въ семьѣ Михаила Никифоровича Каткова, въ с. Знаменскомъ, Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, тамъ же, гдѣ онъ и скончался. Благодарность Каткова Россіи за ея сочувствія была вся его послѣдующая 23-хлѣтняя неутомимая работа, посвященная исключительно благу своей родины, которую онъ такъ беззаветно, такъ нелицемѣрно любилъ, какъ дитя любить свою родную мать.....

Я говорилъ уже раньше, что мнѣ дано было разрѣшеніе вмѣсто Университета вступить въ военную службу. Отецъ мой, считалъ, что служба въ войскѣ должна была начинаться съ юныхъ лѣтъ, службой въ его рядахъ, для практическаго познанія всѣхъ требованій, предъявляемыхъ нижнему чину.

Моя семья проводила лѣто 1863 года въ Петергофѣ и, однажды гуляя вечеромъ на музыкѣ, я встрѣтилъ Адлерберга, нашего бывшаго предсѣдателя Клуба конькобѣжцевъ. Адлербергъ былъ уже произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики Преображенскаго полка. Узнавъ, что я собираюсь поступать на военную службу, онъ тутъ же началъ

убѣждать меня вступить въ его полкъ, достоинства котораго онъ восхвалялъ. Историческое значеніе этого славнаго полка мнѣ было хорошо извѣстно.

Такъ какъ я уже былъ хорошо подготовленъ къ поступленію въ Университетъ, то предстоящій юнкерскій экзамень мнѣ не представлялся особенно серьезнымъ, надо было лишь хорошенько приготовить предметы математики и вообще повторить весь курсъ, за исключеніемъ древнихъ языковъ.

Въ то время поступающіе въ гвардію держали экзамень при Николаевской школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ—нынѣшнее Николаевское Кавалерійское училище,—и экзамены были назначены въ Февралѣ. Вмѣстѣ съ моимъ другомъ Николаемъ Араповымъ, поступающимъ въ юнкера Кавалергардскаго полка, въ которомъ уже служилъ его братъ Иванъ Андреевичъ, поступившій въ полкъ юнкеромъ вмѣстѣ съ М. Скобелевымъ, который жилъ въ то время въ Конвоѣ Его Величества, которымъ въ то время командовалъ его отецъ. Помню, что я бывалъ у него въ Конвоѣ вмѣстѣ съ братьями Араповыми.

Съ Николаемъ Араповымъ, или какъ его тогда называли Кошкой, мы вмѣстѣ засѣли съ осени готовиться къ экзамену, который былъ назначенъ, какъ я уже говорилъ, въ половинѣ Сентября. Надо было пройти хотя и все, что мнѣ уже было извѣстно, но уже по программѣ, требуемой въ военныхъ заведеніяхъ. Послѣ домашняго образованія подъ ближайшимъ наблюденіемъ отца, требованія юнкерской школы мнѣ показались незначительными, въ особенности же исторія по учебнику Шульгина. Дома мое обученіе всеобщей исторіи носило академическій характеръ; могу сказать, что я ее не училъ, а изучалъ по пространнымъ источникамъ, вродѣ нѣмецкаго учебника Вебера (котораго мой отецъ особенно высоко ставилъ, какъ историка), совмѣстно съ чтеніемъ русской исторіи Соловьева и Карамзина. Понятно, что руководства Шульгина и томикъ Иловайскаго мнѣ показались скорѣе историческими конспектами.

По географіи меня готовилъ къ экзамену Лебедевъ, очень милый человѣкъ, охотно рассказывавшій мнѣ забавные анекдоты.

Ко времени приготовленія къ экзаменамъ я уже располагалъ свободой дѣйствій и до нѣкоторой степени жилъ самостоятельно.

Съ Араповымъ мы занимались по вечерамъ у него, въ домѣ Жеребцова на Дворцовой набережной, гдѣ онъ жилъ съ братомъ и сестрой, Варварой Андреевной *).

Иногда, долженъ сознаться, что во время ясныхъ зимнихъ вечеровъ книжки, какъ бы независимо отъ нашей воли, внезапно летѣли по угламъ, а мы садились въ сани и митомъ оказывались на Крестовскомъ, гдѣ пѣли цыганки. Тамъ, оглядываясь во всѣ стороны, чтобы не встрѣтиться съ знакомыми, мы угощали чаемъ черномазыхъ цыганокъ, съ которыми въ эти счастливыя времена мы обходились отменно вѣжливо и предупредительно, а сами пили донское шампанское, какъ разъ приходившееся намъ по карману. Насладившись часокъ незатѣйливымъ обществомъ цыганокъ и предложивъ 16-лѣтней красавицѣ Лизѣ, столь извѣстной въ послѣдствіи всему Петербургу Елизаветѣ Ивановнѣ, свое земное существованіе въ замѣнъ лишь ея улыбки, мы снова летѣли чрезъ Неву и, какъ ни въ чемъ не бывало, садились за прерванное ученіе. Счастливые, ничѣмъ не замѣнимые годы. Однажды я привезъ Лизѣ маленькое золотое колечко, украшенное лапсѣмъ лазури, даръ, указывающій на дѣтскій характеръ нашихъ отношеній. Вскорѣ она была кѣмъ-то выкуплена изъ хора, и лѣтъ десять спустя на какомъ-то цыганскомъ вечерѣ я встрѣтилъ ее, но уже Елизаветой Ивановной, всю усыпанную щедрой рукой ея поклонника, брилліантами и сапфирами. Въ массѣ драгоценныхъ колецъ она мнѣ между ними указала на скромный лапсѣмъ лазури, прибавивъ: „а вѣдь это единственное, данное отъ чистаго сердца“. Не умаляя ничѣмъ сердечной чистоты представителя богатѣйшей иностранной фирмы В., думаю, что она была права.

Цыганка Елизавета Ивановна умерла еще молодой въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, оставивъ по себѣ память у знавшихъ ее, какъ объ очень хорошей женщинѣ, рѣзко отличавшейся своимъ характеромъ отъ прочихъ представительницъ ея національности.

Вспоминая отдаленные дни моей первой юности, съ трудомъ могу себѣ объяснить, какимъ образомъ на 17-мъ году моей жизни во мнѣ свободно уже совмѣщалось великосвѣтское, почтительное

*) Въ послѣдствіи замужемъ за Барономъ Л. А. Фредериксомъ, моимъ сослуживцемъ въ Преображенскомъ полку, нынѣ Генералъ-Адъютантомъ.

увлеченіе на вечерахъ Гр. Разумовской, о которомъ упоминалъ выше, съ чувствомъ влеченія къ растрепанной цыганкѣ Лизѣ. Предоставляю впрочемъ рѣшеніе этого вопроса выводамъ психологій человѣческаго сердца.

VIII.

Мысль поступить въ ряды Преображенскаго полка, нѣкогда пополнявшіеся потѣшными Петра Великаго, и присягнуть подь его историческими знаменами на вѣрность службы своему Государю и Россіи, переполняли мою юную душу чувствомъ благоговѣйнаго восторга. О составѣ полка и о полковой жизни я еще не имѣлъ никакого понятія. Мнѣ было лишь извѣстно, что полковымъ командиромъ былъ Князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій, къ которому отецъ мой возилъ меня для представленія и который въ самыхъ любезныхъ словахъ выразилъ свое согласіе на мое поступленіе въ полкъ.

Въ тѣ времена, еще до введенія общей воинской повинности, полковые юнкера входили въ составъ полковой офицерской семьи и считались какъ-бы ея младшими членами, пользуясь въ полку всѣми общественными правами наравнѣ съ офицерами, въ зависимости отъ расположенія къ нимъ послѣднихъ. Въ противномъ случаѣ они удалялись подь благовиднымъ предлогомъ изъ полка, до ихъ производства въ офицеры.

Вступительный экзаменъ я выдержалъ вполне благополучно и ожидалъ лишь приказа по полку, чтобы надѣть мундиръ. Въ это время должна была состояться свадьба моего покойнаго брата Владиміра съ графиней Леониллой Викторовной Паниной, и я надѣялся, что она украсится моимъ присутствіемъ въ мундирѣ съ ярко-красными лацканами, но приказъ еще не вышелъ и мнѣ пришлось присутствовать на свадьбѣ, въ церкви Мраморнаго Дворца, еще въ статскомъ одѣяніи.

Приказъ о моемъ зачисленіи вышелъ лишь черезъ нѣсколько дней и, какъ только я надѣлъ мундиръ, чувство дѣтской радости уступило во мнѣ мѣсто гордому сознанію, что я надѣлъ форму перваго полка русской арміи. Выше этого счастья я и не могъ себя вообразить.

Приказомъ по полку, я былъ зачисленъ въ 3-ю роту, расположенную въ казармахъ 1-го баталіона, на Милліонной улицѣ.

Всѣ подробности этого счастливаго дня, о которыхъ я часто вспоминалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, остались такимъ образомъ навсегда въ моей памяти. Капитана Е. А. Дена, командира третьей роты, по какому-то случаю не было на лицо, командующимъ же ротой былъ графъ Николай Петровичъ Клейнмихель.

Съ утра одѣтый въ парадную форму, въ полной амуниціи и съ каской съ султаномъ на головѣ, я ожидалъ въ ротѣ прибытія ротнаго командира. Почтительно ласковый со мной фельдфебель Михайловъ провелъ меня по ротѣ и представилъ мнѣ расторопнаго ефрейтора Берникова, который, по укоренившемся съ долгихъ поръ обычаю, долженъ былъ быть, въ первый годъ поступленія на службу, моимъ менторомъ или дядькой, обучать меня ружейнымъ приѣмамъ и вообще руководить моими первыми шагами на поприщѣ солдатской службы. Я засталъ въ полку ружья системы Крынка, передѣланныя изъ ударныхъ ружей и заряжающихся съ казенной части.

Когда пріѣхалъ въ обычный часъ графъ Клейнмихель, я стоялъ какъ вкопанный у входа въ роту, держа руку подъ козырекъ. „Здорово“, обратился онъ ко мнѣ, на что я ему привѣтливо отвѣтилъ статскимъ поклономъ. Графъ строго обратился къ стоявшему тутъ же фельдфебелю и спросилъ его: „Это что такое? Почему не научилъ?“ Засимъ обращаясь снова ко мнѣ, внушительно произнесъ: „Помните разъ навсегда, когда я здороваюсь съ вами въ ротѣ или на улицѣ, вы должны отвѣтить „здравіе желаю“, а не кланяться“. Осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы и сдѣлавъ какое-то замѣчаніе фельдфебелю о пригонѣ моей амуниціи, ротный командиръ въ сопровожденіи его пошелъ дальше по ротѣ, не обращая на меня уже болѣе никакого вниманія и сказавъ мнѣ, лишь удаляясь: „Вольно“, что обозначало, какъ мнѣ пояснилъ Берниковъ, что моя первая аудіенція у начальства окончена. Долженъ сознаться, что она произвела на меня охлаждающее дѣйствіе ушата холодной воды, внезапно на меня опрокинутого. Вотъ тебѣ разъ, думалъ я, снимая каску, ранецъ и проч., начальнигъ не изъ обворожительныхъ. Но недолго пришлось мнѣ пребывать въ недоумѣніи, черезъ четверть часа пришелъ фельдфебель и сказалъ мнѣ, что ротный командиръ у него въ комнатѣ и

требуетъ меня туда, безъ амуниці. Застегнувъ мундиръ и надѣвъ кепи, я отправился по назначенію. Я засталъ графа Николая Петровича сидящимъ за столомъ, на которомъ стояла бутылка шампанскаго, помню, съ золотой головкой и два стакана. Я остановился на почтительномъ разстояніи, приложивъ руку къ козырьку, но Николай Петровичъ самымъ благодушнымъ образомъ подаль мнѣ руку, говоря: „Очень радъ съ вами познакомиться. Прошу любить и жаловать. Тамъ—такъ, а здѣсь—такъ“, прибавилъ онъ ласково, усаживая меня и приказывая откупорить шампанское. „Тамъ я вашъ начальникъ, а въѣ службы мы равные, и я вашъ старшій товарищъ и, если хотите—старшій другъ“. Я ему отвѣтилъ, конечно, утвердительно, еще не совсѣмъ понимая стихійной переменъ, происшедшей въ моемъ командирѣ. „Во-первыхъ“, продолжалъ онъ, вставая и поднимая стаканъ: „за здоровье нашего родного полка“. Съ восторгомъ я осушилъ свой стаканъ.

Поговоривъ еще нѣкоторое время по душѣ и объяснивъ мнѣ, что всѣ мы, отъ командира до послѣдняго солдата, должны охранять честь Преображенскаго полка и свято чтить его преданія, Николай Петровичъ протянулъ мнѣ свой стаканъ и предложилъ выпить брудершафтъ на „ты“. Засимъ я былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны.

Мое знакомство и разговоръ съ Клейнмихелемъ или, какъ его почему-то звали въ полку, „Президентомъ“, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Въ его поведеніи со мной не было никакой аффектаціи и не чувствовалось разыгрыванія роли, оно было вполне естественно и я сразу оцѣнилъ громадную разницу, которая должна существовать между дисциплиной и личными отношеніями начальника къ подчиненнымъ въѣ строя. Эти отношенія могутъ быть, безъ всякаго ущерба для интересовъ службы, поставлены въ зависимость отъ воспитанія и личнаго таланта, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и быть освящены обычаями и традиціями полка.

Былъ Царскій день или праздникъ, и нижнимъ чинамъ приходилось весь день оставаться въ полной формѣ въ красныхъ лацканахъ, въ каскѣ съ султаномъ и шинели въ накидку. Гдѣ только я въ этотъ день не побывалъ; надо было показаться всѣмъ роднымъ и многочисленнымъ друзьямъ.

Въ этотъ день я, конечно, обѣдалъ дома. Мундиръ возбуждалъ во мнѣ чувство самостоятельности и нѣкоторой напускной важности и внушалъ почтеніе моимъ младшимъ сестрамъ. Сама Miss Stuart, какъ мнѣ показалось, относилась ко мнѣ какъ будто подобострастно и застѣнчиво просила меня не забывать среди моихъ новыхъ обязанностей англійскаго языка, что я ей снисходительно и общалъ, хотя въ продолженіи многихъ лѣтъ ни единого слова на этомъ языкѣ не произносилъ. Передъ обѣдомъ я развязно подошелъ къ водкѣ, чего еще наканунѣ не подумалъ бы сдѣлать. По правдѣ сказать, не съ охотой выпилъ я залпомъ рюмку водки, а скорѣе лишь потому, что пить водку считалъ необходимостью, красиво и съ лихостью отражавшеюся на моемъ положеніи военного человѣка.

Мой добрый отецъ былъ очень доволенъ и указалъ мнѣ на примѣръ моего брата Дмитрія, кончившаго однимъ изъ первыхъ Академію Генеральнаго Штаба. Я, конечно, понималъ, что этотъ намекъ касался надежды и моего будущаго поступленія въ ту же Академію, но подъ впечатлѣніемъ только что оконченныхъ экзаменовъ я предпочелъ оставить вопросъ объ этомъ открытымъ. Въ такомъ же видѣ, впрочемъ, онъ остался и повинѣ....

Отъ родителей послѣ обѣда я получилъ временное пособіе въ денежныхъ знакахъ, которымъ тутъ же мысленно опредѣлили путь на Крестовскій островъ, для эстетической потребности послушать цыганъ.

Кстати сказать, цыгане были не то, что теперь, и хоръ не состоялъ тогда изъ курносыхъ подкрашенныхъ дѣвицъ или природныхъ жидовокъ, съ претензіями на послѣднія вѣнскія моды. Въ ту пору шѣли цыгане не фабричныя романсы и современные вальсы, а чудныя задумчивыя цыганскія пѣсни, согрѣвающія душу и полныя своеобразной мелодіи и нѣги. Когда же, подъ звуки удалой цыганской пѣсни „Пропaday моя телѣга, всѣ четыре колеса“, начиналась пляска, то въ ней чувствовались порывы какой-то дикой, необузданной страсти....

Вечеромъ счастливаго дня, который навсегда остался въ моей памяти, вмѣстѣ съ Араповымъ, уже одѣвшимъ форму Кавалергардскаго полка, мы отправились на тройкѣ на Крестовскій навѣстить нашихъ неизмѣнныхъ друзей цыганъ. Увидя насъ въ военной формѣ,

цыгане сдѣлали намъ цѣлую овацію. Старая цыганка Варвара, уже не помню, какъ по батюшкѣ, до того умилилась, что заплакала, а басистый Василій, поздравляя насъ, выпилъ большой стаканъ коньяку и басомъ, какъ изъ бочки, провозгласилъ намъ многолѣтіе, отъ котораго затрещали окна, а снаружи залаяли собаки. Въ этотъ вечеръ мы пили ужъ не донское шампанское, какъ бывало, но уже настоящее и выпили мы его достаточно, безъ оглядки на предстояшіе ранѣ экзамены. Въ былыя времена веселіе не было лишь послѣдствіемъ выпитаго вина, напротивъ оно его требовало и имъ подогревалось.

На радостяхъ, поздно вечеромъ старыя цыганки отпустили молодыхъ покататься съ нами на тройкѣ по пустыннымъ островамъ. Лиза поѣхали въ моей солдатской шинели, а Араповъ облекъ Дуню въ свою. Мы же, не смотря на Мартъ мѣсяцъ, поѣхали въ однихъ мундирахъ. Къ намъ же присѣла въ тройку старая цыганка, которую помнится мы звали Чертова невѣста, а цыганъ, по прозванію „Пробка“, помѣстился на козлахъ. Ночь была звѣздная, дорога превосходная и мы какъ вихрь мчались по безлюднымъ аллеямъ Каменнаго и Елагина острововъ. Когда мы очутились на Стрѣлкѣ и уѣхали на скамейку, у Чертовой невѣсты оказалась взятая ей, на всякій случай, бутылка коньяку съ рюмкой, и дружно понеслась по взморью наша развеселая пѣсня:

„Наливай сосѣдь сосѣду,
Сосѣдь любитъ пить вино“
и пр. пр.

Различная судьба въ будущемъ ожидала нашихъ обѣихъ героинь. Лиза разцвѣла во всей смуглой цыганской красотѣ, а бѣдная Дуня, столь глубоко захватывавшая душу, когда грустно пѣла своимъ контраalto: „Не уѣзжай, голубчикъ мой“, или съ оттѣнкомъ гордости, „Я цыганкой родилася средь лѣсовъ, среди полей“, года черезъ два умерла отъ скоротечной чахотки. Мы съ Араповымъ ее и похоронили. Не ошибалась она, когда съ горькой ироніей произносила слова пѣсни: „Мало-ль что про насъ болтають, сами хуже во сто разъ“. У тогдашнихъ цыганъ былъ широкій природный разгулъ, но никогда не былъ имъ извѣстенъ развратъ, свободно посѣщающій различные слои, хотя и болѣе, чѣмъ они, культурнаго общества. Когда я какъ-бы переживаю снова давно, давно минувшіе счастливые дни безвоз-

вратной молодости, сердце сжимается при грустномъ воспоминаніи о моемъ дорогомъ другѣ дѣтства Николаѣ Андреевичѣ Араповѣ. Рано сошелъ въ могилу этотъ беззаветно добрый, умный и, не въ банальномъ смыслѣ слова, честный человѣкъ. Вся его короткая жизнь доказала это всѣмъ его хорошо знавшимъ.

Послѣ бурной ночи, послѣдовавшей за первымъ днемъ моего зачисленія въ Преображенскій полкъ, спать оказалось нѣкогда и, едва успѣвъ освѣжиться и переодѣться, я уже въ 9 часовъ утра являлся командиру полка, которому меня оффиціально представилъ мой ротный командиръ.

Князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій жилъ въ бель-этажѣ казармъ 1-го баталіона, на Милліонной, а его супруга Княгиня Олимпиада Александровна, рожденная Каблукова, помѣщалась въ сосѣднемъ домѣ Графа Воронцова. Изъ казармъ въ этотъ домъ была пробита стѣна и устроенъ ходъ, такъ что существовало сообщеніе между квартирой Княгини и помѣщеніемъ, которое занималъ Князь. Съ тѣхъ поръ этотъ ходъ уже кажется задѣланнымъ.

Князь былъ человѣкъ очень хорошій и отличался необыкновенно добрымъ сердцемъ. Все въ жизни ему удавалось и онъ казался избалованъ ею, на что указывалъ его всегда веселый, привѣтливый видъ. Онъ не умѣлъ быть строгимъ и тому препятствовала, очевидно, слишкомъ большая сердечная доброта, а когда, какъ командиръ, онъ былъ поставленъ въ необходимость быть строгимъ и даже гнѣвнымъ, онъ не могъ долго выдерживать характеръ и казаться таковымъ, и, какъ-бы независимо отъ его воли, вскорѣ привѣтливая улыбка блуждала снова на его добромъ, красивомъ лицѣ, окаймленномъ уже посѣдѣвшими бакенбардами, хотя сравнительно онъ старъ еще не былъ. На видъ ему можно было дать отъ 45—50 лѣтъ. Всѣ чины полка равно его не только любили, но еслибы я не боялся употребить институтское выраженіе, то сказалъ бы—и обожали. Не одними наружными качествами, но душой онъ былъ достойнымъ командиромъ Преображенцевъ. Всѣ чувствовали, что въ этомъ начальникѣ олицетворялись всѣ достоинства и высокія традиціи Преображенскаго полка. Его личное благородство и прямота были именно тѣ качества, которыя сроднили его съ нашей дорогой Преображенской семьей.

Обращаясь лично къ памяти покойнаго Князя Анатолія Ива-

новича, могу лишь прибавить, что я сохранию о немъ до конца жизни самое свѣтлое воспоминаніе.

Ко мнѣ онъ всегда относился съ добротой, которая, быть можетъ, была даже преувеличена снисходительностью ко всѣмъ моимъ шалостямъ. За эти шалости, внушенные легкомысліемъ молодыхъ годовъ, я, слава Богу, не имѣю повода краснѣть, а поэтому снисходительное ко мнѣ расположеніе Князя объяснялось не какимъ-либо пристрастіемъ, а лишь его сердечной добротой. Я уже говорилъ, что онъ не умѣлъ быть строгимъ.

Всѣ слѣдующіе дни по поступленіи моемъ въ полкъ мнѣ предстояло являться ко всѣмъ офицерамъ полка, живущимъ въ казармахъ или на собственныхъ квартирахъ. У тѣхъ, которыхъ я не заставлялъ дома, я расписывался. Пришлось также ѣхать и въ Царскую Славянку, гдѣ стояли наши три стрѣлковыя роты. Командующій первой ротой былъ Баронъ Л. А. Фредериксъ (нынѣ Генералъ-Адъютантъ), второй—командовалъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, а третьей В. В. Пенскій. Всѣми стрѣлками командовалъ Полковникъ Н. И. Ореусъ, впоследствии командиръ Самарскаго полка на Кавказѣ. Хорошо помню И. А. Фулона, бывшаго Петербургскаго Градоначальника, субалтернъ-офицеромъ въ одной изъ стрѣлковыхъ ротъ.

Всѣхъ офицеровъ нашего полка въ сборѣ я видѣлъ на большомъ прощальномъ обѣдѣ, который полкъ давалъ, вскорѣ послѣ моего поступленія, двумъ уходившимъ изъ полка, весьма любимымъ офицерамъ, Полковнику Веловзору и Н. Н. Львову, котораго въ полку почему-то звали Колофатомъ.

Обѣдъ происходилъ въ казармахъ 2-го и 3-го баталіоновъ на Кирочной, гдѣ помѣщался также лазаретъ, школа солдатскихъ дѣтей, мастерскія и пр. Мнѣ впервые пришлось присутствовать на большомъ обѣдѣ, соединившемъ за однимъ столомъ всю дорогую семью Преображенцевъ, къ которой я теперь съ гордостью принадлежалъ. Я могъ воочию убѣдиться, что слово семья не было пустой звукъ, которымъ опредѣлялась группа людей, различнаго возраста, носившая одинъ и тотъ же мундиръ.

Во время обѣда я наблюдалъ за моими новыми товарищами, и ихъ непринужденный откровенный разговоръ ясно указывалъ на тѣсную связь, существовавшую между ними, и на тѣ товарищескія

отношенія, которыми отличался полкъ и о которомъ ранѣе я такъ много слышалъ. Обѣдъ прошелъ не весело. Видимо, всѣ были глубоко опечалены уходомъ двухъ старыхъ офицеровъ, со школьной скамьи поступившихъ въ полкъ и многіе годы въ немъ прослужившихъ. Когда подали шампанское, съ простымъ и задушевнымъ словомъ обратился къ нимъ Князь Барятинскій отъ имени всѣхъ полковыхъ товарищей. Отвѣчая ему, полковникъ Веловзоръ краснорѣчиво началъ было свою рѣчь, но вдругъ его голосъ оборвался, онъ залился слезами и крикнулъ: „прощай, мой святой полкъ“. Музыка заиграла полковой Петровскій маршъ, подъ звуки котораго Преображенцы пріяли свое боевое крещеніе близъ Нарвы въ 1702 году. Молча офицеры по очереди подходили и пожимали руки отбывающимъ товарищамъ, и я замѣтилъ, что многіе украдкой утирали наворачнувшуюся слезу. Минута мнѣ показалась торжественной и произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Меня охватило дотолѣ невѣдомое мнѣ чувство преданности и благоговѣнія передъ полкомъ, къ которому я имѣлъ счастье принадлежать. Какъ самый младшій, я подошелъ послѣднимъ. Хорошо помню, какъ Веловзоръ, пожимая мнѣ руку, грустно сказалъ; „Все, что осталось еще жить, отдаю бы, чтобы носить ваши юнкерскіе погоны“....

Ни Веловзора, ни Львова уже давно нѣтъ въ живыхъ. Послѣдній умеръ въ Москвѣ Директоромъ вдовьяго дома.

Удивительно, какъ вообще природа русскихъ людей подвержена быстрой замѣнѣ грустнаго настроенія самымъ развеселымъ расположеніемъ духа.

Едва кончился грустный обѣдъ, какъ столы были убраны и замѣнены однимъ столомъ, уставленнымъ бутылками шампанскаго и тарелками съ жареными миндалемъ съ солью и орѣхами, появились два хора цыганъ и вино полилось по стаканамъ, пуговицы сюртуковъ растегнулись и пошла настоящая потѣха бывшихъ потѣшныхъ Петра.

Всѣ сидятъ полукругомъ, напротивъ помѣстились цыгане, которые съ какимъ-то изступленіемъ орутъ: „Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ“.... Неожиданно ихъ перебиваетъ командиръ полка, онъ встаетъ со стаканомъ въ рукахъ. Водворяется полная тишина. Всѣ офицеры разомъ встаютъ и застегиваются. „Господа, за здоровье

дорогаго, роднаго полка“, слышится громкій, симпатичный голос Князя; ему отвѣчаютъ громкимъ „ура“. Всѣ стаканы осушаются залпомъ и летятъ, какъ одинъ, въ дребезги объ полъ. Старыя цыганки визжать отъ испуга, и изъ сосѣдней комнаты слышатся снова звуки полкового марша: „Знають про насъ шведы“....

Не успѣла замолкнуть музыка, какъ зазвенѣли бубны и гдѣ-то вблизи раздалась удалая солдатская пѣсня: „Посѣю лебеду на берегу....“ Неудержимо срывается со своихъ мѣстъ полковая молодежь и пускается въ родную присядку. „Старики“ подпѣваютъ и хлопаютъ въ ладоши.

Около полуночи командиръ полка уѣхалъ и его проводилъ дежурный по полку. Виновики торжества, Велозворъ и Львовъ, уже безмятежно покоются отъ всѣхъ тревоженій дня на диванахъ, которыми уставлена огромная дежурная комната, а я отъ массы выпитыхъ брудершафтовъ начинаю усматривать нѣкоторые предметы въ двухъ экземплярахъ и постоянно принимать какую-то старую цыганку за командира полка и почтительно къ ней обращаться со словами: „Ваше Сіятельство“.

Но кувшинъ холодной воды, вылитый мнѣ на голову, приводитъ меня въ нормальное состояніе.

Между тѣмъ огни тушатся и посрединѣ залы въ ротномъ котлѣ уже пылаетъ жженка. Надъ пламенемъ на шомполахъ лежитъ большой кусокъ сахару, которой постоянно обливается коньякомъ и въ растопленномъ видѣ капаетъ въ горящій коньякъ и шампанское. Еще тѣснѣе кругомъ пылающаго котла сдвигается семья Преображенцевъ. По командѣ старшаго изъ присутствующихъ скюртуки живо снимаются. Цыгане пѣвцы удаляются угощаться въ отдѣльное помѣщеніе, а цыганки разсыпаются между офицерами, какъ стрѣлки по кустамъ. Цыганка Лиза уже не обращаетъ на меня никакого вниманія и лебезитъ со старшими офицерами. Да и мнѣ не до нея. Меня зоветъ для особыхъ порученій мой ротный командиръ, на котораго развѣ навсегда была возложена обязанность варенія жженки. Съ растегнутымъ воротомъ рубашки, подвязанный длиннымъ фартукомъ, съ суповой ложкой на пальцѣ въ рукѣ, Графъ Николай Петровичъ Клейнмихель съ важностью священнодѣйствуетъ около котла, мѣшая и пробуя варево изъ различныхъ винъ. Его помощники, младшіе въ

чинѣ, суетятся около него, одни откупориваютъ бутылки, другіе очищаютъ фрукты, сортируютъ вино и пр. Прислуга въ такихъ случаяхъ удаляется. Меня Николай Петровичъ держитъ непосредственно при себѣ, преслѣдуя при этомъ, очевидно, педагогическія цѣли, и то и дѣло отдаетъ приказанія: „Лей красное. Сладковато. Пусти мадеры, посуше, да для аромата еще бутылки двѣ Ямайки. Вали фрукты“. Наконецъ жженка приходится ему по вкусу, достаточной крѣпости, и онъ самодовольно произноситъ: „туши“. Помощники вооружаются бутылками и вливаютъ въ котель вторую дюжину, но уже замороженного шампанскаго. Жженка готова и разливается въ стаканы, которые по офицерскимъ группамъ разносятъ цыганки. „Знай, Комарь, что во время жженки не принято выражать восторга путемъ бития посуды“, на всякій случай, поучаетъ меня, какъ новичка, Николай Петровичъ.

Веловзоръ и Львовъ, успѣвшіе отойти, уже сидятъ среди товарищей, какъ встрепанные, и дружеская бесѣда, какъ пишутъ въ газетныхъ отчетахъ, „затянулась далеко за полночь“. Ну ужъ и бесѣда!...

У помощниковъ Клейнмихеля давно руки устали наливать, а цыганки такъ и лѣзутъ съ пустыми стаканами, точно на водопой. Стихійное веселье въ полномъ разгарѣ, душа гуляетъ нарастающую, но все чинно, безъ какого-либо намека на непристойность.

Въ концѣ веселой товарищеской пирушки Веловзоръ и Львовъ поднимаются на руки бывшими товарищами, выносятся наружу и торжественно обносятся почему-то вокругъ небольшого находившагося въ то время передъ главнымъ входомъ, круглаго садика.

Музыка на крыльцѣ играла похоронный маршъ Шопена. Всѣ поютъ; „Прощай, прощай, мой генераль...“

Въ тѣ времена окрестность Таврическаго сада была пустынная, чуть ли не захолустная мѣстность, и часть Кировной улицы, прилегавшей къ казармамъ, была, особенно въ ночной часъ, совершенно какъ-бы внѣ черты города.

На слѣдующее утро въ 9 часовъ утра всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ, и въ ротахъ занятія происходятъ обычнымъ чередомъ. Опаздывать на службу въ такіе дни не полагалось. „Хоть въ колодезь полѣзай освѣжаться, а въ свое время будь на ученіи“, повторяли старожилы полка.

Мои бѣглыя воспоминанія были бы не полны и несогласны съ истиной, если бы я не упомянулъ въ нихъ съ подобающей откровенностью о всѣхъ шалостяхъ, которыя были продѣланы мной во времена счастливой беззаботной молодости.

Вступивъ совсѣмъ юношей въ полкъ, въ среду товарищей, не отличавшихся особыми правилами монашествующей братіи, непосредственно вслѣдъ за патриархальнымъ дѣтствомъ, проведеннымъ дома въ благочестивой семьѣ, меня незамѣтно охватило беззавѣтное влеченіе къ свободѣ, которая впрочемъ не имѣла ничего общаго съ тѣми понятіями о той свободѣ, которыми, по выраженію М. Н. Каткова, отличаются мошенники пера и прелюбодѣи слова, подвизающіеся въ настоящее время какъ въ нашей прессѣ, такъ, къ несчастію, зачастую и въ стѣнахъ Г. Думы....

Мои понятія о свободѣ ограничивались въ то время лишь желаніемъ воспользоваться пошире всѣми благами жизни, представляющей въ счастливые годы юности лишь въ соблазнительномъ блескѣ всевозможныхъ развлеченій и удовольствій. Я долженъ сознаться, что лишь нравственное начало, вложенное въ воспитаніе, которое я получилъ дома, благодаря попеченію отца и матери, предохранило меня въ юные годы отъ поступковъ, ознаменованныхъ присутствіемъ злой воли или какимъ-либо недостойнымъ побужденіемъ. Вся моя слишкомъ, быть можетъ, бурная молодость носила характеръ безпечности, присущей юнымъ годамъ и незнанію жизни, въ которой дѣйствительность скрывается за привлекательными образами внѣшнихъ проявленій.

Вступивъ въ полковую семью, связанную традиціями прошлаго, я не отсталъ и отъ общества друзей и сверстниковъ моего дѣтства, большинство которыхъ въ то время уже вступило въ Университетъ.

Двоюродный братъ Вл. Веневитиновъ, Смирновъ, П. Шуваловъ, Философовъ, Есиповъ, братья Медемъ были уже студентами I курса Петербургскаго Университета. Мой братъ Алексѣй, Гр. В. В. Панинъ, старшій Веневитиновъ, К. Ф. Головинъ уже вышли изъ Университета. Первые двое поступили на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Веневитиновъ же и Головинъ во второе отдѣленіе Собственный Е. В. Канцеляріи.

Почти ежедневно по вечерамъ собирались мы то у одного, то

у другого члена своей компании. Обыкновенно вечера эти начинались солидными бесѣдами объ университетскихъ лекціяхъ и профессорахъ, обсуждались вопросы, занимающіе современное общество, по подѣ концу молодость брала свое и вечеръ кончался веселымъ ужиномъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ одного изъ Петербургскихъ ресторановъ, а иногда и развлечения самаго разнообразнаго характера, соотвѣтствующаго данному настроенію компании и ея наличнымъ матеріальнымъ средствамъ. Чего, чего мы не продѣлывали, въ особенности весной въ чудныя свѣтлыя Петербургскія ночи, когда сама природа, казалось, располагала наши юныя головы ко всевозможнымъ порывамъ безпечной молодости. Грустно подумать, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ члены нашей веселой компании въ настоящее время уже мирно покоятся подъ могильными крестами, но и отрадно вспомнить при этомъ, что ни одинъ изъ ея членовъ не оставилъ по себѣ память, несоотвѣтствующую понятіямъ о достоинствѣ человека и высокой чести.

Одинъ изъ общихъ нашихъ друзей К. Ф. Г., вносившій въ нашу среду все обаяніе всесторонняго образованія, ума и неподдѣльнаго юмора, и понынѣ здравствуетъ, но все его существованіе скрывается неизлѣчимымъ недугомъ, который впрочемъ не препятствуетъ ему проявлять живѣйшій интересъ ко всѣмъ событіямъ современной общественной жизни.

Никто изъ нашей многочисленной и однородной компании, которую такъ и принято было именовать между собой, не сдѣлалъ такъ-называемой карьеры, въ смыслѣ достиженія верховъ іерархической лѣстницы. Была ли то причиной выработанная въ насъ извѣстная самостоятельность, или же отвращеніе ко всему, что напоминало собой чувство подобострастія передъ начальствомъ, или, какъ мы выражались, подлизыванія—осталось для меня и по сіе время открытымъ вопросомъ. Быть можетъ, причиной нашей карьерной несостоятельности были и тѣ условія, въ которыхъ была поставлена въ тѣ времена молодежь извѣстнаго круга, для которой мѣриломъ государственной мудрости являлось лишь усердное посѣщеніе того или другого департамента, аккуратная регистрація входящихъ и исходящихъ бумагъ, общій смыслъ которыхъ всего чаще составлялъ лишь неясное представленіе о настоящемъ положеніи изложеннаго въ нихъ дѣла.

Уровень образованія всѣхъ юныхъ членомъ нашей компаніи этимъ не могъ удовольствоваться. Съ другой стороны, политикой мы не увлекались и никто изъ насъ не принималъ никакого участія въ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ. Въ этомъ случаѣ говорю не о себѣ, такъ какъ уже мундиръ, который я имѣлъ честь носить, не дозволилъ бы мнѣ такого рода увлеченіе.

Съ вступленіемъ многихъ близкихъ друзей въ Университетъ, нашъ тѣсный кружокъ расширился вступленіемъ въ него нѣкоторыхъ изъ университетскихъ товарищей. Къ нашей постоянной компаніи примкнули братья А. и Д. Медемъ, Аркадій Корфъ, Есиповъ, А. Барановъ, С. Шевичъ. Представителями военного элемента въ нашей компаніи былъ мой пріятель кав. юнкеръ Араповъ и я, впоследствии Вл. Шереметевъ, вступившій также юнкеромъ въ Кавал. полкъ.

Вся эта юная компанія всего чаще собиралась, какъ и во времена дѣтства, у братьевъ Веневитиновыхъ, у Боби Шувалова и у Головина.

Головинъ жилъ въ то время на углу Царицына луга и Мойки, въ домѣ бывшемъ Офросимова, окнами на Царицынъ лугъ. Собирались у него обыкновенно по субботамъ, вечеромъ. Особенно памятна мнѣ одна суббота весной, по окончаніи университетскихъ экзаменовъ и перехода моихъ юныхъ друзей на 2-й курсъ. Въ этотъ вечеръ у радушнаго хозяина дома состоялся ужинъ, на который собралась полностью вся наша компанія, не исключая и товарищей Головина, уже окончившаго Университетъ. Всего набралось человѣкъ 25. Какъ и всегда, ужинъ прошелъ весело, чему способствовала чудная свѣтлая Петербургская ночь и открытыя окна на Царицынъ лугъ. За ужиномъ не прекращались и веселые разговоры. Послѣ него началось пѣніе и музыка, и общій другъ Саша Соллогубъ, бывший въ то время Дерптскимъ студентомъ, сидя за фортепьяно съ воодушевленіемъ исполнялъ студенческую пѣсню *Gaudeamus igitur*, всѣ же остальные пѣли со стаканами въ рукахъ.

Помѣщеніе, занимаемое Головинымъ, было хотя и отдѣльно отъ его семьи, но все же она могла быть обезпечена въ поздній часъ звуками музыки и пѣніемъ и, на замѣчаніе одного изъ насъ объ этомъ обстоятельстве, десятка два молодыхъ здоровыхъ рукъ, подхватили фортепьяно и вынесли его на Царицынъ лугъ. Старшіе члены ком-

паніи, мой братъ Алексѣй, Панинъ и самъ хозяинъ, попробовали было протестовать противъ этого внезапнаго перемѣщенія, но тщетно, но разгоряченная виномъ молодежь ихъ ужъ не слушала и немедленно за фортепьяномъ послѣдовалъ столъ, стулья, и, конечно, не забыта была и бутылка съ виномъ. Кутежъ продолжался во всю, но подъ открытымъ небомъ, и снова подъ звуки фортепьяно дружно грянулъ *Gaudeamus igitur*, оглашая собой пустынное въ этотъ часъ Марсово поле.

Со стороны Цѣпнаго моста появился городской, но, при видѣ столь неожиданнаго зрѣлища, куда-то исчезъ и уже полъ часа спустя къ намъ приблизился полицейскій офицеръ, съ очевиднымъ намѣреніемъ возстановленія тишины и спокойствія. Мы его встрѣтили громкимъ тостомъ за здоровье С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера и всей высокочтимой полиціи г. Петербурга, причемъ Соллогубъ заигралъ какой-то бравурный маршъ, слившійся со звуками ура.

Гр. Николай Комаровскій.

25 Марта 1909 г.
С.-Петербургъ.
